А. И. Каминка и В. Д. Набоковъ.

ВТОРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

6Н132

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Больш. Подъяческая, 39.
1907.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова

ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Выпускъ первый.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ДУМЫ.

Сборникъ статей: Н. А. Бородина, Ив. И. Петрункевича, В. М. Гессена, А. Р. Ледницкаго, В. Д. Набокова, С. А. Муромцева и М. М. Винавера. Цѣна 1 р. 25 к.

Выпускъ второй.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Сборникъ статей: Н. А. Гредескула, Г. Б. Іоллоса, А. И. Каминка, Ф. Ф. Кокошкина, В. Д. Набокова, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, М. И. Петрункевича и Г. Ф. Шершеневича. Цѣна 1 р. 25 к.

Выпускъ третій.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО.

Сборникъ статей: Кн. Петра Долгорукова, А. А. Кауфмана, В. Е. Якушкина. Цѣна 75 к.

А. И. Каминка и В. Д. Набоковъ.

ВТОРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Больш Подъяческая, 39.
1907.

209129

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I—VIII
Условія и лозунги избирательной кампаніи	1
Результаты выборовъ. Отличіе отъ первой думы	18
Политическое положеніе въ моментъ созыва второй думы	23
Отношенія правительства къ думѣ	33
Правые и лѣвые въ думѣ	90
Дѣятельность думы	108
Аграрный вопросъ	149
Помощь голодающимъ и безработнымъ	174
Помощь безработнымъ	183
Бюджетъ	187
Амнистія	192
Военно-полевые суды	206
Контингентъ	216
Реформа мѣстнаго суда	219
Запросы	230
Роспускъ думы	259
Приложеніе:	
Отчетъ о дѣятельности парламентской фракціи партіи народной свободы во второй государственной думѣ	268

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Страна переживаетъ вновь періодъ бездумья. Вторая дума оказалась, такимъ образомъ, лишь непродолжительнымъ перерывомъ долгаго тяжелаго междудумья.

Конечно, моментъ для всесторонней и объективной оцѣнки дѣятельности второй думы еще не наступилъ. Ее можно правильно оцѣнить, только поставивъ въ самую тѣсную связь съ первой думой и событіями, наступившими послѣ ея роспуска. Но это, понятно, отнюдь не уменьшаетъ настойчивой необходимости теперь же установить наше отношеніе къ этой дѣятельности. Роспускъ думы — это обращеніе правительства къ странѣ въ спорѣ его съ народнымъ представительствомъ. Все населеніе должно высказаться, кого оно считаетъ правымъ въ этомъ спорѣ.

Правда, это обращеніе правительства происходитъ въ условіяхъ совершенно исключительныхъ, неизвѣстныхъ конституціонному праву въ условіяхъ, чуждыхъ роспуску парламента во всемъ остальномъ мірѣ. Въ своемъ конфликтѣ съ народнымъ предста-

вительствомъ правительство обращается не ко всѣмъ тѣмъ, кто избралъ депутатовъ роспущенной думы. Это возлагаетъ особенно тяжелую, особенно отвѣтственную задачу на ту часть населенія, къ которой правительство еще считаетъ возможнымъ обращеніе, но это не измѣняетъ по существу задачи населенія по отношенію къ народному представительству.

Конечно, такъ быстро произведенный вторичный роспускъ думы, и притомъ съ такимъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. можетъ вселить въ населеніи вполнѣ естественное сомнѣніе въ пригодности парламентскихъ формъ для осуществленія тѣхъ сложныхъ задачъ первостепенной важности, которыя стоятъ въ настоящій моментъ предъ страной. И эти сомнѣнія, тѣмъ болѣе понятныя, тѣмъ болѣе законныя, чѣмъ большія надежды связывались раньше съ введеніемъ у насъ конституціоннаго образа управленія.

Не будемъ слишкомъ строги къ этимъ преувеличеннымъ надеждамъ недавняго прошлаго. Онѣ, несомнѣнно, въ свое время сыграли крупную положительную роль. Но если съ этими иллюзіями въ настоящее время, подъ ударами жестокой дѣйствительности, приходится разстаться, то это отнюдь не должно толкать насъ въ другую крайность, къ чему мы, къ сожалѣнію, вообще, такъ склонны.

Необходимо признать, что функціонированіе нашего молодого парламента является до сихъ поръ безусловно неудовлетворительнымъ. Но, критикуя дѣятельность нашихъ первыхъ двухъ думъ,

совершенно упускаютъ изъ виду, что парламентъ является хотя и безусловно необходимымъ, но отнюдь не единственнымъ условіемъ правового государства.

У насъ конституція была введена такимъ образомъ, что многихъ другихъ тоже необходимыхъ условій конституціоннаго строя не было на лицо. Понятно, дума не могла сразу создать эти условія. Между тѣмъ, населеніе не желало, да, пожалуй, и не было въ состояніи это понять. Оно требовало отъ думы чуда, забывая, что чудесъ не можетъ творить никакой парламентъ. Дѣло было вовсе не въ томъ, что дума не понимала тѣхъ задачъ, которыя стояли передъ ней, къ разрѣшенію которыхъ она была призвана: дѣло было не въ составѣ думы, даже не въ ограниченности тѣхъ правъ, которыми она пользовалась согласно основнымъ законамъ. Какъ бы это ни казалось съ перваго взгляда парадоксальнымъ, бываютъ моменты, когда политическая конъюнктура складывается такимъ образомъ, что парламентъ становится безсильнымъ не въ силу недостатковъ, лежащихъ въ его организаціи или составѣ, но, наоборотъ, вслѣдствіе того, что онъ настолько совершененъ, что не можетъ вмѣститься въ рамкахъ окружающей его дѣйствительности. Слишкомъ севершенный для того, чтобы съ нимъ примириться, лишенный той реальной поддержки населенія, которая дала бы возможность быстро эти условія переработать,—такой парламентъ обреченъ на гибель не благодаря своимъ недостаткамъ, но благодаря своимъ достоинствамъ.

Предостеречь отъ чрезмѣрныхъ надеждъ, нѣсколько наивно возлагаемыхъ на отдѣльный институтъ, отнюдь не значитъ умалить его дѣйствительное значеніе, убить вѣру въ него. Наоборотъ, именно въ правильной его оцѣнкѣ—залогъ его дальнѣйшаго планомѣрнаго развитія.

Партія народной свободы всегда была убѣждена въ томъ, что введеніе у насъ народнаго представительства является необходимымъ средствомъ обращенія страны въ правовое государство, проведенія серьезныхъ соціальныхъ реформъ. Именно потому партія считала безусловно необходимымъ использовать это средство, какъ бы неблагопріятны и затруднительны ни были условія пользованія имъ, какъ бы сильно оно ни было заранѣе притуплено. Этимъ обусловливалось рѣшеніе партіи идти даже въ государственную думу, въ свое время выработанную булыгинской комиссіей. Это рѣшеніе часто ставятъ въ упрекъ партіи, говорятъ, что она не сумѣла оцѣнить условій момента, благопріятствовавшихъ предъявленію бо̀льшихъ требованій. Но при этомъ упускаютъ, во-первыхъ, изъ виду, что партія народной свободы принципіально не могла отказаться отъ перенесенія борьбы за свою программу даже и въ булыгинскую думу. Упускаютъ, во-вторыхъ (и это самое главное), изъ виду, что при высоко поднятомъ оппозиціонномъ настроеніи страны дума—даже съ законосовѣщательными только функціями—можетъ оказаться могущественнымъ орудіемъ реформаторской дѣятельности и, наоборотъ, когда

это настроеніе падаетъ, дума съ законодательными функціями становится безсильной.

Конечно, опредѣленіе въ каждый данный моментъ реальнаго соотношенія силъ, отдѣленіе возможнаго отъ желательнаго—это задача всюду чрезвычайной трудности. Эти трудности становятся почти непреодолимыми въ странѣ, лишенной собственнаго политическаго опыта, въ странѣ, столь необъятно большой, съ такимъ многообразіемъ состава населенія. Ошибки тутъ неизбѣжны. Но именно потому для партіи особенно важно сохранить твердую вѣру въ основныя начала своей программы, которыя отнюдь не дискредитируются отдѣльными неудачами, какъ бы тяжелы онѣ сами по себѣ ни были. Цѣли, которыя поставила себѣ партія, слишкомъ высоки для того, чтобы мы могли расчитывать такъ просто и скоро добиться ихъ осуществленія. Необходимо порой подвигаться впередъ ощупью, производя опыты, хотя бы и дорого стоющіе. Быть можетъ, если съ этой точки зрѣнія подойти къ оцѣнкѣ „Выборгскаго воззванія“, придется отказаться отъ большинства упрековъ, которые дѣлаются его авторамъ. Такъ, предъ постелью страдающаго больного, болѣзнь котораго продолжаетъ оставаться недоступной искусству врачей, неумѣющихъ точно ее опредѣлить, приходится съ тяжелымъ сердцемъ рѣшиться на операцію, даже безъ твердой увѣренности, что съ ея помощью удастся излѣчить тяжело больного. Приходится рѣшиться потому, что посредствомъ этой операціи, во, всякомъ случаѣ явится возможность поставить точный діагнозъ болѣзни, безъ котораго лѣченье невозможно.

Если суровая дѣйствительность и убѣдила насъ въ томъ, что у насъ все еще нѣтъ нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы конституціонный правовой строй укрѣпился на твердыхъ основаніяхъ, то это все же не даетъ намъ основаній отказываться отъ тѣхъ конституціонныхъ формъ, которыя въ настоящій моментъ, несмотря на нарушеніе основныхъ законовъ, все же еще имѣются въ нашемъ распоряженіи. Эти конституціонныя формы, правда, не доказывающія того, что конституціонный строй прочно водворился въ странѣ, являются, однако, необходимымъ его условіемъ. Эти формы не только провозвѣстники того, что начала права и правды воцарятся въ близкомъ будущемъ и у насъ, но онѣ и приближаютъ это время. Надо только умѣло ихъ въ этомъ направленіи использовать. Предъявленіе къ нимъ чрезмѣрныхъ требованій отнюдь не можетъ быть признано такимъ умѣлымъ пользованіемъ.

Участвуя въ выборахъ въ третью думу, населеніе выражаетъ желаніе дальнѣйшаго пользованія конституціонными формами въ борьбѣ за лучшее будущее. Первый вопросъ, на который при этомъ должна отвѣтить страна, заключается въ томъ, кто былъ правъ въ этомъ конфликтѣ правительства со второй думой.

Необходимымъ условіемъ правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ является ознакомленіе возможно болѣе широкихъ слоевъ населенія съ этой дѣятельностью. За нею въ свое время съ напряженнымъ интересомъ слѣдила вся страна. Но быстро чередовавшіяся политическія событія, приковывая

къ себѣ поочередно вниманіе, не давали возможности оцѣнить дѣятельность думы въ ея цѣломъ. Изъ за деревьевъ обыкновенно не видно лѣса.

Авторы настоящихъ очерковъ считали поэтому небезполезнымъ собрать и систематизировать тѣ еженедѣльные обзоры парламентской дѣятельности, которые они давали на страницахъ—„Права“ и „Вѣстника Народной Свободы“ въ теченіе существованію второй думы.

Въ силу внѣшнихъ условій дума не имѣла возможности сосредоточиться и закончить ни одну изъ тѣхъ задачъ, которыя выпали на ея долю. Мы поэтому не имѣли основаній въ еженедѣльныхъ обзорахъ углубляться въ изученіе этихъ задачъ. Мы ограничивались разсмотрѣніемъ судьбы этихъ вопросовъ въ государственной думѣ, ея отношенія къ нимъ. Мы полагаемъ, что и въ настоящій моментъ это представляетъ наибольшее значеніе. Конечно, при этой оцѣнкѣ дѣятельности думы необходимо исходить изъ извѣстныхъ, совершенно опредѣленныхъ взглядовъ на существо этихъ обсуждавшихся въ думѣ вопросовъ Но выясненіе этихъ взглядовъ выходитъ далеко за предѣлы задачъ настоящихъ очерковъ. Мы тѣмъ менѣе считали необходимымъ такое расширеніе нашей задачи, что выясненію существа тѣхъ вопросовъ, которые стояли предъ второй думой, посвященъ большой коллективный трудъ, изданный А. А. Мухановымъ и В. Д. Набоковымъ „Первая Государственная Дума“. Онъ былъ задуманъ немедленно послѣ ея роспуска, и выполненъ въ періодъ междудумья. Такъ какъ во-

просы, стоявшіе предъ первой думой, перешли неразрѣшенными и ко второй, то сборникъ этотъ сохранилъ все свое значеніе и въ настоящее время, и мы не имѣемъ никакихъ основаній теперь къ нимъ возвращаться, мы можемъ ограничиться отсылкой читателя къ этому сборнику.

Въ виду большого значенія отчета о дѣятельности парламентской фракціи партіи народной свободы, мы помѣщаемъ этотъ отчетъ въ приложенін, хотя онъ и былъ напечатанъ цѣликомъ на страницахъ „Вѣстника Народной Свободы“.

I.

Условія и лозунги избирательной кампаніи.

Въ настоящій моментъ было бы совершенно преждевременно писать исторію второй государственной думы. Сама она и всѣ событія, предшествовавшія ея созыву, сопровождавшія ея существованіе и послѣдовавшія за ея роспускомъ, слишкомъ близки къ намъ. Мало того: мы еще и не знаемъ, какими конечными послѣдствіями отразится та политика правительства по отношенію къ думѣ, которая обусловила первый и второй роспускъ. Мы живемъ уже третій годъ въ вихрѣ событій, и переживая ихъ, мы еще не можемъ заняться всестороннимъ и объективнымъ ихъ анализомъ. Это—дѣло будущаго.

Мы задаемся болѣе скромной задачей: мы пытаемся свести въ одно цѣлое отрывочные и разрозненные очерки жизни и дѣятельности второй думы. Мы хотимъ дать отвѣтъ на вопросъ: къ чему стремилась чего достигла эта дума, и какъ она достигла своихъ цѣлей въ той разнообразной сферѣ дѣятельности, которая ей отведена закономъ. И мы думаемъ, что самая суровая критика, оставаясь безпристрастной, вынуждена будетъ признать что своею стодневною

работою дума успѣшно и убѣдительно опровергла тотъ злобный эпитетъ „думы народнаго невѣжества“, который съ самаго начала пытались ей навязать ея враги.

Но для того, чтобы понять весь ходъ и характеръ думской дѣятельности, необходимо отдать себѣ полный и ясный отчетъ—прежде всего—въ составѣ самой думы. Въ свою очередь, изслѣдованіе этого состава требуетъ возстановленія избирательной кампаніи во всей ея неприглядной наготѣ. Въ этой второй избирательной кампаніи прежде всего развернулась во всемъ своемъ зловѣщемъ блескѣ активная роль „правительства роспуска“, поставившаго себѣ по отношенію ко второй думѣ вполнѣ опредѣленныя задачи.

Только обладаніе черезчуръ короткой памятью даетъ возможность утверждать, что первая избирательная кампанія прошла при невмѣшательствѣ правительства, что первые выборы были свободны. Несомнѣнно, что во время этихъ первыхъ выборовъ правительство Витте-Дурново растерялось. Оно абсолютно не было приготовлено къ тому могучему подъему духа, къ той стремительной силѣ порыва, которая съ такою стихійною властностью захватила широкія народныя массы. Къ самой думѣ оно психологически не подготовилось. Можно сказать, что оно думы, какъ будто, не принимало въ серьезъ и повѣрило, что дума окажется послушной овцой, удобнымъ оружіемъ для возвращенія уступленныхъ позицій. Но если въ зависимости отъ этого пріемы давленія на выборы оказались довольно элементарными и, такъ сказать, кустарнаго свойства, все же правительство къ нимъ старалось по мѣрѣ силъ прибѣгать. Ни о

какомъ обезпеченіи свободы выборовъ не можетъ, конечно, быть и рѣчи. Дѣйствительная роль правительства оказалась въ явномъ противорѣчіи съ тѣми директивами, которыя такъ краснорѣчиво установлены были въ знаменитомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ гр Витте отъ 17 октября. „Положеніе дѣла, писалось тамъ, требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью, правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ государственную думу“. Между тѣмъ, съ самыхъ первыхъ дней избирательной кампаніи стали по всей Россіи сыпаться предупредительныя мѣры. Свобода собраній осуществлялась сколько-нибудь серьезно только въ крупныхъ центрахъ, да и то это была весьма относительная свобода. Въ провинціи съ начала и до конца она была обставлена огромными, часто непреодолимыми препятствіями. Отказы въ разрѣшеніи, цензура программъ, случаи ничѣмъ не мотивированнаго и неожиданнаго закрытія разрѣшенныхъ собраній— вотъ наиболѣе общая картина правительственнаго отношенія. Еще большими затрудненіями была обставлена партійная агитація, выразившаяся въ распространеніи литературы. Конфискація и аресты на этой почвѣ обратились въ полномъ смыслѣ слова въ явленіе повседневное.

Далѣе, по отношенію къ печати, въ особности — провинціальной—репрессивныя мѣры не прекращались ни на минуту. Наконецъ, личное воздѣйствіе, въ формѣ ареста и высылки намѣченныхъ выборщиковъ и членовъ думы, также практиковалось въ широкихъ размѣрахъ.

Достаточно было бы десятой доли всѣхъ этихъ „мѣропріятій“ для того, чтобы разъ навсегда опровергнуть легенду, родившуюся подъ услужливымъ перомъ г. Меньшикова и приписавшую правительству полную пассивность во время выборовъ и равнодушіе къ ихъ исходу. Но возведеніе этихъ же мѣропріятій въ десятую степень не довело бы ихъ все-таки до того уровня, котораго достигла предвыборная дѣятельность министерства въ кампанію 1907 г.

Въ своей книжкѣ, озаглавленной „Какъ прошли выборы во вторую государственную думу“, г. Алексѣй Смирновъ рисуетъ яркую и въ то же время строго документальную картину роли правительства въ этихъ выборахъ, картину, которую авторъ называетъ „нигдѣ не виданной“. Роль эта выясняется изъ цѣлаго ряда мѣропріятій, сознательно обдуманныхъ, внимательно подготовленныхъ и систематически проведенныхъ черезъ всѣ стадіи избирательной кампаніи, отъ первой до послѣдней.

Уже въ первую избирательную кампанію, когда стали выясняться ея результаты, послышались голоса, усилившіеся послѣ роспуска первой думы,—голоса, требовавшіе немедленнаго измѣненія внѣдумскимъ путемъ избирательнаго закона. Голоса эти раздавались, конечно, справа, и соотвѣтственно этому, измѣненія предлагались не въ направленіи расширенія избирательнаго права и приближенія къ четырехчленной реформѣ, а совершенно наоборотъ — въ ту сторону, въ которую рѣшительно и опредѣленно повернулъ актъ 3 іюня. Но въ то время мысль о государственномъ переворотѣ еще недостаточно созрѣла и внушала опасенія.

И вотъ, суррогатомъ измѣненія самого избиратель-

наго закона явился цѣлый потокъ сенатскихъ толкованій и министерскихъ циркуляровъ, явно стремившихся къ тому, чтобы воздѣйствовать на составъ думы. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые въ настоящее время уже прямо включены въ законъ. Сюда относится сенатское разъясненіе, имѣвшее въ виду измѣнить главнымъ образомъ составъ земледѣльческой куріи путемъ исключенія изъ нея массы мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, вносившихъ демократическій элементъ въ эту курію [1]).

Сенатъ разъяснилъ, что тѣ мелкіе землевладѣльцы-крестьяне, которые пріобрѣли землю посредствомъ крестьянскаго банка и не выплатили причитающагося за ними долга, не могутъ считаться имѣющими земельный цензъ и потому должны быть исключены изъ списковъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Далѣе, по отношенію къ городамъ послѣдовало разъясненіе о томъ, что фабричные рабочіе могутъ проходить только по одной рабочей куріи, хотя бы и имѣли цензы въ городѣ въ видѣ отдѣльной квартиры или дома. Наконецъ въ силу сенатскаго разъясненія изъ крестьянской куріи были исключены, такъ называемые, „недомохозяева“, т. е. крестьяне, не занимающіеся непосредственно земледѣліемъ или не живущіе постоянно въ предѣлахъ данной деревни.

Рядомъ съ такимъ массовымъ исключеніемъ г. Смирновъ указываетъ на прямыя препятствія къ осуществленію избирательныхъ правъ тѣми избирателями, которые уцѣлѣли отъ разгрома избирательныхъ списковъ. Эти препятствія воздвигались полиціей, избиратель-

---

[1]) Смирновъ, ук. соч., стр. 100.

ными комиссіями, общественными учрежденіями. Не доставлялись повѣстки, дѣлались всяческія затрудненія при выдачѣ необходимыхъ удостовѣреній, избиратели не извѣщались о днѣ выборовъ, избирательные участки распредѣлялись крайне неудобно, волостные съѣзды назначались въ одинъ день съ съѣздами мелкихъ землевладѣльцевъ. Цѣлая масса примѣровъ, приведенныхъ г. Смирновымъ, иллюстрируетъ эти положенія. Они показываютъ, что участіе въ выборахъ требовало, въ самомъ, дѣлѣ огромной активности, необычайнаго напряженія воли.

Правительство, далѣе, самымъ широкимъ и безцеремоннымъ образомъ воспользовалось тѣмъ раздѣленіемъ политическихъ партій на легализованныя и нелегализованныя „общества“, которое оно само же и придумало. Не только чиновники, но и служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ подверглись на этой почвѣ прямому давленію и преслѣдованію Избирательная агитація „нелегализованныхъ“ партій была поставлена въ крайне тяжелыя условія: собранія имъ не разрѣшались (припомнимъ случай съ г. Кедринымъ, оштрафованнымъ въ Петербургѣ на тысячу рублей только за то, что въ повѣсткѣ на разрѣшенное ему собраніе упоминалось о мѣстномъ комитетѣ конституціонно-демократической партіи), разносъ и посылка партійныхъ возваній и бюллетеней запрещались, какъ и всякое открытое выступленіе партій, какъ таковыхъ; запрещалось печатаніе партійныхъ кандидатовъ въ выборщики и въ члены думы; наконецъ, былъ придуманъ совершенно невѣроятный куншткъ, имѣвшій цѣлью облегчить легализованнымъ партіямъ технику выборовъ, соотвѣтственно затруднивъ ее для всѣхъ другихъ.

Министерская инструкція установила, что избирательные бюллетени могутъ быть выдаваемы въ неограниченномъ количествѣ только органамъ регистрированныхъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, весьма важное агитаціонное орудіе, технически весьма цѣлесообразное, было вырвано изъ рукъ нелегальныхъ партій. „Печатные“ бюллетени, которымъ приписывали такое огромное значеніе, остались въ рукахъ союза русскаго народа и союза 17 октября.

Таковы общія мѣры. Наряду съ ними былъ поставленъ цѣлый ассортиментъ болѣе частныхъ. Г. Смирновъ къ нимъ причисляетъ: устраненіе кандидатуръ видныхъ общественныхъ дѣятелей путемъ привлеченія ихъ къ суду по ст. 129 и другимъ статьямъ уголовнаго уложенія, путемъ высылокъ и арестовъ, несравненно болѣе частыхъ, чѣмъ то было въ первую кампанію; открытое принужденіе духовенства стать на защиту правительства въ выборной кампаніи; открытая и беззастѣнчивая агитація правительственныхъ органовъ; устраненіе законно-выбранныхъ прогрессивныхъ выборщиковъ путемъ кассированія выборовъ уѣздными и губернскими избирательными комиссіями, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ; наконецъ, „послѣдній ударъ свободѣ выборовъ былъ прибереженъ къ послѣднему моменту выборной кампаніи, когда уже начинались губернскіе избирательные съѣзды: здѣсь избирательныя комиссіи, а то и сенатъ по телеграфу увѣдомляли губернатора о кассаціи выборовъ по тому или другому уѣзду, по той или другой куріи. Такимъ образомъ, въ послѣднюю минуту сразу отсѣкалось потребное число прогрессивныхъ выборщиковъ и, за невозможностью замѣнить ихъ новыми выборами, шансы правыхъ пар-

тій получали на губернскихъ съѣздахъ сразу неожиданное превосходство“ [1]).

Такова, въ наиболѣе общихъ чертахъ, была дѣятельность правительства Оно напрягло всѣ свои силы. Оно остановилось только передъ государственнымъ переворотомъ, попытавшись поставить на его мѣсто различные суррогаты. Оно достигло только одного: вторая дума по составу своему оказалась значительно лѣвѣе первой.

Помимо выборныхъ подвиговъ правительства, озлобившихъ массы населенія, еще одно обстоятельство способствовало проникновенію въ государственную думу большаго количества крайнихъ элементовъ. Первая избирательная кампанія, какъ извѣстно, ознаменовалась сильнымъ движеніемъ въ пользу бойкота,—движеніемъ, исходившимъ отъ крайнихъ лѣвыхъ группъ. На этой почвѣ между ними и партіей народной свободы шелъ все время ожесточенный конфликтъ, особенно рѣзко выразившійся въ городахъ.

Въ краснорѣчивой брошюрѣ В. А. Мякотина ярко и убѣжденно проводилась идея, что при дѣйствіи избирательнаго закона, созданнаго министерствомъ Витте, должна неизбѣжно получиться дума, угодная правительству и ему послушная. Для народа, говорилось въ брошюрѣ, эта дума ловушка и западня, народъ въ нее идти не долженъ и не пойдетъ, она нужна только сильнымъ и богатымъ, которые соединятся съ правительствомъ и поддержатъ его. Народъ долженъ бороться противъ этой думы, нужно требовать вездѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ полновластнаго учреди-

---

[1]) Смирновъ, ibidem.

тельнаго собранія, которое одно способно вывести Россію на путь свободы и широкихъ соціальныхъ переворотовъ.

Опытъ первой думы самымъ категорическимъ образомъ опровергъ опасенія бойкотистовъ. Онъ доказалъ правильность той оцѣнки народнаго настроенія, которая была сдѣлана единственной оппозиціонной политической партіей, принявшей участіе въ выборахъ. Въ составѣ первой думы, если и были союзники бюрократіи, готовые стать орудіями въ рукахъ правительства, то они терялись, какъ отдѣльныя единицы, въ оппозиціонной массѣ прочихъ депутатовъ. Первые выборы имѣли колоссальное значеніе въ смыслѣ развитія политическаго сознанія, въ смыслѣ политическаго воспитанія массъ, они разбудили самые глухіе уголки нашего отечества.

Единственнымъ практическимъ результатомъ проповѣди бойкота оказалось самоустраненіе многихъ выдающихся силъ и очень слабое качество тѣхъ элементовъ, стоящихъ лѣвѣе партіи народной свободы, которые въ первой думѣ явились суррогатомъ бойкотировавшихъ думу крайнихъ лѣвыхъ партій.

Ошибка была сознана и во вторую кампанію уже не повторялась. За ничтожными мѣстными исключеніями, лѣвыя партіи пошли въ думу. Имъ пришлось, естественно, болѣе всѣхъ перетерпѣть административныхъ гоненій, хотя нельзя не отмѣтить, что, по многимъ отзывамъ, отношеніе московской, напр., администраціи было болѣе отрицательнымъ къ партіи народной свободы, чѣмъ къ крайнимъ лѣвымъ. Но это было исключеніемъ, общее же правило ставило соціалистическія партіи въ крайне тяжелыя условія. Видныхъ, извѣст-

ныхъ представителей этихъ партій въ думѣ совсѣмъ не оказалось. Но зато въ нее вошла цѣлая масса лицъ, революціонно настроенныхъ, выбранныхъ, главнымъ образомъ, по „тюремному цензу“. Выборы эти имѣли большое демонстративное значеніе, подчеркивая безсиліе правительственной политики. Но для самой думы это нашествіе крайнихъ лѣвыхъ не могло не угрожать очень существенными опасностями.

Крайніе правые, какъ въ лицѣ своихъ организацій, такъ и индивидуально, пользовались во все время избирательной кампаніи сочувственной поддержкой администраціи. Имъ удалось провести такихъ своихъ кориѳеевъ, какъ гг. Пуришкевичъ, Крушеванъ, еп. Платонъ, гр. Бобринскій, и явиться въ думу хотя и небольшой, но прочно организованной кучкой. И, какъ мы увидимъ, съ самаго начала и до самаго конца существованія второй думы дѣятельность ихъ имѣла исключительно дезорганизующій характеръ, преслѣдовала разрушительныя цѣли.

Для партіи народной свободы условія избирательной кампаніи складывались крайне неблагопріятно. Прежде всего, она оказалась физически ослабленной, вслѣдствіе привлеченія по 129 ст. уг. ул. почти всѣхъ принадлежащихъ къ ея составу депутатовъ первой думы. Этимъ путемъ было выбито изъ строя болѣе ста человѣкъ, уже завоевавшихъ парламентскій опытъ, привыкшихъ къ парламентской работѣ, вполнѣ освоившихся съ ея требованіями и особенностями. Въ первую думу вошли отборныя силы партіи, ея цвѣтъ. Теперь приходилось собирать почти цѣликомъ новый составъ. Приходилось отказаться отъ того нравственнаго капитала, который былъ накопленъ въ первой думѣ депу-

татами, принадлежащими къ партіи народной свободы, и многимъ изъ нихъ безусловно обезпечивалъ побѣду въ избирательной борьбѣ.

Помимо этого—очень существеннаго обстоятельства,—избирательная кампанія затруднялась для партіи еще и другими. По своему составу и уже образовавшимся традиціямъ, партія была мало способна къ конспиративной работѣ. чуждалась многихъ пріемовъ, органически свойственныхъ этой работѣ. Между тѣмъ, „нелегальное“ положеніе сильнѣйшимъ образомъ затрудняло открытую, гласную работу. Правительство во что бы то ни стало хотѣло загнать партію въ подполье, расчитывая, что тамъ съ нею легче будетъ справиться. Партія рѣшительно упиралась и зачастую должна была совершенно отказываться отъ всякой агитаціи Такъ, въ Петербургѣ весь декабрь совершенно пропалъ: послѣ штрафа въ тысячу рублей, наложеннаго на г. Кедрина, устройство собраній оказалось слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ.

Выборгское воззваніе оказалось оружіемъ противъ партіи и слѣва, и справа,—причемъ ни въ ту, ни въ другую сторону не было возможности защищаться свободно и безъ недомолвокъ.

Несмотря, однако, на эти отрицательныя данныя, партія народной свободы рѣшительно и бодро приступила къ избирательной кампаніи.

Таковы, въ общемъ, были условія кампаніи. Если, затѣмъ, мы зададимъ себѣ вопросъ объ ея лозунгахъ, то отвѣтъ долженъ быть различенъ для правыхъ, для лѣвыхъ и для того центра, въ которомъ помѣстилась конституціонно-демократическая партія.

Для чего шли въ думу лѣвые? Поскольку можно

было узнать изъ тѣхъ извѣстій, которыя проникали въ печать, цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться думой, какъ средствомъ организаціи революціоннаго народа. Дума должна была быть только прелюдіей все къ тому же учредительному собранію. Въ этомъ отношеніи новизна точки зрѣнія заключалась въ признаніи того, что путь къ учредительному собранію проходитъ черезъ государственную думу. Эта точка зрѣнія отрицала, конечно, значеніе законодательной работы думы. Правда, въ этой области нельзя было замѣтить единства и послѣдовательности тактическихъ лозунговъ. На предвыборныхъ собраніяхъ, въ особенности на тѣхъ, которыя происходили въ концѣ выборной кампаніи, нерѣдко лѣвые заявляли что они не отказываются отъ законодательной работы. Но при этомъ всегда подчеркивалось, что эта работа должна имѣть главнымъ образомъ демонстраціонный характеръ, что ей не слѣдуетъ считаться ни съ основными законами, ни съ какими бы то ни было практическими соображеніями. Законодательствуя, дума должна была оставаться прежде всего и по преимуществу революціонной трибуной.

Какъ ни странно, но точка зрѣнія лѣвыхъ была по существу аналогична той, на которую стали крайніе правые. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли считаться съ нормальнымъ назначеніемъ думы, съ функціями, предоставленными ей закономъ. Если для лѣвыхъ дума была преградой, черезъ которую надо было перешагнуть, чтобы добраться до учредительнаго собранія, то для правыхъ она также являлась преградой, „проклятой колодой“, мимо которой нельзя достигнуть возстановленія неограниченнаго самодержавія. Правые выступили

со своимъ елейнымъ лозунгомъ, въ качествѣ защитниковъ исконныхъ истинно-русскихъ началъ, на борьбу съ „крамолой“, со „смутой“, съ „проклятымъ освободительнымъ движеніемъ“. Конечно, они еще не имѣли тогда формальнаго права рекомендоваться въ качествѣ спеціальныхъ защитниковъ престола. Объ этомъ правѣ они могутъ заговорить развѣ теперь въ преддверіи третьей избирательной кампаніи и они уже спѣшатъ утилизировать его.

Что касается до партіи народной свободы, то, идя во вторую думу, партія прежде всего, болѣе рѣшительно, чѣмъ когда либо, отрицала взглядъ на государственную думу какъ на революціонный этапъ, какъ на трибуну. Казалось, опытъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ долженъ былъ окончательно открыть глаза на тщету фантазіи—черезъ думу поднять революціонный народъ, долженъ былъ разбить иллюзіи тѣхъ, кто расчитывалъ на достиженіе побѣды путемъ активнаго выступленія, путемъ штурма. Нельзя было, конечно, отрицать наличности революціоннаго настроенія массъ народа, но противопоставленіе настроенія, выражавшагося только въ единичныхъ, неорганизованныхъ, спорадическихъ вспышкахъ, организованной силѣ правительства могло сулить лишь жестокія неумолимыя репрессіи и новую, кровавую неудачу. Организація силъ народа должна была быть первой задачей политической партіи. Партію народной свободы укоряли въ томъ, что она къ такой работѣ неспособна. Не споря противъ такого упрека, она могла констатировать, что и помимо нея многіе поняли невозможность дальнѣйшаго веденія борьбы тѣми средствами, которыя до послѣдняго времени признавались единственными и един-

ственно достойными „сознавшаго свою силу народа.“

Въ глазахъ партіи народной свободы дума могла быть съ дѣйствительнымъ успѣхомъ использована, прежде всего и главнымъ образомъ—въ той формѣ, которая ей по существу свойственна,—въ формѣ законодательнаго учрежденія. Мы никогда не считали думу „обыкновеннымъ“, „нормальнымъ“ законодательнымъ учрежденіемъ, какъ намъ было указано въ полемикѣ противъ насъ. Мы всегда признавали, наоборотъ, что реформа избирательнаго закона, расширеніе думскихъ правъ являются необходимымъ условіемъ для того, чтобы дума могла быть признана такимъ нормальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ. Но мы признавали, что при данныхъ условіяхъ, въ данное время думу приходилось брать такою, какая она есть, не преувеличивая и не преуменьшая ея силѣ. Намъ говорили, что конфликтъ все равно неизбѣженъ: разъ будетъ выставленъ вопросы о министерской отвѣтственности, объ аграрной реформѣ, то это будетъ значить, что повторятся прежніе конфликты, съ прежнимъ результатомъ—разгономъ думы. Можно ли надѣяться правильнымъ законодательнымъ путемъ осуществить это требованіе?—Не сизифова ли это работа? Не будетъ ли она имѣть единственнымъ результатомъ новое изгнаніе изъ думы? Мы отвѣчали: возможность вторичнаго разгона думы отрицать нельзя и безполезно; надо отрѣшиться отъ того, чтобы въ этихъ вопросахъ прилагать критерій внутренней вѣры, внутренняго убѣжденія. При существующемъ соотношеніи силъ, ясно, что правительство сильнѣе думы. Но мы указывали, что, во всякомъ случаѣ, тактическая задача, противополож-

ная нашей, въ гораздо большей степени, нежели наша должна была считаться съ возможностью разгона думы. Совершенно ясно, что каждый лишній день существованія думы, правильно и послѣдовательно работающей, обладающей опредѣленной, достижимой цѣлью,—тѣмъ самымъ имѣетъ уже огромное организующее значеніе. укрѣпляетъ корни думы въ народной почвѣ. Изъ этого слѣдовало, что прежде всего и болѣе всего, ради достиженія освободительныхъ цѣлей, необходимо стремиться къ нѣкоторой продолжительности существованія думы. Мы указывали, что дума, которая въ первомъ засѣданіи будетъ апеллировать къ народу тѣмъ и похоронитъ самое себя, можетъ на долгое время похоронить и ту силу, которая при другой комбинаціи могла бы сослужить этому народу великую службу. Мы повторяли, такимъ, образомъ наше прежнее убѣжденіе, что дума должна работать въ томъ направленіи и съ соблюденіемъ тѣхъ условій, при которыхъ ея работа не разобьется о неизбѣжныя препятствія. Думскую работу мы понимали какъ работу законодательную, и выставили на первое мѣсто то требованіе, осуществленіе котораго мы считали необходимымъ для организаціи народныхъ силъ. Съ этой цѣлью мы на первое мѣсто поставили реформу мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ. Это мы считали той реформой, осуществленіемъ которой дается прочное основаніе дальнѣйшей устроительной работѣ. Реформа эта должна связать народъ съ думой, она должна превратить платоническое чувство въ организованную поддержку. Наряду съ этимъ въ планѣ думской работы должна была быть снова поставлена аграрная реформа. Слѣдовало добиваться расширенія правъ думы. Поли-

тическую свободу изъ отвлеченнаго требованія надлежало превратить въ благо, обезпеченное законодательными нормами. Очевидно, практическое значеніе всей этой законодательной работы должно было въ значительной степени зависѣть отъ разрѣшенія вопроса объ отношеніи правительства, въ лицѣ министерства, къ государственной думѣ. Полное и удовлетворительное разрѣшеніе возможно было только при условіи единодушія между министерствомъ и думою. Во время первой думы требованіе „думскаго министерства“ было наиболѣе яркимъ и говорящимъ лозунгомъ. Идти во вторую думу съ такимъ „требованіемъ“, мы понимали,— не имѣло, послѣ опыта первой—никакого смысла. Наше конечное стремленіе,—чтобы исполнительная власть оказалась въ рукахъ людей, поставившихъ своею цѣлью служеніе народу, а не абсолютистскому режиму,— оставалось неизмѣннымъ, но мы хорошо сознавали, что приближеніе къ его осуществленію должно быть обусловлено цѣлымъ рядомъ предварительныхъ успѣховъ—и, прежде всего, созданіемъ компактнаго, единомышленнаго думскаго большинства, объединеннаго одной общей цѣлью, одними тактическими и программными лозунгами. Для насъ,—какъ, думаемъ, для всѣхъ сознательно относящихся къ положенію вещей,—такое большинство не могло и не должно было образоваться ни налѣво, ни направо отъ насъ.

Если бы это случилось, и если бы это лѣвое и правое большинство остались при своихъ лозунгахъ, мы сознавали, что судьба второй думы была бы рѣшена немедленно: революціонный срывъ думы, въ первомъ случаѣ, реакціонный,—во второмъ. Такимъ образомъ, мы смотрѣли на возможность нашего преобладанія въ

думѣ не какъ на партійный успѣхъ только: нѣтъ, мы его связывали съ самой возможностью для второй думы осуществить тѣ политическія задачи, которыя на нее возлагала исторія Къ сожалѣнію, наши надежды не оправдались. Вторая дума по составу оказалась гораздо пестрѣе первой. Компактнаго, однороднаго большинства въ ней не было съ самаго начала и до самаго конца, и это обстоятельство было въ полной мѣрѣ учтено правительствомъ.

II.

Результаты выборовъ Отличіе отъ первой думы.

Черезъ день послѣ открытія второй думы, П. Н. Милюковъ на страницахъ „Вѣстника Народной Свободы“ подвергъ разбору ея партійный составъ, поскольку онъ къ тому времени обозначился. Вотъ, что писалъ Милюковъ: „Первый вопросъ, который напрашивается самъ собою при оцѣнкѣ итоговъ настоящей избирательной кампаніи,—это сравненіе ихъ съ прошлогоднимъ составомъ думы. Куда повернулись новые выборы, что они дали правительству и дадутъ обществу? Вотъ сравнительныя данныя по этому вопросу:

Партіи.	Въ 1-й думѣ.	Во 2-й думѣ.
Крайнихъ правыхъ .	?	63
Умѣренныхъ правыхъ (октябристы, умѣренные)	38 (8%)	34 (7%)
К.-д.	184 (38%)	117 (24%)
Польскихъ депутат. .	32	39
Лѣвыхъ (трудовики и просто „лѣв. к.-д.“).	85 (18%)	97 (20%)
Соціалистовъ (с.-д., с.-р. и н.-с.).	26 (5%)	83 (17%)
Безпартійныхъ . . .	112	22

Какія же наблюденія можно сдѣлать надъ составомъ настоящей думы? Первое, что бросается въ глаза, это то, что центръ старой думы—партія нар. своб., который былъ главенствующимъ въ первой думѣ,—этотъ центръ значительно растаялъ. Теперь партія нар. своб. начинаетъ свою дѣятельность въ думѣ со 117 [1]) членами, если даже считать въ томъ числѣ и присоединившихся. Правда, наша партія и въ прошломъ году начала свою работу только съ 120 членами, остальные же начали прибывать потомъ. Спрашивается, въ чью же пользу этотъ центръ растаялъ? Обратимся къ лѣвымъ. Лѣвыхъ вмѣстѣ съ трудовиками въ прежней думѣ было 85 человѣкъ, въ этой же – 97 депутатовъ: значитъ ихъ группа осталась почти та же самая и въ эту сторону перемѣщенія сейчасъ не произошло. Произошло перемѣщеніе дальше: группа соціалистовъ въ первой думѣ составляла 5% (26 депутатовъ), теперь же она составляетъ 83 депутата, т. е. 57 депутатами больше.

Это и является естественнымъ отвѣтомъ на вопросъ, въ пользу кого растаялъ к.-д. центръ. Конечно, онъ растаялъ прежде всего въ пользу группы соціалистовъ. Тѣ сторонники соціалистовъ, которые въ прошломъ году голосовали за партію нар. своб., какъ наиболѣе оппозиціонную изъ участвовавшихъ въ выборахъ, теперь подали голоса за соціалистовъ.

Итакъ, центръ растаялъ, отдавъ большую часть своихъ депутатовъ лѣвымъ, меньшую часть—правымъ,

---

[1]) На второй день открытія госуд думы въ парламентскую фракцію к.-д. записалось уже 124 человѣка Наши цифры приурочены къ предварительному подсчету, произведенному газетою „Рѣчь“.

но только не крайнимъ правымъ, а умѣреннымъ, стоящимъ лѣвѣе октябристовъ.

Другое наблюденіе—это появленіе сильной группы крайнихъ правыхъ. Въ первой думѣ самыми правыми были такіе люди, какъ кн. Волконскій и гр Гейденъ На счетъ какой группы выросла эта группа? Въ первой думѣ было огромное число безпартійныхъ, которое теперь растаяло Очевидно, тѣ, которые въ первой думѣ не рѣшались называть себя принадлежащими къ правымъ партіямъ и называли себя безпартійными, въ значительной степени перешли теперь въ явныхъ реакціонеровъ. Вотъ и все, чего добивалось правительство Оно ослабило центръ, замѣнивъ его болѣе соціалистами, чѣмъ умѣренными правыми, а тайныхъ консерваторовъ обратило въ явныхъ, въ союзѣ съ россійскимъ дворянствомъ. Общій составъ оппозиціи теперь—68% палаты, т. е. всего на 1% меньше предыдущей, въ которой было 69%.

„Небезынтересно, пишетъ г. Смирновъ въ цитированной нами брошюрѣ, упомянуть еще объ одной чертѣ, отличающей нынѣшнихъ депутатовъ отъ прошлогднихъ. Это то, что значительная ихъ часть была отмѣчена перстомъ административныхъ преслѣдованій. Ни одинъ парламентъ въ мірѣ не видѣлъ въ стѣнахъ своихъ столькихъ острожниковъ, ссыльныхъ, гонимыхъ и униженныхъ администраціей лицъ, какъ наша „довѣріемъ народа облеченная“ государственная дума. Мы имѣемъ свѣдѣнія о 25 губерніяхъ съ 213 депутатами. Изъ нихъ: 40 бывали въ тюрьмахъ, начиная съ 1 мѣс заключенія и до 2½ лѣтъ. 8 лицъ находилось въ ссылкѣ, а три даже и избраны были заочно, такъ какъ были въ ссылкѣ. 13 человѣкъ были исключены

изъ земской и государственной службы, 4 находились не одинъ годъ подъ надзоромъ полиціи; 3 привлекались къ суду по политическимъ дѣламъ, но были оправданы (одинъ обвинялся даже по ст. 100, грозившей смертной казнью)".

Цифры эти весьма краснорѣчивы, посколько онѣ являются показателемъ настроенія избирателей.

Если отъ „тюремнаго" ценза обратимся къ образовательному, то сопоставленіе первой думы со второй даетъ слѣдующіе результаты:

	1-я дума	2-я дума.
Высшее образ.	42,1	38,6
Среднее образ.	13,8	20,8
Низшее образ. . . .	24,7	32,3
Домашн. образ.	18,9	7,7
Неграмотныхъ.	0,4	0,6

Наиболѣе высокаго уровня образовательный цензъ достигалъ во фракціи народной свободы.

Если оцѣнивать результаты выборовъ съ точки зрѣнія успѣховъ правительственнаго воздѣйствія, то придется, разумѣется, признать, что результаты эти были для правительства подавляющими,—что все давленіе, имъ произведенное, обратилось, въ сущности говоря, противъ него. Мало того: можно думать, что составъ думы не былъ бы столь рѣзко—лѣвымъ, если бы въ нихъ не участвовалъ въ такой степени элементъ протеста противъ электоральныхъ маневровъ министерства. Но самъ по себѣ, составъ второй думы несомнѣнно уступалъ составу перваго. И та партійная группировка, которая постепенно образовалась, обнаружила всю трудность созданія того прочнаго, однороднаго большинства, безъ котораго въ думѣ всегда оставалась

возможность всякихъ неожиданностей. При этой группировкѣ оказалось, что часто, въ вопросахъ внутренней русской жизни, рѣшающій голосъ принадлежалъ польскимъ депутатамъ, и это обстоятельство самихъ поляковъ ставило въ щекотливое положеніе.

Съ другой стороны, вся исторія второй думы показываетъ, что, будучи по составу своему значительно болѣе крайней, нежели первая, она въ своей дѣятельности оказалась болѣе сдержанной, болѣе умѣренной. Сказался пережитый опытъ, разбившій не мало иллюзій, показавшій тщету многихъ надеждъ. Депутаты второй думы съ иными чувствами вступали въ таврическій дворецъ, чѣмъ депутаты первой Да и вся политическая конъюнктура была совершенно иная.

III.

Политическое положеніе въ моментъ созыва второй думы.

Чего ждало правительство отъ второй думы? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно обратиться къ тому документу, который появился еще въ январѣ, а затѣмъ былъ положенъ въ основаніе декларації, прочитанной въ самой думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Документъ этотъ—телеграмма, посланная 17 января предсѣдателемъ совѣта министровъ «генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ и для свѣдѣнія намѣстнику Е. И. В. на Кавказѣ".

Вотъ, какъ она опредѣляла будущій образъ дѣйствія правительства.

„Призванная государемъ служить основою законодательнаго строя въ имперіи, являясь важнѣйшимъ факторомъ возсозданія крѣпкихъ государственныхъ устоевъ и порядка, имѣя право законодательной инициативы, государственная дума встрѣтитъ въ правительствѣ живѣйшее и искреннѣйшее стремленіе согласованной плодотворной творческой работы. При настоящемъ бурномъ теченіи общественной жизни правительство сознаетъ громадную трудность безошибоч-

ной постановки и рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ, и въ критикѣ своихъ предположеній, такъ же какъ въ детальномъ и практическомъ обсужденіи предположеній думы, оно видитъ залогъ успѣха въ дѣлѣ преобразованія государства. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ государственной думы въ области законодательства, бюджета и запросовъ, правительство будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ, такъ какъ лишь строгимъ выполненіемъ и подчиненіемъ законамъ какъ правительство, такъ и дума могутъ сохранить монаршее довѣріе, наличность котораго одна обезпечиваетъ возможность ихъ совмѣстной работы. Установивъ всю злонамѣренность толковъ о желаніи правительства созвать думу лишь съ цѣлью ея непремѣннаго роспуска и возвращенія къ прежнимъ, осужденнымъ государемъ, порядкамъ, надлежитъ имѣть на мѣстахъ ясное представленіе о предположеніяхъ правительства въ области ближайшаго законодательства. Приближеніе органовъ самоуправленія къ населенію въ видѣ установленія всесословной волости, какъ мелкой земской единицы, привлеченіе большаго числа лицъ къ задачамъ самоуправленія посредствомъ уменьшенія цензовыхъ нормъ и расширеніе компетенціи органовъ самоуправленія будутъ предложены правительствомъ въ цѣляхъ созданія устойчивыхъ самоуправляющихся ячеекъ, основы децентрализаціи. При введеніи подоходнаго налога правительство предполагаетъ подкрѣпить средства земствъ и городовъ, передавъ имъ части нѣкоторыхъ казенныхъ поступленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе мѣстныхъ выборныхъ судей и объединеніе

административной власти въ губерніи и уѣздѣ довершить упроченіе устойчиваго мѣстнаго уклада. Но главнѣйшею, неустанною заботою правительства будетъ улучшеніе земельнаго быта крестьянъ. Не только созданіе земельнаго фонда и справедливая на посильныхъ условіяхъ передача земель этого разряда крестьянамъ, но предоставленіе каждому трудолюбивому, энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный трудъ, не нарушая чужихъ правъ, къ законно-пріобрѣтенной имъ землѣ— будутъ предметомъ предложеній правительства въ области землеустройства. Не менѣе важны подготовляемые правительствомъ законопроекты въ области рабочаго, школьнаго и административнаго законодательства.

Приведенное краткое перечисленіе даетъ лишь приблизительное понятіе о той громадной работѣ переустройства. совершить которое является для государственной думы, государственнаго совѣта и правительства историческою обязанностью.

Переустройство это должно имѣть основою укрѣпленіе и упорядоченіе началъ истинной свободы и порядка, возвѣщенныхъ съ высоты престола.

Въ виду этого правительство твердо и послѣдовательно будетъ преслѣдовать нарушителей права, прекращать со всею строгостью возникающіе безпорядки и стоятъ на стражѣ спокойствія страны, примѣняя, до полнаго ея успокоенія, всѣ находящіяся въ его распоряженіи законныя средства“.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько умѣстно или неумѣстно для правительства устанавливать условія, при которыхъ возможно довѣріе монарха

къ народному представительству, т. е., въ концѣ концовъ,—къ самому народу. Въ истинно-конституціонной странѣ самая постановка такого вопроса вызвала бы недоумѣніе. Но можно ли было вообще признать какую либо опредѣленность, что либо положительное въ томъ, какъ рѣшался общій, коренной вопросъ объ отношеніи правительства къ государственной думѣ? — И здѣсь приходится отвѣтить самымъ категорическимъ отрицаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ. какой реальный смыслъ имѣютъ фразы о „полномъ уваженіи“ правительства къ правамъ думы? Неужели есть въ нихъ надобность по существу? Мыслимо ли иное отношеніе? Можно ли себѣ представить правительство, относящееся безъ полнаго уваженія къ народному представительству и прямо о томъ заявляющее? Далѣе: оказывается, что правительство готово было признать пользу взаимокритики, въ виду „настоящаго бурнаго теченія общественной жизни“. Именно оно, это бурное теченіе, вызываетъ „огромную трудность безошибочной постановки и рѣшенія“ важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ. Мы не станемъ спрашивать, какъ согласовать такое утвержденіе съ состоявшейся постановкой и вынесеннымъ рѣшеніемъ вопроса о крестьянской общинѣ; повидимому, здѣсь трудности не усматривалось, и въ безошибочности своего рѣшенія правительство было увѣрено. Но въ цитированныхъ словахъ мы вкушаемъ самую квинтъ-эссенцію бюрократической мысли: дума—помощница, дума—сотрудница, дума—въ видѣ законосовѣщательнаго учрежденія—вотъ послѣдніе предѣлы, далѣе которыхъ мысль эта рѣшительно отказывалась шагнуть. Читая

декларацію П. А. Столыпина, мы инстинктивно искали подъ нею подпись Булыгина.

Бюрократія отказывалась признать совершившійся переворотъ во всей его полнотѣ. Дума въ ея глазахъ была не представительное учрежденіе, проводникъ народныхъ требованій и желаній, а только какая-то огромная комиссія, которая можетъ принести извѣстную пользу, поскольку она будетъ „согласовать“ свою дѣятельность съ „творческой работой“ правительства. Съ нѣкоторой снисходительностью допуская участіе этой комиссіи въ своемъ „творчествѣ“, правительство аргументировало это „бурнымъ теченіемъ общественной жизни“. Уляжется буря—и участіе это, пожалуй, окажется излишней роскошью. Съ другой стороны, не дума, а правительство устанавливаетъ „историческія обязанности“ и неизмѣнное направленіе политическаго курса. Въ атмосферѣ этихъ понятій и принциповъ вянетъ и сворачивается всякая мысль о правительствѣ, отвѣтственномъ передъ народнымъ представительствомъ, о министерствѣ, пользующемся довѣріемъ большинства думы. Декларація 17 января такъ же удалена отъ такихъ представленій, какъ декларація 13 мая. И въ то время, какъ лозунгъ этотъ все болѣе и болѣе объединяетъ всѣ слои общества, правительство рѣшительно и прямо поворачивается къ нему спиною.

Въ концѣ концовъ, наиболѣе ясно и полно формулированной частью декларации оказалась та, которая обѣщала и впредь „до полнаго успокоенія страны“ примѣненіе правительствомъ всѣхъ „находящихся въ его распоряженіи законныхъ средствъ“ для „укрѣпленія и упорядоченія началъ истинной свободы и порядка“.

Трудно повѣрить, что пышная мантія этихъ широко-

вѣщательныхъ словъ укрывала не что иное, какъ военно-полевые суды, всякія охраны, административный произволъ и безотвѣтственность власти, словомъ, всѣ тѣ сорныя травы и ядовитыя растенія, которыя сразу выбились изъ-подъ развалинъ первой государственной думы и за полгода выросли въ дремучій, непроходимый лѣсъ. Все это намъ обѣщали оставить и впредь И этотъ финальный аккордъ правительственной декларации звучалъ громче всей предшествующей музыки.

Совершенно ясно, что при такихъ условіяхъ говорить о возможной солидарности думы съ правительствомъ значило бы тѣшиться явно-несбыточной мечтой. Правительство готовилось диктовать свои условія думѣ. Дума готовилась выполнять свою миссію, избѣгая съ самаго начала рѣзкихъ конфликтовъ, стремясь сперва укрѣпить свое положеніе, сдѣлаться реальной силой. Наиболѣе сознательная часть, очень скоро взявшая въ свои руки руководящую роль въ думѣ, хорошо сознавала, что вторая дума открывается при условіяхъ несравненно менѣе благопріятныхъ, чѣмъ первая, и что предстоящая ей задача, поэтому, несравненно труднѣе.

Въ самомъ дѣлѣ: нельзя было, прежде всего, не считаться съ тѣмъ фактомъ, что опытъ перваго роспуска прошелъ для правительства гораздо спокойнѣе, чѣмъ оно, повидимому, само ожидало. Правда, эпоха междудумья ознаменовалась огромнымъ подъемомъ волны анархическаго террора, количество убійствъ и разбоевъ возросло въ неимовѣрной степени. Но организованнаго сопротивленія, организованнаго протеста не было. И потому, угроза роспускомъ, которая во

время первой думы лишь изрѣдка и робко проникала въ стѣны Таврическаго дворца, прежде даже чѣмъ собралась вторая дума и вплоть до послѣдняго дня,— неотступно и безсмѣнно надъ ней висѣла, отравляя атмосферу, въ которой работали депутаты.

Исходъ выборовъ не оправдалъ правительственныхъ надеждъ. Не взирая на всѣ затраченныя въ избирательной борьбѣ усилія, на всѣ принятыя мѣры, въ думу проникли въ огромномъ количествѣ лѣвые элементы.

По составу своему вторая дума въ значительной своей части оказалась сильно передвинувшейся влѣво. Правительственное большинство оказалось миѳомъ.

При такихъ условіяхъ, никакое конституціонное правительство не могло бы, конечно, остаться у власти. Если роспускъ первой думы дѣйствительно не былъ первымъ шагомъ на пути къ государственному перевороту, а апелляціей къ народу (какъ доказывалъ манифестъ мирнообновленцевъ), то ясность и недвусмысленность отвѣта могли привести только къ одному результату. И въ прессѣ вполнѣ правильно было сдѣлано указаніе въ этомъ смыслѣ. Но если разсматривать всю политику правительства за послѣдніе полтора года подъ правильнымъ угломъ зрѣнія, то ясно будетъ, что она представляла собою сплошную борьбу съ народомъ, борьбу, въ которой ни одна позиція никогда, не уступалась добровольно. И вполнѣ послѣдовательно при данныхъ условіяхъ, эта политика подсказывала правительству примѣненіе лозунга „Se soumettre ou se demettre“ - подчиняться или уйти—не къ самому себѣ, а къ думѣ.

По мѣрѣ того, какъ сталъ выясняться составъ думы, все чаще и чаще слышались предсказанія, проро-

чащія роспускъ думы прежде даже, нежели она соберется. Вѣдь никто не могъ серьезно ожидать, что эта вторая дума, наполненная боевыми элементами, согласится плясать подъ дудку министерства роспуска и военно-полевыхъ судовъ. И къ слову сказать, если кто нибудь могъ насчетъ этого сомнѣваться въ февралѣ, для уничтоженія его сомнѣній достаточно было бы увидѣть отношеніе правительства къ этимъ военно-полевымъ судамъ, за которое оно цѣплялось до самаго конца изъ послѣднихъ силъ.

Но роспускъ до созыва былъ бы слишкомъ откровеннымъ, слишкомъ прямымъ шагомъ. Онъ бы слишкомъ ярко обнаружилъ истинную подкладку перваго роспуска. Надо было его избѣгнуть, оставаясь въ увѣренности, что первые же шаги думы, первыя же ея дѣйствія окажутся достаточными для того, чтобы ее разогнать. Эту увѣренность одинаково питало присутствіе соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, какъ и крайнихъ правыхъ. Отъ послѣднихъ ожидали, что они сыграютъ роль пикадоровъ и доведутъ думу до того состоянія, когда ей безъ труда можетъ быть нанесенъ смертельный ударъ.

При такихъ условіяхъ, въ чемъ должна была заключаться тактика думы. Отвѣтъ на этотъ вопросъ давался парламентской фракціей партіи партіи народной свободы въ такихъ выраженіяхъ:

1) Строго подчинить цѣли агитаціонныя цѣлямъ законодательнымъ и совершенно отказаться отъ содѣйствія тактикѣ, разсчитанной на непосредственную „поддержку“ думы народомъ или на „организацію“ думой населенія на мѣстахъ, съ цѣлью ближайшихъ активныхъ выступленій.

2) Выработать и выполнить планъ ближайшей очереди законодательныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью реорганизацію государственнаго строя.

3) Использовать для этой цѣли, помимо парламентской законодательной инициативы, почти исключительно примѣнявшейся въ первой думѣ, также и матеріалъ министерскихъ законопроектовъ поскольку они могутъ служить дополненіемъ къ думскимъ, или, не противорѣча цѣлямъ оппозиціи, окажутся практически необходимы для населенія.

4) Воздержаться отъ прямого выраженія недовѣрія министерству, могущаго имѣть лишь тотъ характеръ платонической демонстраціи, котораго умышленно избѣгали.

5) Стремиться къ образованію по возможности прочнаго и постояннаго большинства для практическаго проведенія намѣченнаго фракціей законодательнаго плана.

Основная мысль этихъ тактическихъ задачъ заключалась въ томъ, чтобы: 1) сохранить самое существованіе думы, для всѣхъ одинаково необходимое, и 2) осуществить тѣ общенаціональныя задачи, къ которымъ по необходимости будетъ стремиться и всѣ остальныя оппозиціонныя фракціи.

Можно съ полной увѣренностью утверждать, что только такой планъ могъ быть для думы въ данныхъ условіяхъ пріемлемъ. Онъ бралъ думу такою, какою она была, съ ея силой и слабостью, пытаясь развить и укрѣпить первую, не закрывая глазъ на вторую. Всякій другой планъ былъ бы фактически неосуществимъ. Если и этотъ въ конечномъ счетѣ потерпѣлъ крушеніе, то помимо вопроса о томъ, удалось ли его

провести послѣдовательно и до конца, можно поставить другой: могла ли вообще, при данномъ положеніи дѣлъ, вторая дума разсчитывать на побѣду?

Какъ бы то ни было, политическое положеніе при открытіи второй думы опредѣлялось такъ: съ одной стороны правительство, проигравшее избирательную кампанію и получившее недвусмысленный вотумъ недовѣрія отъ всей страны, но упорствующее въ борьбѣ, предрѣшившее разгонъ и ожидающее, что сама дума облегчитъ ему его задачу; съ другой дума, весьма неопредѣленная и неясная въ своемъ настроеніи и въ своихъ задачахъ, пестрая по составу, милостью правительства лишенная цѣлаго ряда крупныхъ вождей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожная и упорная, наученная опытомъ и рѣшительно не склонная къ авантюрамъ. Въ странѣ созывъ второй думы уже не сопровождался тѣмъ подъемомъ духа, который былъ такъ характеренъ для апрѣльскихъ дней прошлаго года. Первый роспускъ разбилъ много иллюзій. Яснѣе стало сознаніе, что борьба предстоитъ еще долгая и тяжелая, и что вторая дума рискуетъ остаться такимъ же этапомъ этой борьбы, какимъ оказалось ея предшественница. Энтузіазма не было: слишкомъ еще сильна была горечь перваго разочарованія. Дума собиралась угрюмо и хмуро. Ей ни разу не суждено было испытать то настроеніе, котораго не забудутъ люди, пережившіе 27 апрѣля 1906 г. Но зато и ударъ 3 іюня не былъ для нея такой мучительной катастрофой...

IV.

Отношенія правительства къ думѣ.

I. Декларація предсѣдателя совѣта министровъ

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, среди которыхъ протекала думская дѣятельность, необходимо на первомъ мѣстѣ отмѣтить отношеніе правительства къ народному представительству какъ главный тормазъ серьезной и плодотворной законодательной дѣятельности, къ которой, несомнѣнно, добросовѣстно стремилось большинство думы.

Едва ли когда-либо парламентъ собирался при болѣе тяжелой обстановкѣ, нежели та, при которой собралась наша вторая дума. Девять самыхъ томительныхъ мѣсяцевъ произвола и насилій отдѣляли ее отъ того момента, когда была разогнана первая русская дума. Страна пережила мучительно тяжелый кошмаръ, который продолжаетъ ее душить и теперь. Дѣятельность думы возобновлялась среди самыхъ неконституціонныхъ условій. Нельзя даже и говорить серьезно о томъ, соблюдаются ли у насъ законы, такъ какъ, въ сущности, дѣйствіе законовъ у насъ вообще пріостановлено. Вся страна управляется на основаніи законовъ исключительныхъ, которые являются по существу своему отрицаніемъ законности и права. Сама жизнь гражданъ

остается внѣ охраны закона, такъ какъ суды, которымъ предаются лица, заранѣе объявленныя начальствомъ судей явными и несомнѣнными преступниками, не могутъ быть признаны настоящими судами. Не случайно нашелся начальникъ, который, вѣроятно, совершенно добросовѣстно, одновременно съ преданіемъ военно-полевому суду, отдалъ распоряженіе о приготовленіи висѣлицы для подсудимаго.

Нужна вѣра въ чудо, въ возможность волшебныхъ превращеній для того, чтобы надѣяться немедленно выйти изъ того тупика, въ который судьбѣ было угодно загнать страну. Эта вѣра въ чудесное, которая на минуту озарила страну въ самомъ началѣ дѣятельности первой думы, исчезла еще раньше, нежели дума прекратила свое существованіе. Дума была разогнана въ значительной мѣрѣ потому, что исчезла эта наивная вѣра въ ея могущество, которой были заражены не только ея стронники, но и ея заклятые враги. И они дерзнули....

Такое прошлое министерства, съ которымъ должна была ежедневно сталкиваться, съ которымъ должна была работать дума,—одно было достаточно для того, чтобы до крайности затруднить, если и не сдѣлать совершенно невозможной, спокойную, плодотворную работу государственной думы. Но воспоминаніями о прошломъ отнюдь не исчерпывались препятствія на пути къ такой работѣ. И послѣ созыва думы министерство сумѣло внести въ свою дѣятельность всѣ тѣ элементы, которые до нельзя затрудняли спокойную, планомѣрную законодательную работу, которые вносили неопредѣленность, опасенія туда, гдѣ раньше всего необходима твердая увѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Отношеніе министерства къ думѣ, его представленія о совмѣстной работѣ и ея характерѣ, посколько оно не предопредѣлялось и безъ того всѣмъ прошлымъ министерства, прекрасно иллюстрируется той декларацiей, съ которой министерство сочло себя обязаннымъ обратиться къ думѣ.

Чтеніе этой декларацiи, которое должна была начать собой думскую работу, было совершенно неожиданно отсрочено, благодаря... обвалу думскаго потолка.

Стало уже общимъ мѣстомъ, что дѣйствительность превосходитъ въ Россiи самое богатое воображеніе. Какъ ни различны были предположенія относительно ближайшихъ событій въ думѣ, какъ ни разнообразны были мнѣнія относительно того, что ждетъ нашу вторую думу и ея членовъ, но и на этотъ разъ дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Въ зданіи, только что заново отремонтированномъ съ затратой въ милліонъ рублей, обвалился потолокъ!

Этотъ обвалъ весьма легко могъ обратиться въ неслыханную, безпримѣрную катастрофу, послѣдствія которой невозможно себѣ представить. Благодаря счастливой случайности, ни одна человѣческая жизнь не пострадала. Но значеніе самаго происшествія отъ этого нисколько не мѣняется.

Правительство позаботилось о томъ, чтобы оградить депутатовъ отъ соприкосновенія съ публикой, оно приняло всѣ возможныя и даже невозможныя мѣры къ тому, чтобы гарантировать полный порядокъ, но оно не сумѣло принять мѣры къ тому, чтобы оградить депутатовъ отъ обвала того самаго зданія, на ремонтъ котораго была затрачена такая масса денегъ.

*

Народная фантазія, несомнѣнно, свяжетъ легенды съ этимъ обваломъ потолка въ домѣ народныхъ представителей. Всѣ подчеркиваютъ символическій характеръ этого обвала. Но при этомъ забываютъ, что символъ нуженъ лишь тамъ, гдѣ дѣйствительность сама по себѣ недостаточно ярка. А здѣсь факты и сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что фантазія не можетъ ихъ болѣе разукрасить. Трудно придумать болѣе яркую иллюстрацію безсилія нашего государственнаго механизма, даже и во второстепенныхъ вопросахъ государственнаго управленія. Мы ни въ малѣйшей степени не сомнѣваемся въ томъ, что правительство имѣло твердое желаніе устроить, во всякомъ случаѣ, совершенно безопасное зданіе для думы, оно доказало, что для этой задачи оно не остановится и предъ весьма значительными затратами и, несмотря на это,—и въ этомъ весь трагизмъ положенія,—бюрократія оказалось не въ состояніи справиться съ такой сравнительно ничтожной задачей.

Правительственная газета съ необычайнымъ хладнокровіемъ отнеслась къ этой новой иллюстраціи нашихъ порядковъ. „Россія“ привела на справку подобныя же „несчастья“, происшедшія въ странахъ съ вполнѣ конституціоннымъ правительствомъ. Нужно ли доказывать, что несчастье несчастью рознь,—что въ данномъ случаѣ даже „Новое Время“ заговорило о „преступной небрежности“. Впрочемъ, само правительство своимъ поведеніемъ какъ бы санкціонировало взглядъ „Россіи“ на происшедшее. Въ первомъ засѣданіи послѣ катастрофы, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ по „преступной небрежности“ власти едва не погибло нѣсколько сотъ народныхъ представителей, глава прави-

тельства счелъ возможнымъ хранить мертвое молчаніе,—словно случившееся вовсе его не касалось. Если прибавить, что работы по приведенію помѣщенія думы въ надлежащій видъ поручены тому же лицу, на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность за обвалъ, то вполнѣ наглядно выяснится отношеніе министерства къ одной изъ первѣйшихъ своихъ обязанностей: охранѣ жизни и безопасности депутатовъ.

Это необычайное происшествіе повлекло за собой отсрочку въ чтеніи министерской декларацiи, но не только теперь, а и тогда, по прочтеніи этой декларацiи, стало совершенно очевиднымъ, что страна ничего не проиграла отъ этого промедленія, что министерство не могло обѣщать странѣ въ будущемъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что она получила отъ него въ прошломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, министерство Столыпина можно охарактеризовать какъ министерство конституціонныхъ фразъ и анти-конституціонныхъ дѣйствій. И этой своей физіономіи министерство остается вѣрнымъ въ декларацiи, хотя, какъ это и естественно въ декларацiяхъ, являющихся раньше всего словомъ, а не дѣломъ, конституціонныя фразы преобладаютъ въ ней, оставляя въ тѣни анти-конституціонныя дѣйствія, однако, не на столько, чтобы ихъ совершенно затушевать.

Мы не будемъ останавливаться на словесной орнаментовкѣ, какъ не имѣющей никакого значенія. Къ такой, совершенно безсодержательной, орнаментовкѣ мы относимъ сравненіе условій законодательной дѣятельности въ Россіи и на Западѣ. Изъ того, что намъ предстоитъ реформированіе всѣхъ частей нашего государственнаго строя и многихъ отношеній соціальнаго характера, нельзя сдѣлать никакого вывода о

необходимости какой-то особенной осторожности при разработкѣ каждаго отдѣльнаго закона, а тѣмъ менѣе какого-то особаго соотношенія министерства и народнаго представительства въ этой работѣ. Возможна большая осмотрительность необходима, вообще, при разработкѣ законопроектовъ, и ссылка на таковую не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы задерживать разработку законопроектовъ, касающихся важнѣйшихъ частей государственной жизни. Еще менѣе понятно особое указаніе, въ связи съ этой особенностью задачъ нашего законодательства, на необходимость примиренія разнообразныхъ интересовъ. Такое справедливое примиреніе разнообразныхъ интересовъ— основная задача каждаго закона.

Оставляя въ сторонѣ эти украшенія и переходя къ существу декларації, нѣтъ особой надобности указывать тѣ ея части, которыя предназначены служить доказательствомъ конституціонныхъ намѣреній министерства. Декларація пересыпана разсужденіями о необходимости правового строя, гарантій личной неприкосновенности, свободы совѣсти, союзовъ, собраній и т. д. Но всѣ эти фразы не въ состояніи все же затушевать дѣйствительнаго значенія декларації.

Прежде всего, послѣ 7-ми мѣсяцевъ столь неконституціоннаго управленія, казалось бы, первая обязанность министерства объясниться по поводу этихъ дѣйствій, дать гарантіи того, что этотъ образъ дѣйствій въ будущемъ не повторится. Министерство обошло молчаніемъ этотъ щекотливый вопросъ, вѣроятно, для того, чтобы поддержать во всей чистотѣ теорію, что на скамьяхъ министерства сидятъ не подсудимые, но правительство.

Правда, во второй своей рѣчи, въ отвѣтъ на нападки крайнихъ лѣвыхъ, предсѣдатель совѣта министровъ сдѣлалъ попытку оправданія дѣйствій правительства въ періодъ междудумья. Сама по себѣ попытка эта не представляетъ особаго интереса, такъ какъ она является повтореніемъ все тѣхъ же старыхъ мыслей, что революція оправдываетъ всѣ крайнія мѣры правительства, причемъ упускается изъ виду даже и то, что мѣры были направлены не на подавленіе революціи, но на расплату съ нею. И такъ какъ эта вторая рѣчь не можетъ быть разсматриваема какъ часть правительственной декларацiи, то, съ точки зрѣнія вопроса, какъ исполнило министерство, въ качествѣ конституціоннаго, свой долгъ предъ думой, созванной послѣ продолжительнаго междудумья, эта вторая рѣчь министра не имѣетъ никакого значенія.

Къ сожалѣнію, не только въ отношеніи къ прошлому оказалось полное непониманіе со стороны министерства дѣйствительной сущности конституціонализма и правового государства. оказалось совершенно очевиднымъ, что это непониманіе въ одинаковой степени распространяется на будущее.

Въ декларацiи имѣется весьма подробный перечень тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ нормировкѣ въ ближайшемъ будущемъ. Министерство отмѣчаетъ тѣ стороны нашей жизни, которыя особенно страдаютъ отъ гнета старыхъ законовъ, не обезпечивающихъ личности отъ правительственнаго произвола. Въ общемъ, перечень можно признать правильнымъ, хотя и имѣются существенныя, и при томъ явно не случайныя, упущенія. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что, въ общемъ, онъ явно заимствованъ у партіи народной сво-

боды. Указанія на тѣ общія основанія, на которыхъ должны быть построены новые законы, должно признать. не всегда достаточными и во многомъ требующими дополненій и исправленій, но, во всякомъ случаѣ, въ общемъ законопроекты, разработанные на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны министерской деклараціей, можно было бы принять какъ возможную основу для думской законодательной работы. Вѣдь необходимо признать, что нормальный ходъ работъ требуетъ, чтобы законопроекты, по крайней мѣрѣ, болѣе сложные, разрабатывались мииистерствами и чтобы дума подвергла ихъ лишь переработкѣ. Поэтому съ тѣмъ, что законопроекты далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ значительнаго большинства народныхъ представителей, можно было бы легко примириться. Правда, при этомъ нѣкоторое недоумѣніе, во всякомъ случаѣ, должно бы было возбудить то обстоятельство, что почти всѣ эти законопроекты, сулящіе столько благъ русскому народу, долженствующіе гарантировать ему свободу совѣсти, неприкосновенность жилища, непосредственную близость органовъ мѣстнаго управленія, совершенно независимыхъ въ закономъ отмежеванныхъ имъ границахъ, оставались еще тайной министерскихъ канцелярій. Казалось бы, опубликованіе такихъ проектовъ было бы болѣе подходящимъ средствомъ предвыборной агитаціи для конституціоннаго правительства, нежели поддержка истинно русскихъ людей и противозаконныя преслѣдованія партій оппозиціонныхъ. Къ сожалѣнію, ограничиться недоумѣніями невозможно, самый текстъ декларацiи не оставляетъ мѣста для сомнѣній. Для этого достаточно обратиться къ той части ея, правда, весьма небольшой, но чрезвычайно краснорѣчивой, въ

которой содержится прямое указаніе на то, какъ министерство понимаетъ обезпеченіе свободы для гражданъ. Именно, въ декларації мы читаемъ: „ранѣе всего правительство сочло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены. Тогда какъ свобода слова, собраній, печати, союзовъ опредѣлены временными правилами, свобода совѣсти, неприкосновеность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированы нашимъ законодательствомъ“... Мы думаемъ, если бы враги министерства пожелали разоблачить передъ страной всю неискренность обѣщаній министерства—„выработать нормы для... основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября“, то они не могли бы вложить въ уста министра-президента болѣе краснорѣчивыхъ словъ. Оказывается, такимъ образомъ, по мнѣнію нашего конституціоннаго министерства, что тѣ нормы, которыя содержатся въ нашихъ временныхъ правилахъ о союзахъ, собраніяхъ, печати, въ достаточной мѣрѣ гарантируютъ основы этихъ свободъ! Мы всѣ знаемъ, во что въ дѣйствительности обратились у насъ эти свободы, благодаря исключительнымъ положеніямъ, а въ какой мѣрѣ предполагается сохранить возможность исключительныхъ положеній, изъ декларації министерства не видно, хотя, казалось бы, на этомъ вопросѣ слѣдовало остановиться болѣе обстоятельно. Страна страдаетъ въ настоящее время не столько отъ дѣйствія общихъ, сколько отъ дѣйствія исключительныхъ законовъ. И все, что по этому поводу говоритъ декларація, это предположеніе замѣны трехъ исключительныхъ положеній однимъ. Однако, дѣло

именно въ томъ, каково будетъ это одно положеніе. Но даже и оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ возможна у насъ гарантія какихъ бы то ни было свободъ при дѣйствіи широкихъ исключительныхъ законовъ (такъ какъ дѣйствіе исключительныхъ законовъ, поставленныхъ въ тѣсныя рамки дѣйствительныхъ народныхъ смутъ и издаваемыхъ въ порядкѣ, обезпечивающемъ населеніе противъ злоупотребленій, можетъ быть сочетаемо съ истинной народной свободой), необходимо вѣдь признать, что временныя правила ни въ малѣйшей степени не гарантируютъ тѣхъ свободъ, о которыхъ говоритъ министерская декларація. Нѣтъ необходимости знать тонкости конституціоннаго строя и правового государства для того, чтобы понимать, что правила, въ силу которыхъ любой союзъ можетъ не быть допущенъ къ возникновенію въ силу безграничнаго усмотрѣнія административнаго органа, не гарантируютъ свободы союзовъ, для того, чтобы далѣе понимать, что съ понятіемъ правового государства несовмѣстимы правила, въ силу которыхъ опять-таки административный органъ можетъ по своему усмотрѣнію въ любой моментъ прекратить существованіе не только допущеннаго, но даже и зарегистрированнаго съ правами юридическаго лица союза. Совершенно таково же положеніе по отношенію къ свободѣ собраній.

И эти временныя правила министерство считаетъ достаточной гарантіей свободы гражданъ! Очевидно, по этимъ же образцамъ оно предполагаетъ вырабатывать и другіе свои законы, долженствующіе обезпечивать тѣ свободы гражданъ, которыхъ еще не успѣли коснуться временныя правила.

И то же непониманіе существа конституціонализма, а не только парламентаризма, сказалось въ томъ же засѣданіи государственной думы въ гордомъ заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ о томъ, что „государственной думѣ волею монарха не дано права выражать правительству неодобреніе, порицаніе или недовѣріе". Какъ извѣстно, правительство И. Л. Горемыкина выслушало цѣлый рядъ такихъ выраженій недовѣрія отъ лица первой думы. Упоминаніями объ этомъ недовѣріи и о тяжеломъ положеніи, въ которое оно ставитъ министерство, усѣяна рѣчь министра финансовъ, произнесенная имъ въ засѣданіи 23 іюня, по вопросу объ ассигнованіи средствъ на борьбу съ голодомъ Въ то время вопросъ о формальномъ правѣ думы выражать министерству недовѣріе совершенно не возникалъ, и актъ о роспускѣ думы, перечислявшій ея прегрѣшенія, объ этой сторонѣ дѣятельности думы не упоминалъ вовсе. И въ печати, и въ правительственныхъ сферахъ подвергалось обсужденію отнюдь не это формальное право; рѣчь шла все время лишь о томъ, каковы должны быть практическія послѣдствія выраженнаго недовѣрія.

При этомъ никому не приходило въ голову, конечно, подходить къ этому вопросу опять-таки съ формальной точки зрѣнія и искать его разрѣшенія въ постановленіяхъ нашихъ законовъ, основныхъ и прочихъ. Нѣтъ, всѣ доводы, въ пользу необходимость отставки министерства, исходили изъ соображеній по существу, изъ того совершенно безспорнаго положенія, что правильный ходъ государственнаго механизма невозможенъ, разъ существуетъ неустранимый и непримиримый конфликтъ между народнымъ представительствомъ и исполнительной властью.

Конечно, роспускъ думы давалъ съ формальной стороны такой же исходъ изъ этого конфликта, какъ и отставка министерства. Вся бѣда въ томъ, что отыскать и назначить министровъ, пользующихся довѣріемъ народнаго представительства, несравненно легче, чѣмъ добиться избранія новой думы, угодной данному министерству. Въ новой думѣ, открывшейся 20 февраля, столь же неустранимо и непримиримо стоитъ конфликтъ, какъ и въ старой.

Какое же, при этихъ условіяхъ, имѣютъ значеніе надменно звучащія слова, отказывающія думѣ въ правѣ выражать порицаніе или недовѣріе? Было бы, конечно, совершеннымъ абсурдомъ доказывать, что дума не вправѣ испытывать недовѣріе къ министерству, что она обязана дарить его своимъ довѣріемъ и одобреніемъ. А разъ дума испытываетъ недовѣріе, то она выразитъ его неизбѣжно, на каждомъ шагу, быть можетъ, въ каждомъ актѣ своемъ. Очевидно, стало быть, что, по мнѣнію г. Столыпина, вопросъ о довѣріи или недовѣріи думы къ министерству просто не долженъ возникать, онъ долженъ быть снятъ, онъ не имѣетъ значенія. Этимъ утвержденіемъ имѣется въ виду только отрицать существованіе у насъ политической отвѣтственности министровъ со всѣми ея послѣдствіями.

Но если это такъ, а другого смысла заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ имѣть не можетъ, то совершенно непонятно, почему г. Столыпинъ нашелъ нужнымъ переносить вопросъ на формальную почву? Вѣдь и теперь едва ли кому придетъ въ голову утверждать, что политическая отвѣтственность министровъ установлена нашими основными законами, что эти законы требуютъ отставки министерства, получившаго

вотумъ недовѣрія. Напротивъ, всѣ формулы недовѣрія, вынесенныя первой думой, а также вся полемика печати были направлены на то, чтобы по существу выразить мысль о несовмѣстимости представительнаго учрежденія съ министерствомъ, не пользующимся его довѣріемъ. И вся эта, столь безспорная, столь ясная аргументація не можетъ быть опрокинута безсодержательнымъ возраженіемъ, представляющимся лишь формальнымъ отводомъ. Это возраженіе бьетъ мимо цѣли, и это тѣмъ очевиднѣе, что коренной конфликтъ остается въ полной силѣ, не взирая на то, что значительное большинство думы постановило воздержаться отъ вотума недовѣрія. Вотъ ежели бы г. Столыпину удалось доказать, что въ отношеніяхъ между законодательной и исполнительной властью возможно устранить элементъ довѣрія или недовѣрія, если бы онъ развернулъ намъ картину государственной жизни, нормально и спокойно развивающейся, несмотря на существованіе глубокаго и коренного конфликта между этими двумя факторами,—тогда его заявленіе имѣло бы цѣну и практическое значеніе. Но сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ отбояриться худо скрытой угрозой, указывающей формальные предѣлы думской компетенціи.

Пусть дума не вправѣ выражать неодобреніе министерству, пусть, наоборотъ, министерство вправѣ совершенно пренебречь недовѣріемъ думы. Ни то, ни другое положеніе неспособно вывести русскую жизнь изъ того тупика, въ который она попала.

Хотя содержаніе декларації не было заранѣе извѣстно думѣ, но дѣйствительное ея существо не могло подлежать никакому сомнѣнію. Поэтому всѣ оппозиціонныя

партіи имѣли полную возможность заранѣе установить линію своего поведенія по поводу этой декларацiи и столковаться между собой. И совершенно послѣдовательно и правильно всѣ оппозиціонныя партіи рѣшили, что такая декларація не заслуживаетъ обсужденія по существу. Общіе взгляды тѣхъ партій, изъ которыхъ составлялось подавляющее большинство парламента, хорошо извѣстны; общая критика въ этомъ отношеніи не можетъ дать ничего новаго. Взглядъ думы долженъ найти себѣ должное выраженіе во всемъ ходѣ дѣятельности думы, а не въ одномъ какомъ-либо постановленіи, которое не можетъ ничего прибавить къ тому общему отношенію населенія къ министерству, которое нашло себѣ достаточно ясное выраженіе въ самыхъ результатахъ выборовъ.

Съ этимъ согласились всѣ партіи, за исключеніемъ, однако, соціалъ-демократовъ. И несмотря на всѣ усилія большинства оппозиціонныхъ фракцій, послѣ многократныхъ междупартійныхъ совѣщаній, страстныхъ дебатовъ, подробнаго и внимательнаго взвѣшиванія всѣхъ аргументовъ, послѣ того, какъ всѣ эти аргументы оказались исчерпанными,—соціалъ-демократическая фракція осталась при своемъ первоначальномъ рѣшеніи — выступить въ отвѣтъ на министерскую декларацію съ мотивированной декларацiей, предпославъ ей общую характеристику и оцѣнку дѣятельности правительства за истекшій бездумный періодъ.

Весь ходъ засѣданія 6 марта съ безусловной убѣдительностью доказалъ, до какой степени правы были фракціи, полагавшія, что рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ наилучшимъ отвѣтомъ всей думской оппозиціи на министерскую декларацію было бы принятіе простого

перехода къ очереднымъ дѣламъ. Правильность этого взгляда оказалась, къ сожалѣнію, демонстрированной a contrario. По общему свидѣтельству, выступленіе соціалъ-демократовъ, имѣвшее неизбѣжнымъ и предсказаннымъ нами послѣдствіемъ немедленное появленіе на думской трибунѣ крайнихъ правыхъ, въ значительной степени нарушило цѣльное и сильное впечатлѣніе, которое получилось отъ единодушнаго заявленія всѣхъ остальныхъ оппозиціонныхъ фракцій. Оно же дало предсѣдателю совѣта министровъ возможность выступить съ рѣчью, очевидно приготовленной заранѣе, на основаніи сообщенныхъ печатью свѣдѣній о темахъ, которыя будутъ затронуты рѣчами соціалъ-демократовъ. И такъ какъ рѣчь эта была сказана послѣдней, послѣ прекращенія записи, и сказана была съ темпераментомъ и воодушевленіемъ и съ большой безцеремонностью, хотя и безъ нарушеній внѣшняго декорума „конституціонности“,— то легко могло получиться впечатлѣніе, что не только формально, но и по существу послѣднее слово осталось за г. Столыпинымъ. Это впечатлѣніе тѣмъ естественнѣе, что, за исключеніемъ первой части рѣчи деп. Церетелли, все остальное, сказанное соціалъ-демократами, было совершенно лишено и внѣшнихъ, и внутреннихъ качествъ, которыя бы могли ударить по сердцамъ и объединить всю думу въ одномъ чувствѣ, въ одномъ порывѣ. Въ особенности неудачно и непростительно было появленіе въ этотъ моментъ деп. Озоля, погрузившаго думу въ атмосферу тяжелой скуки и разсѣяннаго недоумѣнія. Съ своей стороны, гг. Крушеванъ, Пуришкевичъ и прочіе изъ „стаи славной“ широко воспользовались предоставленной имъ соціалъ-демократами возможностью обрушиться на „революцію“

и засвидѣтельствовать истинно-русскія чувства, питаемыя ими къ правительству.

Какъ и можно было ожидать, сами по себѣ ихъ рѣчи обнаружили полное отсутствіе среди нихъ талантливыхъ и сильныхъ ораторовъ; онѣ не поднялись выше обычнаго уровня дюжинныхъ газетныхъ статей охранительнаго направленія. Но, именно, на фонѣ этой бездарности справа и безсилія слѣва заключительныя слова г. Столыпина получили нѣкоторую рельефность и извѣстный колоритъ. Онъ можетъ быть за это одинаково признателенъ и Церетелли, и Крушевану.

Но было бы наивно думать, что въ рѣчи Столыпина указанъ какой нибудь практическій способъ выхода изъ создавшагося положенія. Основная его мысль: правительство будетъ на словахъ „привѣтствовать“ всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій, правительство будетъ также на словахъ тщательно охранять законность, но „угрозы“ не запугаютъ правительство, и оно будетъ на дѣлѣ продолжать бороться исключительными средствами, въ виду того, что время исключительное, и не будетъ останавливаться передъ тѣмъ, чтобы, ударяя по революціи, задѣвать чужіе интересы, къ революціи непричастные. Въ этой постановкѣ вся суть столыпинской политики. Всякое министерство, стоящее на такой позиціи, какимъ бы оно красивымъ языкомъ ни возвѣщало самыя коренныя, самыя конституціонныя реформы, обречено воплощать въ своей практической дѣятельности самый необузданный произволъ. И при такихъ условіяхъ всѣ благія обѣщанія министерской декларації въ лучшемъ случаѣ продуктъ самообольщенія, а еще вѣрнѣе—пышныя декораціи, обманывающія

глазъ. Истинная физіономія министерства обнаруживается тамъ, за кулисами этихъ декорацій. Заслонить ее невозможно.

2. Инцидентъ съ д. Зурабовымъ.

И эта истинная природа министерства оставался неизмѣннымъ въ теченіе всего времени существованія думы. Моментами были нѣкоторыя колебанія въ мелочахъ, какъ будто нѣсколько мѣнялся тонъ, но сущность оставалась неизмѣнной. Это проявилось въ стремленіи использовать противъ народнаго представительства каждый инцидентъ, который, при сколько-нибудь доброжелательномъ отношеніи, могъ бы пройти совершенно незамѣченнымъ. Это проявлялось далѣе въ постоянномъ вмѣшательствѣ въ ту сферу отношеній, въ которой думѣ должна быть предоставлена полная самостоятельность, это проявлялось, наконецъ, въ систематическомъ стремленіи удалить изъ думы неудобныхъ правительству депутатовъ, свести политическую борьбу къ полицейскимъ мѣрамъ устраненія непріятнаго противника. Это ярко проявилось въ инцидентѣ съ д. Зурабовымъ.

Какъ бы мы ни считали по существу ничтожнымъ этотъ инцидентъ, но то значеніе, которое онъ пріобрѣлъ въ парламентскихъ кругахъ, въ глазахъ всего общества, заставляетъ и насъ болѣе внимательно на немъ остановиться. Очевидно, въ условіяхъ, среди которыхъ протекаетъ наша парламентская жизнь, еще имѣются такія, которыя такъ ненормально выдвигаютъ на первый планъ событія второстепенной, если не

третьестепенной важности. Приходится съ этими событіями считаться не въ той мѣрѣ, въ какой они сами того заслуживаютъ, но въ мѣрѣ того значенія, которое съ ними связывается въ данный моментъ. Это приходится дѣлать и потому, что такимъ образомъ оказывается возможнымъ болѣе отчетливо выяснить всю ненормальность тѣхъ общихъ условій, которыя такъ уродливо измѣняютъ перспективу явленій.

И, раньше всего, эпизодъ съ д. Зурабовымъ свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой мѣрѣ неосторожнымъ и неправильнымъ было требованіе военнаго министра о закрытіи дверей думы во время обсужденія контингента арміи на 1908 г. Конечно, формально министръ имѣлъ право требовать такого закрытія дверей, но, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ часто забываютъ, что правомъ можно не только пользоваться, но и злоупотреблять, и въ этомъ случаѣ такое пользованіе перестаетъ быть правомѣрнымъ. Публичность засѣданій парламента есть необходимая часть этого института, она такъ нужна въ интересахъ правильнаго его функціонированія; каждый случай отказа отъ нея создаетъ такія неудобства, что какъ бы формально законъ ни ставилъ вопросъ о закрытіи дверей парламента, какія бы широкія права онъ ни предоставлялъ парламенту или отдѣльнымъ его членамъ по этому вопросу,—во всякомъ случаѣ, закрытіе дверей является такимъ рѣзкимъ отступленіемъ отъ традицій и практики парламентской жизни, что только интересы первостепенной важности могутъ это оправдывать. Не даромъ въ Англіи публичность засѣданій установилась какъ твердая основа парламентской жизни, несмотря на то, что въ принципѣ не только спикеръ, но и каждый членъ парламента можетъ тре-

бовать удаленія изъ засѣданій всѣхъ постороннихъ. Практика, однако, давно уже сдѣлала непримѣнимымъ это широкое право удаленія изъ парламента постороннихъ. Теперь для такого удаленія требуется постановленіе парламента. Въ дѣйствительности, однако, замѣчаетъ Ретлихъ [1]), уже давно никто не помышляетъ о томъ, чтобы устранять публичность засѣданій. Конечно, принципіально нельзя отрицать того, что могутъ быть моменты, когда публичное обсужденіе того или другого вопроса представитъ извѣстную опасность, но практика западно-европейскихъ парламентовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эта возможность болѣе отвлеченная, чѣмъ реальная. Тайна собранія, въ которомъ присутствуетъ нѣсколько сотъ человѣкъ, представляется болѣе нежели проблематичной, между тѣмъ невозможность нормальнаго обсужденія происходившаго въ засѣданіи отражается крайне неблагопріятно на характерѣ обсужденія, чему можетъ служить лучшимъ доказательствомъ инцидентъ д. Зурабова. Имѣются одновременно всѣ неудобства открытаго засѣданія, безъ его достоинствъ, и всѣ недостатки засѣданія закрытаго. Вотъ почему даже и въ странѣ, гдѣ принципы бюрократическаго режима пустили такіе глубокіе корни, какъ въ Пруссіи, закрытіе дверей засѣданія въ палатѣ депутатовъ является рѣдкимъ исключеніемъ. Плате [2]) приводитъ только два случая исключенія публичности засѣданій, и оба относятся къ 1858 г. Оба случая касаются частныхъ вопросовъ личнаго характера. Въ первый

[1]) Recht u. Technik des englischen Parlamentarismus. стр. 281.

[2]) Die Geschäftsordnung des Pr. Abgeordnetenhauses, стр 133.

разъ публичность была исключена при обсужденіи вопроса о пользованіи трибуной для публики, устроенной полицейскимъ президіумомъ, второй—касался вопроса о способѣ привѣтствія принца Фридриха Вильгельма и его супруги по случаю ихъ бракосочетанія. Предложенія объ исключеніи гласности при обсужденіи разнаго рода вопросовъ, которыя дѣлались впослѣдствіи, систематически отклонялись.

Требованіе военнаго министра объ исключеніи гласности при обсужденіи вопроса объ укомплектованіи арміи представлялось тѣмъ менѣе нормальнымъ, что рѣчь шла не о какомъ-либо исключительномъ предложеніи военнаго министерства, гдѣ могли быть замѣшаны какіе-либо вопросы, особенно щекотливые въ данный моментъ,—рѣчь шла объ обычномъ составѣ арміи, объ обычномъ ея укомплектованіи. Краснорѣчиво доказывая необходимость гласности парламентскихъ засѣданій, Бентамъ сказалъ: „тайна есть одинъ изъ способовъ заговора. Не возводите же ее въ принципъ хорошаго управленія“. Военное министерство въ области своего управленія, однако, желаетъ поступить вопреки этому правилу. Можно весьма усумниться въ томъ, чтобы это управленіе много отъ такого способа веденія дѣла выиграло,—въ чемъ другомъ, но въ тайнѣ у него и до настоящаго времени недостатка не было. Но что, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно и теперь, такъ это то, что на нашемъ парламентскомъ строѣ эта система тайны отражается крайне вредно. Первый же случай ея примѣненія служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Сущность эпизода сводится къ тому, что д. Зурабовъ позволилъ себѣ оскорбительный отзывъ объ арміи.

Если бы засѣданіе было публичнымъ, было бы нетрудно выяснить, имѣли ли мы тутъ дѣло съ дѣйствительнымъ оскорбленіемъ или просто съ неосторожной фразой, которая могла быть произнесена съ одними намѣреніями и понята совершенно иначе. Между тѣмъ, въ настоящее время, какъ бы точны ни были наши свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи, элементарное чувство сознанія своего долга предъ закономъ не позволяетъ намъ заниматься процессомъ возстановленія въ точности произнесенныхъ Зурабовымъ словъ. Конечно, для тѣхъ публицистовъ, которые понимаютъ повиновеніе закону только за страхъ, а не за совѣсть, для которыхъ верховнымъ закономъ публицистической дѣятельности является извлеченіе возможно большихъ доходовъ изъ своего литературнаго предпріятія, которое раньше всего является именно предпріятіемъ,—такая щепетильность непонятна. Съ поразительной безцеремонностью клевещутъ они на д. Зурабова и даже на предсѣдателя думы, забывая, что этимъ они задѣваютъ честь самой думы. Объ этомъ слѣдовало бы болѣе серьезно подумать и тѣмъ публицистамъ, которые съ удивительной легкостью позволяютъ себѣ не только рѣзкія, но и неприличныя по формѣ выходки по отношенію къ предсѣдателю думы и въ данномъ случаѣ въ условіяхъ, когда защита представляется затруднительной въ силу самаго закона, не по иниціативѣ предсѣдателя думы приведеннаго въ дѣйствіе.

Повторяемъ, мы считаемъ совершенно невозможнымъ по существу разбирать этотъ инцидентъ, такъ какъ для этого намъ надо было бы заняться возстановленіемъ точнаго текста какъ того, что было сказано д. Зурабовымъ, такъ и всѣхъ послѣдующихъ осложненій. Мы

ограничимся поэтому указаніемъ того, что безъ такого возстановленія точнаго текста словъ разборъ инцидента совершенно невозможенъ. Допустимъ, что д. Зурабовъ сказалъ, какъ это утверждаетъ часть печати, что наша армія только терпѣла пораженія и впредь только пораженія будетъ терпѣть. Оскорбительность этихъ выраженій для арміи зависитъ отъ всего контекста рѣчи. Раньше всего совершенно очевидно, что, говоря о постоянныхъ пораженіяхъ нашей арміи, д. Зурабовъ могъ говорить только о послѣднемъ времени. Представимъ себѣ далѣе, что эта фраза была сказана д. Зурабовымъ по поводу неудовлетворительности современной организаціи нашей арміи, представимъ себѣ, что, доказывая ея несостоятельность (а въ этомъ, надѣемся, никто не признаетъ оскорбленія самой арміи), д. Зурабовъ демонстрировалъ эту несостоятельность тѣми пораженіями, которыя армія испытала въ теченіе послѣдняго времени. Представимъ себѣ, далѣе, что, доказывая необходимость такой коренной реформы нашей арміи, д. Зурабовъ доказывалъ, что именно потому, что по своему личному составу армія наша можетъ быть одной изъ лучшихъ, одной изъ наиболѣе образцовыхъ армій,—такая ея реорганизація является необходимой и что, съ другой стороны, какъ доказалъ печальный опытъ послѣдней войны, когда армія терпѣла одни только пораженія, безъ такой реорганизаціи армія и впредь будетъ терпѣть одни только пораженія. Можно ли въ такой рѣчи, хотя въ ней имѣются всѣ приписываемыя д. Зурабову слова, усмотрѣть оскорбленіе арміи? Мы думаемъ, что при самомъ щепетильномъ отношеніи къ чести арміи на вопросъ надо будетъ отвѣтить отрицательно. Конечно, если бы предположить,

что д. Зурабовъ сказалъ, что не стоитъ отпускать денегъ на армію, т. к. все равно русская армія всегда была никуда негодной арміей и въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, ей предстоятъ одни только пораженія, то такія слова были бы оскорбленіемъ не только русской арміи, но и русскаго народа.

Мы думаемъ въ виду этого, что, не имѣя точнаго отчета о засѣданіи, мы не должны высказываться по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ слова д. Зурабова для арміи оскорбительны. Одно то обстоятельство, что слова эти были сказаны въ закрытомъ засѣданіи, слѣдовательно, не предназначались для распространенія, не были, во всякомъ случаѣ, расчитаны на публичное оскорбленіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію эти слова, не слѣдуетъ ихъ автора дѣлать объектомъ публичной травли. Эпизодъ былъ исчерпанъ въ самой думѣ заявленіемъ предсѣдателя, принятымъ со знаками одобренія большинствомъ думы. Далѣе, всякія непріятныя осложненія, которыми этотъ эпизодъ могъ грозить въ отношеніяхъ думы и правительства, были исчерпаны личными объясненіями предсѣдателя думы съ министрами. Казалось бы, все это давало достаточно основаній для того, чтобы счесть эпизодъ этотъ вполнѣ и навсегда исчерпаннымъ. И мы не сомнѣваемся ни на минуту, что въ странѣ, гдѣ понимаютъ значеніе закрытыхъ засѣданій, хотя ими и перестали пользоваться, гдѣ есть чувство любви и уваженія къ народному представительству, въ той его формѣ, въ которой оно въ данный моментъ функціонируетъ, совершенно независимо отъ того, въ какой мѣрѣ реформа его представляется желательнымъ, тамъ такъ именно и случилось бы. Что бы ни сказалъ от-

дѣльный депутатъ, какъ бы та или другая группа депутатовъ къ этому заявленію ни отнеслась, во всякомъ случаѣ, дума, какъ учрежденіе, выразила совершенно ясно свое отрицательное отношеніе къ словамъ, которыя могли быть истолкованы какъ оскорбленіе арміи. И такъ какъ только это имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи думы къ арміи, то все остальное должно быть отброшено въ сторону.

3. Посягательства правительства на думскую автономію. Правила допущенія публики въ думу. Комиссіи и эксперта

Инцидентъ съ Зурабовымъ болѣе или менѣе случайное проявленіе того чувства, которое лежало въ основѣ отношенія правительства къ народному представительству. Мы выше указали, что то же враждебное чувство сказалось въ постоянномъ стремленіи къ вмѣшательству въ ту сферу отношеній, которая должна быть предоставлена автономному самоопредѣленію со стороны думы. И это вмѣшательство преслѣдовало, частью б. м., и безсознательно, одну цѣль,—создавать думѣ какъ можно больше препятствій.

Къ числу такихъ препятствій нельзя не отнести, раньше всего, правилъ объ охраненіи должнаго порядка въ помѣщеніяхъ государственной думы и о допущеніи въ засѣданія думы постороннихъ лицъ. Въ виду явной ихъ малоосуществимости правительство обнаруживаетъ стремленіе обезпечить ихъ примѣненіе детальностью регламентаціи. Предусматривается требованіе оставленія при входѣ не только верхняго платья, палокъ, тростей (перечень можно было бы и увеличить: кнутовъ, нагаекъ), но и головныхъ уборовъ и биноклей. И, со-

образно архаическимъ принципамъ, положеннымъ въ основу этихъ правилъ, языкъ ихъ тоже архаическій. „Допущенныя въ засѣданіе лица обязаны хранить молчаніе и соблюдать благопристойность“...

Гораздо, однако, существеннѣе другая сторона правилъ. Они вводятъ, какъ будто бы совершенно случайно, элементъ двоевластія тамъ, гдѣ, казалось бы, твердость и опредѣленность являются существенно необходимыми.

Мы говоримъ, что это двоевластіе случайное, такъ какъ общій смыслъ правилъ съ совершенной очевидностью устанавливаетъ, что единственнымъ распорядителемъ помѣщеній таврическаго дворца, занимаемыхъ государственной думой, является ея предсѣдатель. Ст. 1-я правилъ говоритъ, что ему принадлежитъ тамъ „высшій надзоръ за соблюденіемъ порядка“. Съ другой стороны, ст. 20-я, которая говоритъ о завѣдывающемъ охраною дворца, точно указываетъ, что ему принадлежитъ „надзоръ за порядкомъ и безопасностью во всѣхъ частямъ дворца“, однако „за исключеніемъ частей императорскаго таврическаго дворца, отведенныхъ непосредственно подъ помѣщенія государственной думы“. И, въ явное противорѣчіе съ этимъ основнымъ началомъ правилъ, ст. 10-я говоритъ о томъ, что „лица, желающія быть допущенными въ засѣданія думы, снабжаются билетами канцеляріей думы, по соглашенію съ завѣдующимъ охраною .. дворца и съ разрѣшенія предсѣдателя государственной думы“. Это вмѣшательство завѣдывающаго охраной въ вопросы, касающіеся зала засѣданія, находящееся въ полномъ противорѣчіи съ властью предсѣдателя, можетъ быть источникомъ недоразумѣній, для которыхъ нѣтъ вы-

хода, ибо нѣтъ инстанціи, которая могла бы разрѣшать эти конфликты.

Правда, ст. 10-я касается лишь вопроса о допущеніи въ собранія публики Но, во-первыхъ, вопросъ о публичности собраній, а, слѣдовательно, и о способахъ допущенія публики имѣетъ несомнѣнное значеніе для государственныхъ учрежденій. А, во-вторыхъ, что еще существеннѣе, давая хотя бы самую незначительную возможность вмѣшательства въ распорядительную дѣятельность предсѣдателя думы, правила создаютъ соблазнительную для завѣдывающаго охраной возможность вмѣшательства его въ распорядкѣ помѣщеній, отведенныхъ непосредственно для государственной думы.

Первый поводъ для вмѣшательства предсѣдателя совѣта министровъ во внутреннюю дѣятельность думы далъ вопросъ о непосредственныхъ сношеніяхъ думы съ органами мѣстнаго самоуправленія и мѣстными правительственными органами.

Мы имѣемъ въ виду переписку премьера съ предсѣдателемъ думы по вопросу о правахъ думскихъ комиссій. За ними правительство отрицаетъ какъ право непосредственныхъ сношеній съ земскими учрежденіями, такъ и право приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ для дачи объясненій. Думѣ и думскимъ комиссіямъ, по мнѣнію П. А. Столыпина, предуказанъ единственный путь сношеній—въ порядкѣ ст. 40 положенія о думѣ. Обращаться можетъ дума за разъясненіями только къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями непосредственно. Правительство заявило, что другихъ сношеній оно не допуститъ.

Несомнѣнно, что министерство имѣло полную возможность сдѣлать эти сношенія невозможными, запре-

тивъ ихъ органамъ, находящимся въ извѣстной зависимости отъ правительства. И если по формѣ письмо предсѣдателя совѣта министровъ было не вполнѣ корректно, такъ какъ оно должно было быть направлено къ подчиненнымъ министерству органамъ, а предсѣдателя государственной думы слѣдовало лишь увѣдомить объ этомъ распоряженіи подвѣдомственнымъ министру учрежденіямъ, тѣмъ не менѣе по существу нельзя было отрицать формальное право министерства воспрепятствовать такого рода непосредственнымъ сношеніямъ думы съ мѣстными органами. Конечно, такіе вопросы не исчерпываются одной формальной стороной. За нею стоитъ болѣе важное существо дѣла, но было бы чрезмѣрнымъ требованіе отъ министерства пониманія этого существа, когда форма даетъ ему право создать еще одно препятствіе серьезной думской работѣ.

Но и эти формальныя оправданія не могутъ быть приведены въ защиту другого рѣшенія министерства— воспрепятствовать дѣятельности думскихъ комиссій, лишивъ ихъ права приглашать въ свои засѣданія для разъясненій спеціальныхъ вопросовъ свѣдущихъ лицъ.

Рѣшеніе это представляется неправильнымъ уже потому, что оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ мнѣніемъ по этому вопросу правит. сената. Какъ извѣстно, въ § 44 наказа, принятаго первой думой, предусмотрѣно право комиссій приглашать свѣдущихъ лицъ. Этотъ § 44-й признанъ сенатомъ expressis verbis согласнымъ съ закономъ.

Противники правъ комиссій приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ ссылаются на слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, мотивы къ закону свидѣ-

тельствуютъ о томъ, что законодатель не желалъ допустить такое приглашеніе, что, во-вторыхъ, ст. 42 не допускаетъ постороннихъ лицъ въ засѣданія комиссій и что, въ третьихъ, въ виду молчанія закона по этому вопросу, такое право не можетъ быть признаваемо за думскими комиссіями, такъ какъ это право отнюдь не можетъ презумироваться, но должно быть всегда прямо устанавливаемо. Всѣ эти аргументы не выдерживаютъ, однако, серьезной критики.

Что касается ссылки на мотивы, то для всѣхъ, для кого правила интерпретаціи закона не являются собраніемъ терминовъ, которыми можно пользоваться по своему усмотрѣнію, совершенно очевидно, что ссылка на мотивы сама по себѣ не можетъ никогда имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ важно не то, что хотѣлъ сказать законодатель, но то, что онъ въ дѣйствительности сказалъ. Но здѣсь дѣлается еще большая натяжка. Къ толкованію учрежденія о законодательной думѣ приштуковываются, какъ на это уже было указано, мотивы, коими руководился законодатель, когда издавалъ положеніе о законосовѣщательной думѣ Можно ли болѣе безцеремонно пользоваться законодательными мотивами для того, чтобы получить толкованіе, или точнѣе подтвердить толкованіе, явно противорѣчащее закону?

Какъ это совершенно правильно было указано, ссылка на ст. 42, согласно которой „въ засѣданіи отдѣловъ и комиссій ни постороннія лица, ни представители печати не допускаются“, отнюдь не можетъ подтвердить запрета приглашенія въ комиссіи свѣдущихъ лицъ, такъ какъ совершенно очевидно, что лица эти отнюдь не могутъ быть названы для комиссій

посторонними. Наряду съ упомянутой 74 ст., которая говоритъ о правѣ приглашать въ засѣданія департаментовъ свѣдущихъ лицъ, ст. 76 учрежд. госуд. сов. запрещаетъ допускать въ эти засѣданія постороннихъ лицъ; слѣдовательно, сопоставленіе этихъ статей ясно доказываетъ, что обѣ эти категоріи строго различаются.

Не большей убѣдительностью отличается и указаніе на то, что „по общему началу, усвоенному нашимъ законодательствомъ, право предсѣдателей всякаго рода собраній и присутствій приглашать свѣдущихъ лицъ само собой вовсе не предполагается, это право должно быть опредѣленно указано въ законѣ. Такъ, напр., въ статьѣ 74 учр. государственнаго совѣта прямо указано, что предсѣдатели департаментовъ имѣютъ право приглашать для объясненій свѣдущихъ лицъ“. Но тутъ общее начало сведено къ одному только примѣру, причемъ и эта ссылка страдаетъ серьезными недостатками. Въ этой 74 ст. рѣчь идетъ о приглашеніи свѣдущихъ лицъ въ засѣданія департаментовъ, т. е. официальныя засѣданія, порядокъ коихъ точно регулированъ закономъ. Отсюда, поэтому, можно было бы вывести лишь то заключеніе, что въ думскія засѣданія свѣдущія лица не могутъ быть приглашаемы.

Дѣло, однако, не только въ томъ, что примѣръ этотъ единственный, и притомъ неудачный, важнѣе то, что примѣры, почерпнутые изъ нашего свода законовъ, вообще не могутъ служить въ данномъ вопросѣ сколько нибудь убѣдительнымъ доказательствомъ. Тотъ фактъ, что въ цѣломъ рядѣ болѣе новыхъ законовъ, предусмотрѣно право приглашенія свѣдущихъ лицъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что понятіе этихъ свѣду-

щихъ лицъ было вообще чуждо нашему болѣе старому законодательству. Весь нашъ строй, основанный исключительно на бюрократическомъ началѣ, относился къ участію общества, хотя бы и въ скромной роли свѣдущаго человѣка, въ такой мѣрѣ подозрительно, что законодатель считалъ необходимымъ каждый разъ особо оговаривать возможность ихъ приглашеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ ихъ участіе особо желательнымъ. Поэтому то обстоятельство, что городскимъ и земскимъ учрежденіямъ было предоставлено право приглашать въ засѣданія свѣдущихъ лицъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, что право такого приглашенія съ неизбѣжною необходимостью вытекаетъ изъ самаго понятія широкой дѣятельности, предоставленной данному учрежденію. И совершенно понятно, когда появилось учрежденіе, построенное исключительно на участіи общественнаго элемента, когда это учрежденіе было признано высшимъ учрежденіемъ имперіи съ автономной организаціей, не подчиненной какому бы то ни было контролю, не было никакихъ основаній спеціально оговаривать право этого учрежденія такъ организовать свою внутреннюю работу, чтобы явилась возможность приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ. Изъ самого понятія автономно организованнаго органа съ неизбѣжной необходимостью вытекаетъ свобода организаціи внутренней работы. Въ западной Европѣ комиссіи получили самое широкое развитіе какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, и нигдѣ внутреннія распорядки комиссій не подвергались никакому контролю со стороны правительства. Въ чрезвычайно обстоятельной справкѣ по этому вопросу, данной на страницахъ „Рѣчи“ извѣстнымъ знатокомъ этой прак-

тики членомъ первой думы М. Я. Острогорскимъ ука зываются тѣ положенія, которыя по этому вопросу выработаны западно-европейской практикой.

1) Всѣ думскія комиссіи безъ исключенія вправѣ собственной властью приглашать въ свои засѣданія лицъ, показанія коихъ онѣ признаютъ полезными въ видахъ разъясненія порученныхъ имъ дѣлъ, для дачи таковыхъ показаній, безъ дальнѣйшаго участія ихъ въ засѣданіяхъ комиссіи.

2) Въ комиссіи, не имѣющія спеціальной задачей разрѣшеніе вопросовъ законодательныхъ и бюджетныхъ и разслѣдованій дѣйствій правительства и его агентовъ, могутъ быть привлекаемы, съ разрѣшенія гос думы, для участія въ работахъ съ совѣщательнымъ голосомъ, лица не принадлежащія къ составу думы

Такая практика западно-европейскихъ парламентовъ основывается при томъ не на спеціальныхъ статьяхъ закона, предоставляющихъ думскимъ комиссіямъ такія права по приглашенію къ своимъ занятіямъ третьихъ лицъ, но на автономномъ правѣ парламента устраивать въ предѣлахъ, отмежеванныхъ ей закономъ, внутренній порядокъ работы. Это право не можетъ быть отрицаемо и по отношенію къ русскому парламенту, который по закону пользуется такимъ же автономнымъ правомъ опредѣленія порядка своихъ работъ, не будучи подчиненъ въ этомъ отношеніи никакимъ ограниченіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены закономъ. При этомъ необходимо указать, что для нашего парламента имѣется гораздо больше основаній для возможно болѣе широкаго использованія института свѣдущихъ лицъ, нежели для любого западно-европейскаго парламента. И это обусловливается двоякаго рода причинами. Во-первыхъ бла-

годаря нашему избирательному закону дума отличается большимъ количествомъ лицъ, безъ спеціальнаго и даже средняго образованія, нежели какой либо другой европейскій парламентъ. Можно быть разнаго мнѣнія о значеніи съ политической точки зрѣнія широкаго участія въ думѣ крестьянскаго элеманта, но нельзя отрицать того, что крестьянскій элементъ къ подготовительной работѣ выработки законопроектовъ, формулировки запросовъ, разсмотрѣнія смѣтъ и разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ мало подходящій элементъ. Вторая причина особаго значенія участія свѣдущихъ лицъ заключается въ томъ, что у насъ думѣ приходится принимать болѣе активную роль по отношенію къ законопроектамъ, нежели на западѣ, гдѣ рѣдко сколько нибудь значительный законопроектъ разрабатывается въ самомъ парламентѣ. Проекты вносятся обыкновенно технически отлично разработанными министерствами, привлекающими къ этой работѣ и общество въ лицѣ его спеціальныхъ организацій и свѣдущихъ лицъ. Это приглашеніе свѣдущихъ лицъ является результатомъ не стремленія къ расширенію предѣловъ дѣятельности парламента, стремленія захватить въ свои руки не принадлежащія парламенту какъ законодательному органу права, но слѣдствіемъ естественнаго стремленія обставить свою дѣятельность какъ можно болѣе подходящими для нея условіями. И странно, что именно у насъ, гдѣ думу такъ охотно упрекаютъ въ неработоспособности, это ея стремленіе обставить наиболѣе серьезнымъ образомъ свою работу встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны правительства, того самаго правительства, которое само такъ широко, хотя и неумѣло, пользовалось въ послѣдніе годы самовластія участіемъ свѣду-

щихъ лицъ едва ли на основаніи какого либо положинаго постановленія закона.

Къ сожалѣнію, повидимому, вопросъ этотъ сталъ вопросомъ личнаго самолюбія. Авторитетъ власти не допускалъ возможности уступокъ, которыя свидѣтельствовали бы либо о „слабости“ власти, либо объ ея ошибкѣ. Поэтому, несмотря на рѣшительную оппозицію со стороны думы, предсѣдатель совѣта министровъ продолжалъ настаивать на томъ, что комиссіи не имѣютъ права приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ. Не довольствуясь тѣми, дѣйствительно весьма примитивными средствами отстаиванія своего взгляда, которыя выразились въ распоряженіи не допускать экспертовъ въ помѣщеніе думы, предсѣдатель совѣта министровъ разослалъ министрамъ и начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ по этому вопросу особый циркуляръ, въ которомъ онъ предлагаетъ указать подвѣдомственнымъ чинамъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составѣ отдѣловъ и комиссій государственной думы, въ которые они могутъ быть командированы для представленія объясненій (учр. гос. думы, ст. 41), окажутся постороннія лица, не состоящія членами, командированные чины должны уклоняться отъ участія въ подобныхъ засѣданіяхъ, какъ не отвѣчающихъ по своему составу требованіямъ закона.

Въ статьѣ М. Я. Острогорскаго содержится вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытная справка о роли министровъ въ парламентскихъ комиссіяхъ. У насъ министры— и надо сказать не одни министры,—были склонны считать себя вправѣ всегда являться во всѣ тѣ засѣданія комиссій, гдѣ они признаютъ свое участіе желательнымъ. Ученый авторъ обращаетъ вниманіе на

неосновательность этой претензіи. Хотя почти повсюду министры имѣютъ свободный доступъ въ палату, хотя бы они и не состояли членами ея, но въ комиссіи они не повсюду допускаются такъ свободно. Во Франціи они въ комиссіи являются лишь по приглашенію и по окончаніи своихъ объясненій немедленно удаляются. Присутствіе министра при совѣщаніи членовъ комиссіи считалось бы стѣснительнымъ для нея, а тѣмъ болѣе участіе его въ преніяхъ. Норвежскій стортингъ постановилъ въ 1879—1880 гг. что въ непубличныя засѣданія палаты министры не допускаются безъ ея разрѣшенія. Но въ Германіи, гдѣ министры независимы отъ парламента и держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ строго парламентарныхъ государствахъ, они участвуютъ не только въ пленарныхъ засѣданіяхъ палаты, но и въ комиссіяхъ и отдѣлахъ, съ совѣщательнымъ голосомъ.

По существу нельзя, конечно, ничего возразить противъ этой практики болѣе широкаго участія министровъ въ работахъ комиссій. Но отсюда неизбѣженъ и дальнѣйшій выводъ, что предѣлы участія въ комиссіяхъ не членовъ ея, которые не являются вмѣстѣ съ тѣмъ и членами думы, свободно устанавливаются парламентской практикой и регулируются лишь соображеніями цѣлесообразности.

Въ этомъ эпизодѣ съ думскими комиссіями есть еще одна сторона, болѣе существенная, нежели вопросъ о приглашеніи не-депутатовъ въ ея засѣданія, это—вопросъ о правѣ вмѣшательства предсѣдателя совѣта министровъ во внутреннія распорядки думы. Казалось бы, нѣтъ положенія, болѣе элементарнаго, нежели то, что дума не находится подъ контролемъ

министерства, что дѣятельность думы совершенно независима отъ какого-либо контроля со стороны органовъ правительственной власти. Это—азбука конституціоннаго строя, и противъ этой азбуки грѣшилъ протестъ предсѣдателя совѣта министровъ. Съ достоинствомъ обратилъ на это его вниманіе предсѣдатель государственной думы, говоря:

„Я считаю своимъ долгомъ покорнѣйше просить васъ не отказать меня увѣдомить, на основаніи какихъ статей закона предсѣдатель совѣта министровъ можетъ обращаться съ подобнаго рода запросомъ къ предсѣдателю государственной думы. Въ учрежденіи государственной думы есть ст. 33, которая даетъ государственной думѣ право обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ съ запросами по поводу ихъ незаконом'рныхъ дѣйствій, но нѣтъ статьи, которая давала бы право министрамъ дѣлать запросъ государственной думѣ или ея предсѣдателю".

Предсѣдатель совѣта министровъ не остался на той высотѣ вопроса, на которую онъ былъ поставленъ предсѣдателемъ государственной думы; онъ перевелъ весь споръ на вопросъ о правилахъ, регулирующихъ допущеніе публики въ засѣданія государственной думы постороннихъ лицъ и объ охраненіи въ помѣщеніи думы должнаго порядка. Вопросъ сразу потерялъ свое принципіальное значеніе. Рѣчь, слѣдовательно, идетъ уже не о томъ, имѣетъ ли право думская комиссія приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ, вопросъ сводится къ тому, имѣетъ ли право приглашенный думской комиссіей экспертъ пройти въ помѣщеніе таврическаго дворца, гдѣ засѣдаетъ комиссія для того, чтобы принять участіе въ ея занятіяхъ. Достаточно,

слѣдовательно, комиссіи перенести свои занятія въ другое помѣщеніе, внѣ дворца, для того, чтобы имѣть возможность засѣдать вмѣстѣ съ приглашенными ею свѣдущими людьми

Но если вопросъ потерялъ значительную часть своего принципіальнаго значенія для думы, которой остается, такимъ образомъ, приспособить свою дѣятельность къ неудобствамъ занимаемаго ею помѣщенія, а не считаться съ предѣлами предоставленныхъ ей правъ, то инцидентъ сохранилъ въ полной мѣрѣ свое значеніе съ точки зрѣнія характеристики отношенія правительства къ думѣ и ея правамъ.

Вопросъ серьезнаго политическаго значенія былъ подмѣненъ полицейскимъ вопросомъ о правѣ входа въ помѣщеніе. Развѣ въ этой постановкѣ вопроса не сказался нашъ старый полицейскій строй, всѣ вопросы разрѣшавшій при помощи все того же полицейскаго усмотрѣнія? Положенія о всякаго рода охранахъ позволяли администраціи по своему усмотрѣнію разрубать всякаго рода правовые вопросы. Тонкости юридическаго различенія предѣловъ правъ стирались, благодаря дискреціонному праву дѣйствія на основаніи довольно разнообразнаго репертуара охранъ. На этотъ разъ роль этой чрезвычайной охраны разыграли правила объ охранѣ должнаго порядка въ помѣщеніяхъ государственной думы.

Но даже и въ періодъ полновластнаго господства самодержавной бюрократіи сенатъ сдѣлалъ первые, правда, робкіе еще шаги, по направленію ограниченія произвола администраціи, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ей предоставлено дискреціонное право. Именно сенатъ сталъ рецепировать теорію французскаго госу

дарственнаго совѣта, согласно которой административное распоряженіе, принятое, хотя бы въ предѣлахъ дискреціонныхъ полномочій, предоставленныхъ данному должностному лицу, является неправомѣрнымъ и подлежитъ, слѣдовательно, отмѣнѣ, если оно воспользовалось этими полномочіями не въ тѣхъ цѣляхъ, въ которыхъ они предоставлены администраціи. Сомнѣніе возбуждаетъ при этомъ не неправомѣрность подобнаго рода распоряженій, а крайняя трудность установленія дѣйствительныхъ мотивовъ распоряженія должностного лица. Но въ распоряженіи предсѣдателя совѣта министровъ эта сторона дѣла не представляетъ никакихъ трудностей, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его переписка съ предсѣдателемъ государственной думы. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что правилами, предназначенными къ охраненію въ помѣщеніяхъ думы должнаго порядка, предсѣдатель совѣта министровъ воспользовался для того, чтобы повлять на внутренній распорядокъ дѣятельности комиссій. Это—несомнѣнное злоупотребленіе предоставленными закономъ полномочіями, которое, принципіально по крайней мѣрѣ, признавалось неправомѣрнымъ даже и при дѣйствіи самодержавнаго бюрократическаго строя.

4. Попытки правительства устранять нежелательныхъ ему депутатовъ. Свящ. Петровъ. Репрессіи по отношенію къ депутатамъ священникамъ. Обвиненія противъ соціалъ-демократической фракціи.

И совершенно такимъ же злоупотребленіемъ власти являются большинство дѣйствій, предпринятыхъ министерствомъ съ цѣлью устранить изъ думы нежелательные ему элементы. Практика министерства отличалась

въ этомъ отношеніи чрезвычайнымъ разнообразіемъ и чрезвычайной порой находчивостью. Первымъ случаемъ преслѣдованія неугодныхъ правительству депутатовъ является инцидентъ съ петербургскимъ депутатомъ священникомъ Петровымъ.

Отецъ Петровъ былъ временно устраненъ отъ занятій въ думѣ на томъ основаніи, что онъ отбываетъ духовное наказаніе въ Череменецкомъ монастырѣ. Несмотря на просьбы, обращенныя къ духовнымъ властямъ, о томъ, чтобы отбываніе этого наказанія было отложено на время перерыва занятій думы, отецъ Петровъ все же былъ принужденъ оставаться въ монастырѣ и, такимъ образомъ, не исполнять возложенныхъ на него населеніемъ обязанностей въ думѣ. Угроза потери священническаго сана для человѣка, носящаго рясу по призванію, достаточно серьезна для того, чтобы заставить подчиниться рѣшенію духовныхъ властей. Но эта необходимость подчиненія еще не дѣлаетъ дѣйствій этихъ властей правомѣрными. Вопросъ теряетъ при такихъ условіяхъ практическое значеніе. Но онъ сохраняетъ серьезный интересъ для всѣхъ тѣхъ, для кого вопросы права не сводятся къ простымъ вопросамъ принужденія.

Временное устраненіе отъ участія въ засѣданіяхъ думы точно регулируется учрежденіемъ государственной думы. Именно, ст. 20-я указываетъ лишь два случая такого временнаго устраненія отъ участія въ собраніяхъ: 1) привлеченіе къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ. означенныхъ въ п. 1 ст. 7-й положенія о выборахъ въ думу или влекущихъ за собой отрѣшеніе отъ должности, и 2) объявленіе несостоятельнымъ должникомъ. Нѣтъ рѣши-

тельно никакихъ основаній не признавать этого перечисленія исчерпывающимъ. Наоборотъ, такъ какъ основная идея этихъ статей—охрана неприкосновенности депутатовъ, то всѣ постановленія, ограничивающія эту неприкосновенность, должны быть толкуемы, въ силу основныхъ правилъ интерпретаціи законовъ, ограничительно.

Эта же мысль проводится далѣе и въ ст. 15-й, согласно которой „членъ государственной думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти".

Мы полагаемъ поэтому, что если распоряженіе духовнаго начальства священника Петрова имѣло своимъ послѣдствіемъ „ограниченіе" его свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ временное устраненіе отъ участія въ государственной думѣ, то дѣйствіе этого начальства должно быть признано незакономѣрнымъ, хотя бы и не было такой власти, которая могла бы эту незакономѣрность исправить.

Но могутъ ли быть какія либо сомнѣнія въ томъ, что опредѣленное священнику Петрову наказаніе, обязательно притомъ отбываемое въ Черменецкомъ монастырѣ, является „ограниченіемъ" его свободы, влечетъ за собой временное его устраненіе отъ участія въ собраніяхъ думы?

Противъ этого совершенно очевиднаго аргумента дѣлаются два возраженія. Говорятъ, что священникъ Петровъ добровольно отбываетъ наказаніе (и притомъ, именно, въ Черменецкомъ монастырѣ?), и, во-вторыхъ наказаніе это духовное, въ интересахъ религіозныхъ налагаемое, а потому несоизмѣримое съ тѣми „свѣтскими" послѣдствіями, которыя наказаніе это можетъ

влечь за собой для наказуемаго. Оба возраженія представляются намъ неубѣдительными.

Раньше всего трудно понять, въ чемъ заключается добровольный характеръ наказанія. Въ томъ ли, что по внутреннему побужденію священникъ Петровъ самъ наложилъ на себя это наказаніе? Но вѣдь этого никто и не утверждаетъ. Точно также не онъ опредѣлилъ мѣру наказанія, не онъ выбралъ мѣсто его отбыванія. Но говорятъ, что наказаніе это добровольное, т. к. свящ. Петровъ можетъ во всякое время покинуть монастырь. Если бы это дѣйствіе свящ. Петрова не было связано для него ни съ какими невыгодными правовыми послѣдствіями, мы бы могли, пожалуй, говорить о добровольности пребыванія въ монастырѣ. Но оказывается, что это можетъ повлечь за собой потерю священническаго сана, такъ какъ такое дѣйствіе было бы ослушаніемъ со стороны свящ. Петрова. Итакъ, добровольно отбываемое наказаніе, хотя уклоненіе отъ такового является ослушаніемъ! Мы полагаемъ, что это конструкція, съ которой едва ли можетъ примириться юристъ. Если для понятія уголовнаго наказанія и требуется элементъ непосредственнаго принужденія со стороны органовъ государственной власти, то таковое требованіе вовсе не является необходимымъ для понятія дисциплинарнаго наказанія, которое имѣется на-лицо и въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть и не принуждаетъ къ его выполненію.

Поэтому необходимо признать, что свящ. Петровъ былъ по распоряженію своего духовнаго начальства подвергнутъ церковному наказанію, которое повлекло за собой ограниченіе его свободы и временное устраненіе отъ участія въ собраніяхъ государственной думы.

Конечно, какъ мы съ самаго начала признали, нѣтъ власти, которая могла бы формально принудить синодъ измѣнить мѣру наказанія, или по крайней мѣрѣ, измѣнить срокъ его отбыванія. Съ своей стороны, государственная дума можетъ отказаться признать свящ. Петрова временно устраненымъ отъ участія въ засѣданіяхъ думы, это признаніе входитъ, несомнѣнно, въ предѣлы ея компетенціи, согласно ст. 21 ея учрежд. но, понятно, само по себѣ, оно не обязательно для синода Значитъ ли это, что положеніе безысходное, что каждое изъ этихъ учрежденій можетъ дѣйствовать по свому усмотрѣнію, руководствуясь своими интересами, своими правами и не сообразуя своихъ дѣйствій съ интересами и правами другихъ, отъ нея независимыхъ, учрежденій?

Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ,—иначе единству государственнаго организма, возможному лишь при согласованности дѣйствій всѣхъ его органовъ, будетъ нанесенъ ударъ, который сдѣлаетъ невозможнымъ правильное его функціонированіе. Эта согласованность дѣйствій достигается тамъ, гдѣ нѣтъ отношеній подчиненія и господства, согласованіемъ правъ и обязанностей путемъ подчиненія болѣе важнымъ интересамъ интересовъ менѣе существенныхъ. Такъ каждый чиновникъ, какъ таковой, несетъ извѣстнаго рода обязанности, исполненіемъ которыхъ обусловливается правильный ходъ занятій въ этомъ учрежденіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти чиновники могутъ быть привлекаемы къ исполненію другихъ обязанностей, напр., обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Начальство чиновника не подчинено судеб. вѣдомству, которое не можетъ ему

ничего предписать. Тѣмъ не менѣе, конфликты не должны имѣть мѣста. Интересы правосудія должны быть поставлены выше удобствъ занятій въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и потому ради обычныхъ занятій, хотя бы спѣшныхъ и временныхъ, начальство не имѣетъ права помѣшать чиновнику отправиться къ исполненію обязанности присяжнаго засѣдателя. И такъ какъ едва ли можетъ возникнуть какое-либо сомнѣніе, что обязанности народнаго представителя, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, выше обязанности отбыванія, именно, въ опредѣленный моментъ дисциплинарнаго наказанія, то и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что начальство, ограничивающее свободу своего подчиненнаго въ такой мѣрѣ, что онъ оказывается устраненнымъ отъ участія въ думскихъ засѣданіяхъ, дѣйствуетъ незакономѣрно.

Не имѣетъ особаго значенія и второе, указанное нами выше, возраженіе, заключающееся въ томъ, что интересы церкви несоизмѣримы съ мірскими интересами, хотя бы то были интересы государственной думы. Мы полагаемъ, однако, что самое допущеніе священнослужителей къ участію въ думѣ является лучшимъ доказательствомъ неправильности этого аргумента Если бы обязанности церковнослужителя были въ извѣстныхъ случаяхъ несовмѣстимы съ обязанностями депутата, то, очевидно, ихъ не слѣдовало бы и допускать къ участію въ работахъ думы, какъ не допускаются воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной службѣ. Населеніе, избирающее, согласно закону священника членомъ думы, должно быть твердо убѣждено въ томъ, что онъ будетъ имѣть возможность и право, совершенно такъ же какъ и каж-

дый другой депутатъ, добросовѣстно исполнять свои обязанности депутата, и, слѣдовательно, раньше всего посѣщать засѣданія думы, что онъ можетъ быть устраненъ только порядкомъ, въ законѣ указанномъ, и въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ. Этому убѣжденію населенія, на ясномъ пониманіи закона основанномъ, синодъ противопоставилъ свое sic volo, sic jubeo.

Такой же незаконномѣрностью отличалось и требованіе, предъявленное духовнымъ начальствомъ къ священникамъ, принадлежащимъ къ болѣе лѣвымъ партіямъ, выйти изъ партіи или сложить съ себя званіе священника, что опять таки связано съ потерей званія и депутата.

Въ печати мы по этому поводу читали разсужденія на тему о томъ, могутъ-ли или не могутъ священники принадлежать къ тѣмъ или другимъ крайнимъ партіямъ. Этому вопросу посвящены были интервью съ извѣстными нашими канонистами. Суть вопроса, однако, вовсе не въ этомъ. Суть въ томъ, что священникъ депутатъ не можетъ не обладать во всей полнотѣ тѣми правами, которыя принадлежатъ другимъ депутатамъ. Мы понимаемъ, что съ извѣстной точки зрѣнія можно возражать противъ самаго участія священниковъ въ политической жизни страны. Мы готовы, далѣе, признать, что духовный санъ можетъ быть несовмѣстимъ съ исповѣданіемъ нѣкоторыхъ политическихъ ученій,—что, далѣе, въ устахъ духовнаго лица призывъ къ насилію, оправданіе крови—звучитъ кощунствомъ. Монахъ Иліодоръ, рисующій картины кровавой расправы и упивающійся ими,—явленіе вдвойнѣ отвратительное. Но поскольку идетъ рѣчь о священникѣ-депутатѣ, мы должны прежде всего считаться съ

его правами, какъ депутата. Было бы странно и тягостно слышать, напримѣръ, изъ устъ священника отрицаніе таинства брака, проповѣдь свободной любви. Но было бы очевиднымъ беззаконіемъ, если бы такая проповѣдь, съ думской каѳедры произнесенная, вызвала репрессію со стороны духовнаго начальства. Говорятъ: никто не освободилъ священниковъ отъ исполненія обязанностей, принятыхъ ими на себя вмѣстѣ съ саномъ,—только потому, что они стали членами думы. Совершенно вѣрно. Но, ставъ членами думы, они пріобрѣли нѣкоторыя права, которыхъ они не имѣли, ни какъ священники, ни какъ простые обыватели. Они пріобрѣли „полную свободу сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію думы“. Никакая попытка привлечь ихъ къ отвѣту за эти мнѣнія и сужденія не можетъ быть оправдана ссылкой на то, что они „прежде всего—священники“. Въ думѣ они—„прежде всего—полноправные депутаты; ихъ свобода, будучи полной, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ.

Мы подчеркиваемъ эти слова въ виду возможнаго возраженія, что ст. 14 гарантируетъ свободу депутатовъ исключительно отъ воздѣйствія свѣтской власти, отъ примѣненія уголовныхъ репрессій. Такихъ различій законъ не дѣлаетъ. Онъ обращается ко всякой власти, имѣющей по общему закону право примѣнять репрессію за выраженныя сужденія. Въ данномъ случаѣ предъявлена угроза лишеніемъ сана: можетъ ли быть болѣе очевидное, болѣе несомнѣнное посягательство на свободу мнѣнія? Идя по этому пути, не дойдемъ ли мы до того, что за голосованіе въ ту или другую сторону будутъ угрожать снятіемъ сана? Что останется тогда отъ депутатской независимости?

Попытка синода воздѣйствовать на „убѣжденія“ священниковъ-депутатавъ явно беззаконна. II дума не могла не дать этой попыткѣ рѣшительный отпоръ. Другой вопросъ—насколько этотъ отпоръ можетъ имѣть практическое значеніе...

Но какъ ни важно съ принципіальной точки зрѣнія это отношеніе правительства къ священникамъ, практическое его значеніе все же ограничено. Въ думѣ только нѣсколько священниковъ, и даже удаленіе ихъ всѣхъ, повторяемъ недопустимое съ принципіальной точки зрѣнія, являющейся оскорбленіемъ для всего народнаго представительства, не можетъ имѣть особаго практическаго значенія въ виду незначительнаго ихъ количества. Совершенно иное дѣло—всѣ крайніе лѣвые депутаты. Удаленіе большей ихъ части значительно развязало бы руки правительству, а главное моральное значеніе такого удаленія было велико въ глазахъ правительства. Надо было развѣнчать тотъ ореолъ, который, какъ ни какъ, но и послѣ роспуска первой думы окружалъ въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія званіе депутата. И правительство широко воспользовалось своимъ правомъ требовать преданія суду депутатовъ.

Впервые такое требованіе было предъявлено по отношенію къ д. Кунстусу, Герусу и Кузьмину.

Докладчикомъ по вопросу выступилъ І. В. Гессенъ. Въ чрезвычайно обстоятельномъ докладѣ, отнюдь не затушевывая трудныхъ и спорныхъ сторонъ вопроса, депутатъ І. Гессенъ вполнѣ убѣдительно обосновалъ мнѣніе, что дума отнюдь не обязана пассивно, съ точностью автоматическаго аппарата, отмѣчать всѣ случаи

привлеченія депутатовъ къ отвѣтственности, лишая ихъ вслѣдствіе этого привлеченія права участія въ думскихъ засѣданіяхъ. Между статьями 20 и 21 съ перваго взгляда можетъ показаться, что существуетъ внутреннее противорѣчіе. Ст. 20 учрежденія гос. думы гласитъ, что, при наступленіи опредѣленныхъ обстоятельствъ, членъ думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ. Эта статья даетъ на первый взглядъ основаніе предположить, что самымъ фактомъ привлеченія къ слѣдствію членъ думы устраняется изъ ея состава. Но согласно статьи 21, оказывается, что членъ думы устраняется изъ участія въ ея собраніяхъ по постановленію думы. Совершенно правильно указалъ д. Гессенъ, сопоставляя эти статьи, что достаточно одного того обстоятельства, что законъ требуетъ еще постановленія думы, чтобы мы признали, что самымъ фактомъ сообщенія судебнаго слѣдователя о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія вопросъ еще не разрѣшается, и обращеніе судебнаго слѣдователя не вызываетъ собою необходимости устранить члена государственной думы изъ ея собранія.

Намъ кажется далѣе, что это противорѣчіе между ст. 20 и 21 является, въ концѣ концовъ, только видимымъ противорѣчіемъ, въ дѣйствительности исчезающимъ при болѣе внимательномъ изученіи даже одного текста обѣихъ статей. Ст. 21 проводитъ различіе, весьма точное, между выбытіемъ изъ состава думы, согласно ст. 18 и 19, и временнымъ устраненіемъ, согласно ст. 21. По поводу случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 18 и 19, законъ говоритъ, что лицо, относительно котораго наступилъ одинъ изъ предусмотрѣнныхъ этими статьями случай, „признается выбывшимъ“ изъ

состава думы. Наоборотъ, по отношенію къ депутатамъ, временное устраненіе которыхъ изъ состава думы происходятъ въ силу ст. 20, законъ говоритъ, что таковые депутаты „устраняются отъ участія въ собраніяхъ по постановленію думы“. Для каждаго, кто умѣетъ вчитываться въ смыслъ статьи, для каждаго, кто понимаетъ, что различія въ словахъ закона всегда связаны съ различіемъ въ его смыслѣ, хотя бы эти разныя слова выражали только разныя оттѣнки одной и той же мысли, совершенно ясно, что это употребленіе различныхъ выраженій по отношенію къ совершенно аналогичнымъ случаямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что законъ проводитъ извѣстное различіе между этими случаями. И такъ какъ въ однихъ случаяхъ законъ говоритъ о признаніи члена „временно выбывшимъ изъ состава думы“, а въ другихъ случаяхъ законъ говоритъ о томъ, что членъ думы „временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ“, то эти послѣднія слова можно понимать въ томъ только смыслѣ, что въ этомъ случаѣ происходитъ не простой процессъ регистраціи думой случаевъ временнаго выбытія изъ ея состава членовъ, по самостоятельный актъ со стороны думы, входящей въ разсмотрѣніе существа вопроса.

Но если даже и не придавать такого рѣшающаго значенія этому различію терминовъ закона по отношенію къ случаямъ, предусмотрѣннымъ ст. 18 и 19 съ одной стороны и 20 съ другой стороны, если даже и признать, что въ текстѣ ст. 20 и 21 имѣется непримиримое при буквальномъ ихъ толкованіи противорѣчіе, то вѣдь изъ этого противорѣчія долженъ быть найденъ разумный выходъ на основаніи тѣхъ правилъ толкованія закона, которыя даетъ намъ юриспруденція,

которыми пользуется практика во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не подгоняетъ аргументовъ подъ выводъ, заранѣе уже сдѣланный. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда буквальный текстъ закона не даетъ безспорнаго вывода, онъ долженъ быть полученъ на основаніи изученія существа того института, который подлежитъ нашему толкованію. Надо выяснить, какія задачи преслѣдовалъ въ данномъ вопросѣ законодатель въ случаяхъ, не оставляющихъ мѣста для какихъ либо сомнѣній даже и съ точки зрѣнія буквальнаго содержанія закона, для того, чтобы засимъ сдѣлать извѣстные выводы по отношенію къ тѣмъ случаямъ, гдѣ текстъ закона сомнителенъ. Основная мысль статей закона, трактующихъ объ устраненіи изъ состава думы ея членовъ, несомнѣнно заключается въ стремленіи къ огражденію личной неприкосновенности депутатовъ. Эта неприкосновенность поставлена подъ особую охрану самой думы. Поэтому только распоряженіемъ судебной власти членъ думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы, причемъ кромѣ того требуется для лишенія члена думы свободы во время ея сессіи „предварительное разрѣшеніе думы“. И если даже осужденный приговоромъ суда депутатъ не можетъ быть лишенъ свободы безъ разрѣшенія думы, то какъ же можно предполагать, что простого постановленія исправляющаго должность судебнаго слѣдователя о преданіи суду, совершенно достаточно для этой цѣли. Это было бы такимъ явнымъ и вопіющимъ противорѣчіемъ цѣлямъ огражденія личной неприкосновенности членовъ государственной думы, что одна неясность въ постановленіяхъ закона по этому вопросу не можетъ служить для насъ достаточнымъ основаніемъ

для того, чтобы принять такой выводъ. И если имѣются двѣ статьи, изъ коихъ одна ведетъ къ этому выводу, а другая ему противорѣчитъ, то изъ этого положенія можетъ быть одинъ только выводъ,—необходимо принять, какъ рѣшающее, постановленіе статьи, которая находится во внутренней гармоніи съ тѣми общими задачами, которыя законъ преслѣдовалъ въ этомъ вопросѣ.

Другой выводъ не только противорѣчилъ бы этимъ совершенно очевиднымъ цѣлямъ законодателя, онъ влекъ бы за собой при логическомъ проведеніи (а оно обязательно для юриста) къ совершенно безсмысленнымъ выводамъ. Какъ правильно указалъ д. Гессенъ, пойдя этимъ путемъ, мы должны признать, что въ такомъ случаѣ судебному слѣдователю принадлежитъ право роспуска гос думы, ибо стоитъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ опредѣленнаго числа членовъ гос. думы, какъ они будутъ подлежать выбытію изъ состава думы и quorum уничтожится, и дума прекратитъ свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока распустившему ее судебному слѣдователю не будетъ угодно вновь ее созвать. Это настолько противорѣчитъ самому понятію, самому существу народнаго представительства, настолько не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, что нѣтъ ни одной конституціи, будь она аристократическая или демократическая конституція, которая эти вопросы разрѣшала бы иначе и не передавала бы вопросъ всецѣло на разсмотрѣніе народнаго представительства.

Въ дополненіе къ этой аргументаціи, основанной на изученіи западно-европейскаго права, можно привести еще одинъ аргументъ, почерпнутый изъ изученія на-

шего отечественнаго. Именно, у насъ для преданія суду должностныхъ лицъ требуется разрѣшеніе начальства. Нашъ законъ не довѣряетъ этого акта судебной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о ея чиновникахъ, но требуетъ участія въ дѣлѣ начальства этого чиновника. Казалось бы, если такая гарантія нужна по мысли нашего законодателя для чиновника, предаваемаго суду, то, съ точки зрѣнія этого законодателя, совершенно логично не устранять изъ думы депутатовъ безъ согласія думы.

Отстаивая право думы входить въ разсмотрѣніе вопроса о временномъ устраненіи депутатовъ отъ участія въ собраніяхъ въ случаяхъ привлеченія ихъ къ суду, д. Гессенъ оставался въ предѣлахъ юридическаго анализа этого вопроса. Дѣло представляетъ огромное принципіальное значеніе, выходящее далеко за предѣлы даннаго момента. Поэтому совершенно безразлично, какъ въ настоящее время отправляется въ странѣ правосудіе Если оно поставлено даже и идеально, то и въ такомъ случаѣ устраненіе депутата изъ думы не должно происходить безъ согласія этой послѣдней. Только при этомъ условіи сохранится дѣйствительная самостоятельность судебной и законодательной власти безъ ущерба для достоинства которой либо изъ нихъ Д. Гессенъ не пожелалъ также воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы демонстрировать постановку правосудія у насъ въ настоящее время. Страна пережила уже то время, когда такія демонстраціи нашего правосудія могли имѣть какое-либо серьезное значеніе; она за послѣднее время получила такіе хорошіе предметные уроки, что дальнѣйшія объясненія стали уже излишними. Къ сожалѣ-

нію, министръ юстиціи не оцѣнилъ по достоинству этой сдержанности и позволилъ себѣ безъ всякой связи съ подлежавшимъ разсмотрѣнію думы вопросомъ произнести защитительную рѣчь въ доказательство того, что правосудіе отправляется у насъ именно такъ, какъ оно отправляться должно. По остроумному выраженію газеты „Рѣчь“, это былъ медвѣжій танецъ, исполненный на любимыхъ мозоляхъ. И если вслѣдъ за симъ министру юстиціи пришлось выслушать горячую и сильную отповѣдь со стороны д. Тесленко, то онъ можетъ себѣ сказать, подобно злополучному герою мольеровской комедіи: „Vous l'avez voulu, George Dandin“

Не будемъ останавливаться на другихъ случаяхъ требованій правительственной власти объ устраненіи депутатовъ, предаваемыхъ суду. Остановимся только на томъ требованіи, которое формально послужило основаніемъ для роспуска думы, именно на требованіи отъ думы согласія на арестъ 16 депутатовъ, принадлежащихъ къ фракціи соціалъ-демократовъ и временномъ устраненіи остальныхъ депутатовъ, принадлежащихъ къ той же фракціи.

Такимъ образомъ, по существу, требованіе это сводилось къ устраненію одной изъ парламентскихъ фракцій отъ дальнѣйшаго участія въ думской работѣ.

Мы еще вернемся къ вопросу, въ какой мѣрѣ эпизодъ этотъ могъ дѣйствительно быть причиной роспуска думы. Здѣсь, говоря только о преслѣдованіяхъ которое правительство возбуждало противъ членовъ второй думы, мы должны задаться лишь вопросомъ, могъ ли этотъ эпизодъ самъ по себѣ оказаться той послѣдней каплей, которая переполнила чашу правительственнаго терпѣнія. И мы полагаемъ, что на во-

просъ, такимъ образомъ поставленный, мы должны дать отрицательный отвѣтъ

Мы полагаемъ, что даже и самые послѣдовательные поклонники сильной правительственной власти не станутъ все же утверждать, что дума не имѣла права, вообще, „разсуждать“ по поводу требованія судебной власти устранить привлеченнаго къ обвиненію отъ участія въ ея собраніяхъ или разрѣшить лишить его свободы, а должна молча исполнять всѣ такого рода домогательства требованія властей. Рѣчь можетъ, слѣдовательно, идти только о предѣлахъ разсмотрѣнія вопроса.

Наша конституція, какъ и всякая конституція, стоитъ на точкѣ зрѣнія отдѣленія власти законодательной отъ судебной. Эта точка зрѣнія принципіально проводится и по отношенію къ депутатамъ. Они могутъ быть подвергаемы судебному преслѣдованію наравнѣ съ прочими гражданами. Но именно для того, чтобы избѣжать возможнаго конфликта судебной и законодательной власти, парламентамъ всюду дается возможность защиты своихъ членовъ противъ злоупотребленій со стороны судебныхъ властей. Когда привлеченіе къ судебной отвѣтственности не представляется актомъ серьезнымъ, когда судебный актъ лишь прикрываетъ собой политическое дѣйствіе, тогда парламентъ можетъ на этотъ нелойальный политическій актъ судебной власти лойально отвѣтить политическимъ актомъ отказа въ выдачѣ привлеченнаго къ отвѣтственности депутата. Эта теорія размежеванія судебной и законодательной власти въ вопросахъ преслѣдованія депутатовъ превосходно развита практикой французскаго парламента. Конституціонныя гарантіи депута-

товъ заключаются вовсе не въ правѣ палаты разсматривать вопросъ о томъ, въ достаточной ли мѣрѣ обоснованно обвиненіе, предъявленное противъ ея члена. Дѣло палаты,—говоритъ Пьеръ,—убѣдиться лишь въ томъ, что обвиненіе не является актомъ политической мести, результатомъ стремленія лишить политическаго противника депутатскихъ полномочій. Эта точка зрѣнія неоднократно проводилась въ палатѣ. Такъ, въ засѣданіи 10 іюня 1880 года одинъ изъ депутатовъ, развивая точку зрѣнія парламентской практики, указалъ, что надо отказать въ разрѣшеніи возбудить преслѣдованіе противъ депутата во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется убѣжденіе, что прокуроръ увлекся чувствомъ политической вражды. Наоборотъ, необходимо дать санкцію такому преслѣдованію тогда, когда получается убѣжденіе, что дѣйствія прокурора искренни и лойальны, не вдаваясь въ болѣе глубокое изученіе того, въ какой мѣрѣ улики представляются серьезными. Если конституція прикрываетъ депутата временной неприкосновенностью, то отнюдь не для того, чтобы поставить его внѣ дѣйствія общихъ законовъ, чтобы дать ему возможность дѣлать то, что не разрѣшено дѣлать остальнымъ гражданамъ, но только для того, чтобы гарантировать независимость государственнаго учрежденія, чтобы дать ему возможность остановить власть, увлекшуюся несчастной мыслью ослабить стѣсняющее ее парламентское большинство или меньшинство.

Становясь на эту, единственно возможную, точку зрѣнія, признавая цѣликомъ авторитетъ судебной власти, необходимо сказать, что дѣйствія думы по поводу требованія устраненія изъ засѣданій 55 депутатовъ представляются совершенно правильными, со-

вершенно лойальными. Серьезное отношеніе къ этому требованію вынуждало передать вопросъ на разсмотрѣніе спеціально для того избранной комиссіи. Только комиссіонный способъ разсмотрѣнія вопроса даетъ возможность внимательнаго и всесторонняго его изученія, только комиссіи могли передать власти всѣ тѣ документы, представить всѣ тѣ объясненія, которыя необходимы для того, чтобы ориентироваться въ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, передача требованія правительства въ особую комиссію сама по себѣ не могла возбуждать никакихъ сомнѣній. Вопросъ заключается лишь въ томъ, не затянула ли дума исполненія возложенной на нее работы, стремясь къ тому, чтобы тенденціозно затормозить все дѣло. Мы не будемъ ссылаться въ опроверженіе этого обвиненія на прецеденты, на то, какъ до сихъ поръ проходило въ думѣ обсужденіе вопросовъ о привлеченіи депутатовъ къ суду. Намъ могутъ возразить, что эта практика и сама по себѣ была неправильная, что она свидѣтельствовала о недовѣріи думы къ органамъ судебной власти, привлекавшимъ депутатовъ къ отвѣтственности. Но если мы ограничимся лишь разсмотрѣніемъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, то должны будемъ придти къ тому выводу, что комиссію, даже при самомъ придирчивомъ отношеніи, нельзя будетъ обвинить въ тенденціозномъ желаніи затянуть дѣло. Она получила порученіе разсмотрѣть вопросъ лишь въ пятницу вечеромъ, при чемъ ей было дано порученіе къ субботѣ представить докладъ. Такая срочность порученія свидѣтельствовала о томъ, что дума была готова пойти навстрѣчу требованіямъ правительственной власти въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ требованія эти представлялись законными и, во

всякомъ случаѣ, желала отнюдь не затормозить разсмотрѣніе вопроса. Но было ли порученіе это добросовѣстно исполнено? Мы думаемъ, что каждый безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ рѣшительно—да. Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ то обстоятельство, что члены комиссіи должны были обратиться къ разсмотрѣнію вопроса вечеромъ, послѣ тяжелаго дневного засѣданія, заставившаго ихъ пережить столь мучительные часы Будемъ исходить изъ того, что физическія и душевныя силы членовъ думы должны быть безграничны. Но вѣдь даже и при этомъ предположеніи все же комиссія должна была преодолѣвать огромныя трудности. Надо было вынести осужденіе не гуртомъ, но въ отдѣльности относительно каждаго изъ 55 привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ. Надо было убѣдиться въ томъ, что привлеченіе каждаго даннаго лица является правильнымъ. И если съ этимъ сопоставить, что комиссія состояла изъ 22 лицъ, различно настроенныхъ, съ различными представленіями по существу того вопроса, который подлежалъ обсужденію, причемъ каждый въ полной мѣрѣ чувствовалъ всю тяжесть отвѣтственности, падающей на него за то рѣшеніе, къ которому комиссія должна придти, то станетъ совершенно очевиднымъ, что комиссія при всемъ своемъ желаніи не могла въ 24 часа вынести опредѣленнаго рѣшенія, что, отсрочивъ на сутки свои занятія, комиссія поступила, дѣйствительно, подъ давленіемъ крайней необходимости.

Возражаютъ, что требованіе объ арестѣ было предъявлено всего относительно 16 лицъ, относительно остальныхъ требовалось лишь временное устраненіе изъ засѣданій. Но при этомъ упускается изъ виду, что рѣчь

шла объ устраненіи цѣлой парламентской фракціи. Огромное теченіе народной мысли, такимъ образомъ, устранялось отъ всякаго участія въ парламентской дѣятельности. А вѣдь это и есть именно то, о чемъ долженъ заботиться парламентъ, охраняя неприкосновенность своихъ депутатовъ. Дѣло вѣдь тутъ вовсе не въ личной ихъ безопасности, въ предоставленіи имъ привилегій, недоступныхъ остальнымъ гражданамъ. Кончаются парламентскія занятія, и депутатъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности наравнѣ съ каждымъ гражданиномъ. Но пока занятія длятся, къ этому депутату, къ его личной неприкосновенности надо относиться съ крайней осторожностью, такъ какъ, устраняя его отъ участія въ думскихъ занятіяхъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаемъ часть населенія представительства. А вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь шла о лишеніи представительства всей той части населенія, которая придерживалась извѣстнаго политическаго міросозерцанія. И именно всѣ тѣ политическія партіи, которыя этого міросозерцанія не раздѣляютъ, должны были съ особой осторожностью отнестись къ предъявленному обвиненію. Мы уже не говоримъ о томъ, что обвиненіе было предъявлено къ товарищамъ тѣхъ судей, которые должны были рѣшить участь обвиняемыхъ, этимъ судьямъ естественно было быть особенно осмотрительными.

Указываютъ еще на одно основаніе для особой торопливости въ данномъ случаѣ—именно, необходимость раскрыть серьезный государственный заговоръ, который могъ остаться необнаруженнымъ въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія: обвиняемые могли воспользоваться свободой для того, чтобы скрыться.

Но, предъявивъ съ тѣмъ же указаніемъ на спѣшность и требованіе о временномъ устраненіи всѣхъ соціалъ-демекратическихъ депутатовъ и объ арестѣ 16, министерство тѣмъ самимъ признало, что дѣло тутъ вовсе не въ опасности бѣгства заговорщиковъ, а именно, въ извѣстномъ политическомъ актѣ правительства, которому дума, для спасенія своего существованія, должна подчиниться, что рѣчь идетъ, именно, о подчиненіи думы волѣ министерства.

Но, и помимо этого соображенія, совершенно очевидно, что министерство располагаетъ достаточными средствами для того, чтобы держать подъ своимъ надзоромъ 16 человѣкъ, которые живутъ совершенно открыто и полиціи хорошо извѣстны, даже и соблюдая всѣ конституціонныя гарантіи депутатской неприкосновенности.

IV.

Правые и лѣвые въ думѣ.

Ихъ характеристика. Вопросъ объ осужденіи террора. Примѣненіе дисциплинарныхъ мѣръ.

Передъ самымъ открытіемъ думы—иные со злорадствомъ, другіе съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ—дѣлали самыя пессимистическія предсказанія насчетъ будущей роли партіи народной свободы во второй думѣ. Эта роль сопоставлялась съ прошлой, въ первой думѣ, учитывались потери, качественныя и количественныя, и дѣлался выводъ, что кадетамъ придется удовольствоваться весьма скромнымъ и незамѣтнымъ положеніемъ въ ряду другихъ партій. Опредѣленности и увѣренности этого вывода отнюдь не соотвѣтствовали предсказанія насчетъ того, кто же именно, какая партія или группа окажется руководительницей второй думы. Въ этой области предлагались печатью самыя фантастическія комбинаціи, имѣвшія лишь одну общую черту: всѣ онѣ (въ томъ числѣ, напр., комбинація „Новаго Времени“) сводили партію народной свободы на нѣтъ. третируя ее какъ quantité negligeable. Можно было думать, что и министерству эти перспективы казались наиболѣе вѣроятными. Передавались версіи о надеждахъ на то, что одна половина думы перегрызется съ другой, къ удовольствію tertii gaudentis. При этомъ взаим-

номъ самоуничтоженіи партія народной свободы должна была только испытать похмѣлье на чужомъ пиру и быть раздавленной напоромъ справа и слѣва.

Мы этого пессимизма никогда не раздѣляли. Еще 22 февраля, въ третій день существованія думы, П. Н. Милюковъ писалъ въ № 8 „Вѣстника Нар. Своб.“, что „распредѣленіе партій, а также повелительная необходимость, создаваемая общимъ политическимъ положеніемъ, даетъ нѣкоторую надежду на созданіе въ думѣ парламентскаго большинства“,—причемъ большинство это, группируясь вокругъ партіи народной свободы, присоединяло бы къ ней, съ одной стороны, разные неопредѣленные элементы, объединяемые названіемъ безпартійныхъ, прогрессистовъ, умѣренныхъ; съ другой,—вполнѣ организованныя группы: крестьянскую и польское коло. О крайнихъ правыхъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, говорить нечего, они не должны были идти въ счетъ. Но авторъ вовсе не упоминалъ ни о другихъ національныхъ группахъ (мусульмане), ни объ элементахъ, стоящихъ правѣе кадетовъ, но не крайне правыхъ (октябристы, дѣйствительные и раскаявшіеся). Учесть ихъ силы, а, слѣдовательно, и ихъ роль, въ то время представлялось невозможнымъ.

Первые два мѣсяца существованія думы приблизили ее вплотную къ прочному осуществленію такого большинства.

Эти два мѣсяца обнаружили прежде всего все подавляющее ничтожество крайней правой группы. Она была ничтожна численно. Въ ея составѣ были такіе парламентаріи, которые неизбѣжно должны дискредитировать и обезславить ту партію, къ которой они принадлежатъ,—какіе то ископаемые люди, откровенно и

грубо обнажающіе тѣ классовые и сословные инстинкты и вожделѣнія, которые прикрываются пышной ризой поддѣльнаго патріотизма и иныхъ „истинно-русскихъ“ чувствъ. Въ ней имѣлись, несомнѣнно, повредившіеся люди, неврастеники, больные навязчивой идеей и равнодушные ко всему, что лежитъ внѣ области этой идеи. Въ ней встрѣчались, наконецъ, хитрые и ловкіе политическіе аферисты, осторожные и всегда готовые на компромиссъ, неспособные объединять людей во кругъ яркаго политическаго credo. Остальное было безформенной кучкой, совмѣщающей внѣшнюю декоративность наиправѣйшихъ политическихъ формулъ съ опредѣленно-революціонными лозунгами въ аграрномъ вопросѣ. Ясно, что, какъ таковые, крайніе правые могли вносить разнообразіе и оживленіе въ думскія засѣданія, могли устраивать инциденты, могли ставить ловушки и пытаться рыть волчьи ямы, но этимъ ихъ значеніе исчерпывалось. Организующаго, сплачивающаго элемента въ ихъ дѣятельности не было и быть не могло. Группа эта за два мѣсяца не только не выросла, но обнаружила явную тенденцію къ распаду.

Главнымъ козыремъ въ рукахъ правыхъ съ начала и до конца оставался вопросъ объ осужденіи думою политическихъ убійствъ.

Впервые вопросъ этотъ возникъ въ девятомъ засѣданіи думы, 13 марта. Послѣ того, какъ законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ былъ переданъ въ комиссію, правые внесли предложеніе, формулированное слѣдующимъ образомъ:

„Стремящіеся отмѣнить военно-полевые суды могутъ добиваться этого изъ двухъ соображеній: или изъ высоко гуманныхъ теоретическихъ побужденій, или изъ

простого желанія отдалить, или уменьшить наказаніе революціонерамъ. Для того, чтобы снять обвиненіе съ государственной думы въ томъ, что она покровительствуетъ революціонному террору, поощряя бомбометателей, и старается имъ предоставить возможно большую безнаказанность... государственная дума обязана, говоря объ отмѣнѣ военно полевыхъ судовъ, одновременно высказать ясно, откровенно и категорично, какъ она смотритъ на непрекращающіяся убійства слѣва? А потому мы предлагаемъ принять нижеслѣдующее постановленіе:

„Въ виду того, что количество политическихъ убійствъ увеличивается: убиваютъ членовъ правительства, общественныхъ дѣятелей, мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; въ виду того, что подъ видомъ политическихъ экспропріацій происходитъ открытый грабежъ, причемъ грабятъ казначейства, почту, общественныя кассы, частныхъ лицъ всѣхъ сословій и состояній, причемъ падаютъ безвинно множество жертвъ: въ виду того, что убійцами становятся даже дѣти и вся жизнь страны парализована революціоннымъ терроромъ, государственная дума считаетъ необходимымъ выразить свое глубокое порицаніе и негодованіе всѣмъ революціоннымъ убійствамъ и насиліямъ, находя, что никакая работа правительства и государственной думы не можетъ быть плодотворною, пока въ странѣ нѣтъ безопасности, царствуетъ безпросвѣтный терроръ и невинная кровь льется рѣкой“.

Заявляемъ срочность и неотложность обсужденія и принятія этого предложенія.

Двѣ недѣли спустя, 26 марта, предложеніе было его авторами снято, 2 апрѣля вновь внесено. 9 апрѣля

было подано по этому же поводу заявленіе, просившее назначить къ обсужденію вопросъ о порицаніи политическихъ убійствъ на 10 апрѣля, поставивъ его въ повѣстку подъ номеромъ первымъ. Это предложеніе не было принято. Спустя недѣлю вновь возникъ вопросъ о порядкѣ назначенія дѣла къ слушанію. Депутаты, выдвинувшіе этотъ вопросъ, пожелали обезпечить себѣ день его обсужденія. Однако, этому желанію данъ былъ со стороны центра отпоръ.

Правые усматривали въ нежеланіи назначить для того опредѣленный день желаніе уклониться отъ преній по этому вопросу. Мы пока оставляемъ въ сторонѣ, въ какой мѣрѣ вопросъ этотъ и, вообще, подлежалъ обсужденію думы. Но, оставаясь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ поставленъ въ засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо признать, что требованіе это противорѣчило принципамъ правильной постановки думскихъ засѣданій. Деп. Кизеветтеръ правильно указалъ, что возражавшіе не поднимали вопроса о совершенномъ снятіи заявленія съ очереди, о томъ, чтобы онъ ни въ коемъ случаѣ не разсматривался на Ѳоминой недѣлѣ (предполагался, именно, этотъ срокъ); это совершенно не вытекало изъ существа постановки вопроса. Правыми была предложена форма совершенно конкретная: предлагалось государственной думѣ назначить опредѣленный день на Ѳоминой недѣлѣ для разсмотрѣнія этого вопроса—и притомъ только для одного этого вопроса. Мы полагаемъ, что для государственной думы было нецѣлесообразно связывать себя въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи обсужденія того или иного вопроса на Ѳоминой недѣлѣ. Въ теченіе пасхальныхъ каникулъ должны были продолжаться рабо-

ты думскихъ комиссій. По имѣвшимся свѣдѣніямъ о работахъ этихъ комиссій было основаніе ожидать, что нѣкоторые изъ нихъ въ началѣ Ѳоминой недѣли будутъ имѣть возможность представить на разсмотрѣніе думы практическіе результаты своихъ работъ. Гораздо цѣлесообразнѣе казалось обсудить порядокъ занятій государственной думы на время послѣ пасхальныхъ каникулъ въ началѣ Ѳоминой недѣли, когда будетъ весь матеріалъ, которымъ государственная дума будетъ въ состояніи заниматься послѣ этихъ каникулъ.

Дума согласилась съ этими доводами и отклонила предложеніе назначить опредѣленный день для обсужденія запроса объ обсужденіи политическихъ убійствъ.

Во время преній успѣло выясниться, что правые, внесшіе заявленіе, преслѣдовали одну только задачу: бросить вызовъ враждебнымъ имъ партіямъ. Этотъ вызовъ былъ принятъ, и въ апрѣлѣ были оглашены тѣ резолюціи, которыя по данному вопросу приняты въ различныхъ думскихъ фракціяхъ [1]). Оглашеніе это свидѣтельствуетъ, что большинство думы, относясь безусловно отрицательно къ террору, хорошо сознавало, насколько безсильно „осужденіе террора“, когда всѣ реальныя условія жизни, насъ окружающей, съ ея безправіемъ, чудовищными репрессіями и попираніемъ закона, поддерживаютъ и питаютъ это зло. Иного отвѣта на провокаціонный вопросъ быть не могло, этотъ же отвѣтъ уже данъ implicite. Было бы поэтому правильнѣе всего отвергнуть формулу правыхъ безъ длинныхъ преній, и

[1]) См. формулу партіи народной свободы въ отчетѣ фракціи, приложеніе.

въ засѣданіи 15 мая дума такъ и поступила. Какъ можно было ожидать, такой способъ дѣйствія вызвалъ со стороны правыхъ скамей и ихъ защитниковъ въ печати самые предательскіе комментаріи, и дѣло политическаго сыска было доведено до конца.

Къ сожалѣнію, нужно признать, что въ засѣданіи 15 мая вопросъ возникъ неожиданно. Повѣстка была очень длинная, вопросъ стоялъ въ концѣ ея и по чисто случайному обстоятельству дума дошла до него. Мы не хотимъ разбирать вопросы о томъ, вполнѣ ли ясны и убѣдительны мотивы уклоненія думы. Достаточно указать, что для поясненія его пришлось—внѣ всякихъ правилъ—дать слово представителямъ фракцій, мотивировавшимъ фракціонныя рѣшенія. Мотивировка эта при такихъ условіяхъ не могла не быть очень краткой и лишенной должной опредѣленности. Но какъ бы то ни было, убѣжденіе въ томъ, что вопросъ удалось „снять“, черезъ день должно было разсѣяться: въ засѣданіи 17 мая, цѣликомъ посвященномъ обсужденію отвѣта министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ на запросъ о пыткахъ и истязаніяхъ въ рижскихъ, тюрьмахъ, вопросъ объ отношеніи къ террору вновь всплылъ, и притомъ въ условіяхъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе, а, быть можетъ,—и менѣе благопріятныхъ для его разсмотрѣнія.

Это засѣданіе оставитъ о себѣ печальное воспоминаніе. Послѣ продолжительныхъ преній, крайне безпорядочныхъ, безсвязныхъ, сразу вышедшихъ изъ рамокъ запроса, дума не могла остановиться ни на одномъ рѣшеніи и къ концу засѣданія пришла въ состояніе полной дезорганизаціи. Постановка, данная правительственнымъ отвѣтомъ, была такова: случаи незаконныхъ

дѣйствій, насилій и злоупотребленій полицейской власти—не отрицались, но они нашли себѣ въ устахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ объясненіе и оправданіе. Подробно излагая картину ужасовъ террора, охватившаго край, товарищъ министра доказывалъ, что при такихъ условіяхъ естественно было развиться у полиціи чувству страстнаго озлобленія противъ террористовъ, озлобленія, принявшаго уродливую и беззаконную форму. Эта мысль, въ смягченной формѣ, г. Макаровъ выразилъ такъ.

„Отводя каждому общественному явленію подобающее ему мѣсто, мы должны признать, что незакономѣрныя дѣйствія полиціи въ прибалтійскомъ краѣ не вызывались лишь отсутствіемъ у этихъ чиновъ понятія закономѣрности, но что главнымъ условіемъ ихъ неправильныхъ дѣйствій является совокупность тѣхъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, которыя въ общей ихъ сложности представляются опять все тѣмъ же раздирающимъ нашу родину возмутительнымъ кровавымъ бредомъ, громко называющимъ себя „революціей“.

Достаточно было этихъ словъ для того, чтобы правые и лѣвые ухватились за вопросъ о терроръ во всемъ его объемѣ. Тщетно представители партіи народной свободы пытались вдвинуть обсужденіе запроса въ его естественные предѣлы Усилія ихъ были напрасны. Къ концу засѣданія оказался десятокъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Всѣ онѣ, въ томъ числѣ и формула партіи народной свободы, были отвергнуты.

Наша формула упомянула о террористическихъ актахъ, обагрившихъ прибалтійскій край. Это упомина-

ніе было, конечно, необходимо, разъ ссылка на терроръ въ устахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ имѣла значеніе оправданія полицейскихъ насилій. Формула въ краткихъ и сдержанныхъ выраженіяхъ выразила ту мысль, что какъ ни прискорбны и ни ужасны явленія террора, они не могутъ служить оправданіемъ беззаконія, констатированаго министерствомъ. То обстоятельство, что такое безспорное положеніе не объединило большинства, слѣдуетъ признать печальнымъ и случайнымъ недоразумѣніемъ

Конецъ засѣданія имѣлъ хаотическій характеръ. Послѣ того, какъ всѣ предложенныя формулы были отвергнуты, оставалось только констатировать происшедшее разногласіе. Вмѣсто того, предсѣдательствовавшій проголосовалъ сдѣланное деп. Березинымъ предложеніе о перерывѣ, и послѣ принятія его, по возобновленіи засѣданія, поставилъ снова слегка видоизмѣненную формулу трудовой группы, съ поправкой соціалъ-демократовъ. Правые, безпартійные и партія народной свободы воздержались отъ участія въ голосованіи, и формула съ поправкой оказалась принятой всѣми голосами лѣвыхъ. Неправильность всей этой процедуры совершенно очевидна, и останавливаться на ней нечего.

Вопросъ о порицаніи террора на этомъ закончился, давъ весьма обильную пищу для провокаціонныхъ выходокъ. Но и помимо этого вопроса, правые не упускали рѣшительно ни одного случая для того, чтобы попытаться заставить думу соскочить съ рельсъ.

Естественно, что въ виду личныхъ свойствъ, характеризующихъ ихъ лидеровъ, они всего чаще приходили въ столкновеніе съ парламентскими нормами и

вызывали къ себѣ примѣненіе дисциплинарныхъ мѣръ. По этому поводу нельзя здѣсь не коснуться ставшей знаменитой ст. 38 и порядка ея примѣненія думою.

Первый случай „эксфенестраціи“ имѣлъ мѣсто по отношенію къ г. Пуришкевичу въ засѣданіи 29 марта, а черезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи 3 апрѣля, та же мѣра была принята относительно деп. Шулыпина. Въ первомъ случаѣ инціатива примѣненія ст. 38 положенія о думѣ исходила отъ предсѣдателя, во второмъ— отъ группы членовъ думы. Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе было принято очень значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ послѣднемъ, однако, не мало видныхъ депутатовъ партіи народной свободы голосовало противъ примѣненія ст. 38. Мы думаемъ, что они были совершенно правы.

Инцидентъ съ Пуришкевичемъ заключался въ томъ, что этотъ депутатъ, попросивъ слова къ порядку дня, внезапно внесъ предложеніе о почтеніи вставаніемъ памяти убитыхъ городовыхъ. Затѣмъ, послѣ репримапда предсѣдателя, относившагося исключительно къ формѣ предложенія, г. Пуришкевичъ сталъ шумѣть и скандалить, послѣ чего предсѣдатель предложилъ на воззрѣніе собранія о лишеніи его слова и удаленіи его изъ засѣданія, что и было принято. По всему ходу дѣла, для каждаго совершенно ясно, что удаленіе г. Пуришкевича было вызвано отнюдь не первоначальнымъ его предложеніемъ, а тѣмъ дерзкимъ и вызывающимъ поведеніемъ, которымъ онъ отвѣтилъ на замѣчанія предсѣдателя. Это призналъ, между прочимъ, и хроникеръ „Новаго Времени“, упрекнувшій Ѳ. А. Головина лишь въ томъ, что онъ сразу предложилъ примѣнить столь крутую мѣру, какъ удаленіе депутата, тогда какъ была

возможность начать, въ порядкѣ постепенности, съ другой мѣры,—а именно временно прервать засѣданіе.

Съ этимъ замѣчаніемъ врядъ ли можно согласиться. Перерывъ засѣданія никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться, какъ дисциплинарная мѣра противъ того или другого отдѣльнаго депутата: это значило бы сваливать съ больной головы на здоровую, дѣлать все собраніе отвѣтственнымъ за безчинство отдѣльнаго члена. Оно и по существу было бы совершенно нелѣпо: депутатъ выругалъ, положимъ, предсѣдателя; послѣдній прерываетъ засѣданіе,—на какомъ основаніи? Вѣдь по возобновленіи засѣданія виновный, сдѣлавъ свое дѣло, преспокойно вернется на свое мѣсто, выпивъ стаканъ чаю въ буфетѣ. Совершенно очевидно, что перерывъ засѣданія можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда общій безпорядокъ не поддается мѣрамъ увѣщанія со стороны предсѣдателя. Типичнымъ примѣромъ является перерывъ засѣданія въ первой думѣ, послѣ появленія на трибунѣ ген. Павлова, вызвавшаго непрекращающійся шумъ и крики. Ничего подобнаго въ инцидентѣ съ Пуришкевичемъ не было. Стало быть, весь вопросъ могъ заключаться только въ томъ, не слѣдовало ли совершенно пренебречь его дерзкой выходкой, не поступилъ ли предсѣдатель несправедливо, предложивъ принять дисциплинарную мѣру. Но оцѣнка предсѣдателемъ поведенія депутата дѣло субъективное, и дума, въ подавляющемъ большинствѣ высказавшись за удаленіе Пуришкевича, безспорно санкціонировала мнѣніе предсѣдателя.

Совершенно иное слѣдуетъ сказать о второмъ случаѣ. Послѣ того, какъ депутатъ Шульгинъ, обращаясь къ лѣвымъ депутатамъ, заявилъ, что у каждаго изъ

нихъ, быть можетъ, въ карманѣ бомба, и съ этими словами покинулъ каѳедру, поднялся неистовый шумъ, послышались крики „вонъ“. Шумъ продолжался съ минуту, звонокъ предсѣдательствующаго водворилъ спокойствіе, и предсѣдательствовавшій деп. Познанскій сказалъ, что онъ признаетъ заявленіе деп. Шульгина совершенно неумѣстнымъ, но что для удаленія его изъ собранія члены думы могутъ воспользоваться ст. 38, а не кричать „вонъ“. Немедленно было собрано подъ соотвѣтствующимъ заявленіемъ болѣе тридцати подписей и оно, какъ выше сказано, было принято большинствомъ, послѣ весьма неудачныхъ „объясненій“ г. Шульгина. Правые, вслѣдъ затѣмъ, демонстративно покинули засѣданіе.

Неправильность всего этого образа дѣйствія, къ сожалѣнію, подсказаннаго предсѣдательствующимъ, бросается въ глаза. Дисциплинарная власть въ собраніи принадлежитъ предсѣдателю—и только ему. Отъ него, стало быть, зависитъ принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ для поддержанія порядка и достоинства думы. Устраненіе изъ засѣданія является одной изъ такихъ мѣръ, и если законъ ее обусловливаетъ постановленіемъ думы, то только потому, что самая серьезность этой мѣры не позволяетъ отдать ее въ единоличное распоряженіе предсѣдателя. Но очевидно, что если предсѣдатель не находитъ нужнымъ воспользоваться своимъ правомъ и не предлагаетъ собранію принять дисциплинарную мѣру, то совершенно недопустимо, чтобы собраніе присвоило себѣ дисциплинарную власть, помимо предсѣдателя. Въ особенности недопустимо, чтобы изъ среды однихъ членовъ думы исходило предложеніе объ удаленіи другихъ. Этимъ создается опаснѣйшій и крайне

нежелательный прецедентъ, противъ котораго нельзя достаточно протестовать, совершенно независимо отъ того, по какому поводу возникъ инцидентъ. Разъ предсѣдатель счелъ возможнымъ ограничиться заявленіемъ, что употребленныя Шульгинымъ выраженія „неумѣстны“, дума и по существу не должна была идти дальше.

Достоинство думы отъ подобныхъ выходокъ, преслѣдующихъ явно провокаціонныя цѣли, пострадать не могло: страдала только репутація лицъ, позволившихъ себѣ на думской трибунѣ играть недостойную роль.

Въ каждой палатѣ заводятся свои шуты. Во французской палатѣ Бодри-д'Ассанъ доходилъ до того, что приносилъ въ палату кастрюлю и пытался надѣть ее на голову Комба. Несомнѣнно, въ средѣ нашей правой элементъ шутовства сидѣлъ крѣпко. Придавать серьезное значеніе этому шутовству—ни съ какой точки зрѣнія не было цѣлесообразно.

Другой, весьма характерный, случай примѣненія ст. 38 имѣлъ мѣсто въ засѣданіи 4-го мая. Мы говоримъ объ устраненіи трехъ представителей крайней правой на пятнадцать засѣданій. Эта суровая мѣра была вызвана тѣмъ, что указанные три депутата отказались подчиниться постановленію думы, удалившему ихъ изъ засѣданія 4-го мая. Поведеніе гг Пуришкевича, Сазоновича и Келеповскаго по достоинству было оцѣнено всею печатью, за исключеніемъ „Новаго Времени“ и родственныхъ ему органовъ, усмотрѣвшихъ „взрывъ патріотическаго чувства“ тамъ, гдѣ было лишь явное намѣреніе устроить скандалъ. Всякій безпристрастный свидѣтель долженъ былъ подтвердить, что гг. правые именно скандалили и безусловно заслужили ту дисциплинарную кару, которая на нихъ обрушилась.

Но бывали случаи, когда образъ дѣйствій правыхъ, оставаясь въ рамкахъ шутовства, не переходилъ въ скандалъ по формѣ, а носилъ характеръ думскаго „саботажа“.

Въ этомъ отношеніи нельзя не напомнить о томъ, какъ второй день аграрныхъ преній ознаменовался выходкой со стороны депутата съ правой стороны Шульгина, внесшаго шутовское предложеніе съ цѣлью осмѣять аграрные проекты соціалистовъ. Мы помнимъ, какой взрывъ негодованія вызвало въ первой думѣ при обсужденіи отвѣтнаго адреса предложеніе депутата Концевича, направленное къ той же цѣли—глумленію надъ государственной думой. Съ такимъ же чувствомъ отнеслась къ депутату Шульгину и вторая дума. Дѣйствительно, недопустимо внесеніе шутовскихъ предложеній, которыхъ и не думаютъ на самомъ дѣлѣ поддерживать ихъ авторы,—предложеній, весь смыслъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы окаррикатурить точки зрѣнія противниковъ. Прибѣгая къ такимъ пріемамъ, правые только обнаруживали свое безсиліе и безполезность своей роли въ думѣ.

Но авторитетъ и значеніе думы въ неменьшей степени подрываются тѣми неистовыми выступленіями слѣва, примѣромъ которыхъ является рѣчь деп. Кирносова. „Мы пришли сюда не искать земли, а взять ее“... „разъ того желаетъ народъ, то ничто не можетъ быть неприкосновеннымъ“,.. „всякій человѣкъ, родившійся на свѣтѣ, долженъ быть съ землею“.. „Землю у насъ украли“...

Рѣчь, уснащенная такими выраженіями, совершенно не скрывавшими убожества мысли и анархической примитивности міросозерцанія, въ парламентскомъ отно-

шеніи хуже, чѣмъ нуль, она—отрицательная величина во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, подобные эксцессы мысли и слова были нерѣдки.

Что касается „крайней лѣвой“, то, прежде всего, приходится отвѣтить на вопросъ: „кто входитъ въ эту группу“? Относить ли къ ней однихъ только соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ, или же къ этимъ двумъ группамъ прибавить и народныхъ соціалистовъ, и трудниковъ? Самая возможность постановки этого вопроса свидѣтельствуетъ о томъ, что мы здѣсь не имѣли дѣла съ объединенной, прочно сложившейся группой Но суть дѣла не въ этомъ.

Опытъ второй думы безспорно доказалъ, что во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ та или другая изъ перечисленныхъ группъ отмежевывалась отъ партіи народной свободы, имъ не удавалось спѣться между собою. Напомнимъ хотя бы случай съ отвѣтомъ на министерскую декларацію или вопросъ о передачѣ бюджета въ комиссію. Единственнымъ исключеніемъ приходится признать голосованіе по вопросу о контингентѣ новобранцевъ,—и что же? Оказалось, что и здѣсь соединившіеся голоса крайнихъ лѣвыхъ не обезпечили имъ перевѣса.

Если бы, однако, дѣло шло только о численности голосовъ, можно бы было спорить о роли крайней лѣвой въ думѣ. Фактически трудность ихъ положенія заключалась вовсе не въ томъ. Она была органическая. Самое пребываніе крайнихъ лѣвыхъ въ думѣ заключало въ себѣ глубокое внутреннее противорѣчіе. Совершенно очевидно, что условія дѣятельности въ думѣ просто парализовали тактическіе пріемы, свойственные крайнимъ лѣвымъ; что, далѣе, общія условія, въ

которыхъ находилась страна, дѣлали явно призрачными и утопичными наиболѣе элементарныя, ближайшія ихъ программныя требованія,— самыя же условія не могли быть измѣнены однимъ взмахомъ, ибо этого взмаха не было. Что же имъ оставалось? Произносить по каждому удобному и неудобному случаю митинговыя рѣчи, болѣе или менѣе (и чаще менѣе, чѣмъ болѣе) талантливыя,—поносить „буржуазную“ партію, вносить предложенія, явно обреченныя на провалъ, а въ случаѣ принятія неосуществимыя. Такая роль, однако, не могла быть ни долговѣчной, ни благодарной. Краснорѣчіе пріѣдалось и переставало дѣйствовать, такъ какъ оно было однообразно и текло по трафарету. Во всякомъ случаѣ, самая крайняя лѣвая сознавала, что руководящая роль въ думѣ не можетъ очутиться въ ея рукахъ. Она была крайне затруднена, если бы по какому либо стеченію обстоятельствъ она бы оказалась въ положеніи столь ей несвойственномъ.

Но если лѣвые не были въ состояніи вести думу; если до самаго конца имъ не удалось выработать опредѣленную тактику; если и съ внѣшней стороны, въ особенности послѣ отъѣзда на лондонскій конгрессъ гг. Алексинскаго и Церетели они оскудѣли даже внѣшними силами,—то, тѣмъ не менѣе, ихъ значеніе въ думѣ—несомнѣнный фактъ, но, къ сожалѣнію, значеніе это было почти всегда чисто отрицательнымъ. Внутреннее сродство точекъ зрѣнія на думу, сближавшее крайнихъ лѣвыхъ съ крайними правыми, сказывалось въ неоднократныхъ случаяхъ совмѣстнаго голосованія обѣихъ группъ. Еще въ самомъ началѣ существованія второй думы —если не ошибаемся—г. Крушеванъ предсказывалъ, что центръ будетъ сокрушенъ союзомъ двухъ

крыльевъ. И дѣйствительно: если до самаго конца не удалось образовать того компактнаго постояннаго большинства, существованіе котораго было бы столь крупнымъ факторомъ въ жизни думы, то отвѣтственность за эту неудачу ложится въ значительной степени на руководителей лѣвыхъ.

Къ числу наиболѣе отрицательныхъ пріемовъ слѣва слѣдуетъ отнести многократные случаи воздержанія отъ голосованія. Они имѣли мѣсто тогда, когда лѣвые не хотѣли раздѣлять отвѣтственности за разрѣшеніе того или другого вопроса въ одномъ смыслѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рѣшались голосовать въ противоположномъ смыслѣ, боясь результатовъ такого голосованія. Конечно, съ парламентской точки зрѣнія такой пріемъ не имѣетъ себѣ оправданія. Онъ свидѣтельствуетъ либо о политической незрѣлости, либо о полномъ отсутствіи политической этики. А помимо того, онъ сводитъ на нѣтъ значеніе той партіи, которая его примѣняетъ. Ибо всякая парламентская партія должна умѣть принимать рѣшеніе и нести за него отвѣтственность. Воздержаніе отъ голосованія есть въ огромномъ большинствѣ случаевъ уклоненіе отъ рѣшенія, самое яркое testimonium paupertatis, какое можетъ партія себѣ выдать.

Въ учетѣ элементовъ, могущихъ образовать центръ и создать думское большинство, П. Н. Милюковъ не касался, какъ выше указано, ни національныхъ группъ (кромѣ поляковъ), ни умѣренныхъ правыхъ. Оказалось, что эти элементы, не играя самостоятельной роли, тяготѣли именно къ центру и, вмѣстѣ съ польскимъ коломъ и безпартійными, по цѣлому ряду крупныхъ вопросовъ голосовали съ партіей народной свободы,

ни разу не голосовавъ съ другими противъ кадетовъ, Но еще болѣе важнымъ фактомъ являлось несомнѣнное тяготѣніе къ партіи народной свободы крестьянъ, сидящихъ лѣвѣе ея. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ будетъ спадать предубѣжденіе къ „господской“ партіи и будутъ рушиться аграрныя иллюзіи, которыми на девять десятыхъ исчерпывается революціонность крестьянъ эсъ-эровъ, это теченіе, несомнѣнно, усилится. Конечно, много здѣсь зависитъ отъ самой партіи, отъ способности ея расти вширь и вглубь. Серьезныхъ препятствій для такого роста въ самой думѣ, конечно. не было.

Все сказанное позволяетъ намъ, кажется, придти къ выводу, что пессимистическія догадки относительно роли кадетовъ во второй думѣ были опровергнуты жизнью. Какъ и въ первой думѣ, намъ приходилось занимать если не господствующую, то руководящую и организующую позицію, приходилось направлять и вести думу. Какъ и въ первой думѣ—и больше, конечно, чѣмъ тогда,—приходилось считаться съ лѣвыми, искать въ наиболѣе рѣзкихъ конфликтахъ примирительныхъ путей. И какъ въ первой думѣ, партія народной свободы оказалась единственной, которой по существу можетъ принадлежать роль думскаго большинства.

VI.

Дѣятельность думы.

1. Общая характеристика.

Мы выше указали тѣ условія, среди которыхъ думѣ приходилось работать. Враждебное отношеніе правительства, постоянно угрожавшаго роспускомъ думы, взглядъ на думу и справа и слѣва лишь какъ на агитаціонное средство. Въ этомъ тяжеломъ положеніи одна партія народной свободы совершенно ясно и твердо поставила своей задачей вести думу по пути законодательной, планомѣрной работы. Въ своихъ стремленіяхъ она не была одинока, она находила въ разные моменты поддержку въ разныхъ элементахъ думы, особенно въ національныхъ группахъ, но это была именно поддержка не всегда притомъ достаточно надежная, а вся тяжесть этой тактики падала цѣликомъ на партію народной свободы.

Лозунгъ, съ которымъ шла въ думу партія народной свободы, былъ упорная осада, законодательная работа, использованіе всѣхъ правъ государственной думы и, въ интересахъ такого использованія, дѣятельность въ предѣлахъ предоставленныхъ думѣ правъ. Эта программа дѣятельности, эти тактическіе лозунги партіи народной

свободы встрѣтили, въ періодъ выборной кампаніи, рѣшительный отпоръ со стороны крайнихъ лѣвыхъ партій. И мы полагаемъ, что успѣхи, достигнутые ими на выборахъ, въ значительной мѣрѣ обусловливались этой болѣе рѣшительной и смѣлой ихъ тактикой.

Такое различіе во взглядахъ на задачи государственной думы должно было неизбѣжно тяжело отразиться на ея дѣятельности. И такъ какъ въ думѣ не было ни одной партіи, которая по количественному составу могла бы имѣть рѣшающее значеніе, то понятно, какая либо опредѣленная практика не могла легко выработаться. Положеніе особенно должно было осложниться благодаря значительному количеству крестьянскихъ депутатовъ, у которыхъ нельзя предполагать сколько нибудь яснаго представленія о пріемахъ парламентской работы. Такое представленіе могло создаться у нихъ только подъ вліяніемъ предметныхъ уроковъ, которые должна была дать имъ сама жизнь. Достаточно ознакомиться съ преніями, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ многіе члены не уяснили себѣ вопроса о значеніи формальнаго момента въ парламентскихъ работахъ.

И всматриваясь въ думскія работы, не трудно замѣтить эти два теченія, одно—требующее отъ думы настоящей парламентской работы, другое—усматривающее въ думѣ исключительно агитаціонное средство, которое и должно быть использовано какъ подходящее средство въ освободительной борьбѣ. Первое теченіе обусловливалось раньше всего дѣятельностью партіи народной свободы. Это будетъ совершенно очевидно изъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія думской работы.

Вся думская дѣятельность можетъ быть сгруппиро-

вана вокругъ слѣдующихъ четырехъ вопросовъ: внутренняя организація, законодательная дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, финансовый контроль и контроль надъ закономѣрностью и цѣлесообразностью дѣйствій правительства. Въ этой послѣдовательности мы и разсмотримъ дѣятельность нашей второй государственной думы.

2. Внутренняя организація думы. Выборы президіума Провѣрка правильности выборовъ депутатовъ. Автономія государственной думы и отношеніе къ ней сената и государственнаго совѣта. Составленія наказа. Штаты канцеляріи.

Дѣятельность думы должна была начаться, конечно, съ вопросовъ организаціонныхъ. На этотъ нѣсколько скучный, но неизбѣжный процессъ ушли первые думскіе дни, тѣ дни, когда страна съ напряженнымъ вниманіемъ присматривается къ ея дѣйствіямъ. Сравнительно несложная процедура выбора президіума значительно у насъ осложняется требованіями этикета, установленными однако закономъ. Послѣ выборовъ предсѣдателя, занятія думы прерываются для доклада предсѣдателя думы государю. Только послѣ этого дума можетъ приступить къ дальнѣйшимъ шагамъ въ цѣляхъ организаціи своего бюро и провѣрки правильности полномочій своихъ членовъ.

Принимая во вниманіе то разнообразіе политическихъ партій, на которыя распадается наша дума, безъ замѣтнаго преобладанія какой-либо одной, принимая, далѣе, во вниманіе то чувство взаимнаго недовѣрія и вражды, которое раздѣляетъ большинство политическихъ, даже другъ къ другу довольно близкихъ, пар-

тій,—необходимо признать, что дума сравнительно удачно справилась съ первой своей задачей—выборомъ предсѣдателя. Необходимо было образовать президіумъ изъ лицъ, принадлежащихъ партіямъ, желающимъ въ основу своей думской работы положить принципы парламентской дѣятельности. И, несмотря на рѣшительное противодѣйствіе въ этомъ отношеніи со стороны партіи с.-д. предложеніямъ партіи народной свободы, можно все же сказать, что, въ общемъ, составъ президіума обѣщаетъ направленіе дѣлъ въ думѣ, согласное съ принципами и традиціями парламента.

Эта работа образованія президіума, мало интересная для широкихъ круговъ публики, особенно. когда рѣчь идетъ не о предсѣдателѣ думы, имѣетъ однако огромное значеніе для самой думы Удачный выборъ президіума является серьзнымъ залогомъ успѣшнаго веденія ею дѣла. Вопросъ объ удачномъ выборѣ президіума, важный для каждаго парламента, имѣетъ особенно большое значеніе для нашего молодого парламента, не имѣющаго собственныхъ, исторически сложившихся навыковъ, не имѣющаго полнаго наказа.

Если выборы предсѣдателя думы напомнили своими наиболѣе существенными чертами и прежде всего поразительной сплоченностью выборы перваго предсѣдателя государственной думы С. А. Муромцева, то этого сходства не было при выборахъ товарищей предсѣдателя и секретаря думы. Трудно, впрочемъ, было ожидать иное. Въ отличіе отъ первой думы, вторая представляетъ картину чрезвычайной пестроты партійнаго состава. О численномъ господствѣ партіи к.-д. не можетъ быть и рѣчи. Болѣе лѣвыя партіи, въ свою очередь, подраздѣляются на разныя партіи и даже фрак-

ціи. Всѣ эти болѣе лѣвыя партіи въ значительной мѣрѣ проникнуты чувствомъ вражды къ партіи к.-д., въ которой еще такъ недавно въ теченіе избирательной кампаніи они видѣли своихъ главныхъ, если не единственныхъ враговъ. При такихъ условіяхъ вопросъ о президіумѣ пріобрѣталъ особую остроту.

Изъ всѣхъ болѣе лѣвыхъ партій только трудовики заявили притязаніе на мѣсто въ президіумѣ. Они пожелали, чтобы одинъ изъ товарищей былъ избранъ по указанію этой партіи и изъ ея среды. Остальныя лѣвыя партіи по соображеніямъ принципіальнаго свойства отказались отъ участія въ президіумѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не желали предоставленія ни одного мѣста товарища партіи народной свободы. Вся борьба со стороны лѣвыхъ шла не за это мѣсто, лѣвымъ вовсе не нужное. Поэтому въ пользу этого возраженія нельзя приводить соображеній парламентскаго свойства, нельзя было ссылатся на то, что по своему численному составу партія народной свободы не можетъ претендовать болѣе нежели на мѣсто предсѣдателя палаты. Наоборотъ, такъ какъ изъ числа лѣвыхъ партій лишь трудовики заявили притязаніе только на одно мѣсто товарища предсѣдателя, то естественно, что на второе мѣсто товарища могла претендовать партія народной свободы.

Самый отказъ болѣе лѣвыхъ партій отъ занятій должностей въ президіумѣ является лучшимъ доказательствомъ того, что притязанія нашей партіи отнюдь не являлись чрезмѣрными. Удачный выборъ президіума является однимъ изъ существенныхъ условій плодотворной парламентской работы. А въ то время, когда, по мнѣнію многихъ, вопросъ о роспускѣ думы есть лишь вопросъ времени, когда это—вопросъ удачнаго

предлога, значеніе предсѣдателя думы пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Поэтому для всѣхъ, кто дорожитъ дѣятельностью думы, кто хотѣлъ бы, чтобы она продолжалась такъ долго, какъ это только окажется возможнымъ безъ ущерба для ея достоинства и для тѣхъ задачъ, которымъ она должна служить, вопросъ о выборѣ президіума имѣлъ огромное значеніе. И, претендуя на преобладаніе въ президіумѣ, партія народной свободы исходила не изъ соображенія о своей численности и не изъ соображеній о своихъ достоинствахъ, которыя, къ тому же, никогда не признаются политическими противниками, но исключительно изъ того соображенія, что она является партіей парламентской по преимуществу. Вѣдь это было предметомъ преимущественныхъ нападокъ слѣва въ теченіе долгой избирательной кампаніи; именно стремленіе къ формамъ борьбы парламентскимъ ставили по преимуществу въ упрекъ нашей партіи. Казалось бы, отсюда слѣдовало логически сдѣлать тотъ выводъ, что въ моментъ, когда наступила такая борьба, именно нашей партіи и надо предоставить руководящую роль въ регулированіи внѣшнихъ формальныхъ ея условій. Правда, лѣвые пошли теперь въ думу, они не только заявили это въ послѣднее время, но въ нѣкоторой мѣрѣ и на дѣлѣ доказали, что пошли въ думу не для того, чтобы взорвать ее изнутри. Но, отказываясь отъ участія въ президіумѣ, они тѣмъ самымъ краснорѣчиво подтвердили, что не смотрятъ на думу, какъ на подходящую для себя арену борьбы. А при такихъ обстоятельствахъ, когда дѣйствовать въ условіяхъ парламентарныхъ пожелали одни трудовики, не претендовавшіе болѣе нежели на одно мѣсто товарища предсѣдателя, требованія

нашей партіи второго мѣста были вполнѣ правильными. Это мѣсто пришлось, однако, предоставить безпартійному. Безпартійные, какъ таковые, не имѣли рѣшительно никакихъ основаній претендовать на это мѣсто. Безпартійный могъ бы претендовать на эту должность исключительно въ силу своихъ личныхъ качествъ опытнаго руководителя собранія. Но, не касаясь вовсе личныхъ качествъ безпартійнаго Н. Н. Познанскаго, выдвинутаго на этотъ постъ лѣвыми партіями, мы можемъ утверждать, что именно съ технической точки зрѣнія опытнаго руководителя собраній кандидатъ нашей партіи представляетъ огромныя преимущества предъ г. Познанскимъ. Относительно этого послѣдняго можно было развѣ сказать, что онъ, быть можетъ, окажется хорошимъ руководителемъ собранія. Но каждый понимаетъ, что значитъ одна вѣроятность въ вопросѣ, въ которомъ нужна увѣренность. Между тѣмъ, Н. В. Тесленко извѣстенъ всей Россіи, какъ одинъ изъ самыхъ опытныхъ и умѣлыхъ руководителей собраній. Въ теченіе „освобожденскаго“ періода нашей исторіи Н. В. Тесленко пришлось неоднократно руководить чрезвычайно многочисленными и совершенно недисциплинированными собраніями, происходившими при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, когда страсти достигли высшаго напряженія; и всегда Н. В. Тесленко выходилъ побѣдителемъ изъ трудностей положенія, не вызывая притомъ ни въ комъ изъ участниковъ чувства раздраженія, что такъ трудно для энергичнаго предсѣдателя. И вотъ, въ такой моментъ, когда отъ искусства предсѣдателя, быть можетъ, въ извѣстной степени окажется въ зависимости сама судьба думы, партіи с.-д.,—ибо она играла рѣ-

шающую роль въ дѣлѣ проведенія безпартійнаго товарища предсѣдателя,—рѣшилась пожертвовать всѣми этими преимуществами Тесленко только для того, чтобы настоять на своемъ. Она предпочла подчеркнуть свою обособленность въ тотъ моментъ, когда рѣчь, казалось бы, должна идти о солидарности всѣхъ оппозиціонныхъ партій, пришедшихъ въ думу для того, чтобы здѣсь отстаивать народныя права и права думы, какъ единственнаго всенароднаго выразителя нуждъ и интересовъ страны. Когда петербургскіе соціалъ-демократы отказали фотографу Буллѣ, желавшему снять всѣхъ петербургскихъ выборщиковъ на одной карточкѣ, то это была демонстрація классовой обособленности довольно невиннаго свойства, которая, надѣемся, не нанесла никакого ущерба фотографу. Отказъ этотъ, быть можетъ, даже и не такъ безсмысленно грубъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, такъ какъ возможно, что выборщики соціалъ-демократы сообразили, что эта фотографія слишкомъ наглядным образомъ демонстрируетъ и увѣковѣчитъ тотъ фактъ, что первый соціалъ-демократъ отъ Петербурга прошелъ исключительно благодаря партіи народной свободы. И если бы эта услуга со стороны нашей партіи и оказалась, въ концѣ концовъ, медвѣжьей услугой по отношенію къ соціалъ-домократамъ, то въ этомъ будетъ виновата, конечно, не наша партія. Но, когда рѣчь идетъ не о фотографической карточкѣ, но о президіумѣ въ государственной думѣ, казалось бы, надо руководствоваться однимъ только соображеніемъ, именно соображеніемъ цѣлесообразной организаціи президіума, и не замѣнять несомнѣнно превосходнаго предсѣдателя такимъ, достоинства котораго какъ предсѣдателя, еще не испытаны.

*

Съ точки зрѣнія парламентскихъ традицій это требованіе предоставленія мѣста товарища предсѣдателя безпартійному ничѣмъ не оправдывается. И если кто либо съ этой точки зрѣнія могъ претендовать, за отказомъ лѣвыхъ партій отъ этого мѣста, то развѣ только правыя партіи. Онѣ дѣйствительно сдѣлали попытку въ этомъ направленіи, и „Новое Время“,—само „Новое Время“!—вступилось за попранные лѣвыми партіями парламентскіе обычаи Конечно, согласно парламентскимъ обычаямъ, правые имѣли право претендовать на участіе въ президіумѣ, но бѣда то въ томъ, что парламентскіе обычаи—это для большинства правыхъ въ нынѣшней думѣ фарисейскій аргументъ, который они вспоминаютъ въ тотъ только моментъ, когда надо выторговать въ свою пользу какую либо уступку. Смѣшавшись въ одну массу, не всегда хорошо различаемую, съ истинно-русскими людьми, взявъ на свою нравственную отвѣтственность господъ Крушевановъ и ту кровь, которая лежитъ на ихъ совѣсти, и ту, которую они грозятъ взять на эту же совѣсть,—благо она можетъ легко выдержать какія угодно преступленія,—наши правыя партіи потеряли право ссылаться на парламентскіе обычаи въ подкрѣпленіе своихъ претензій.

Очевидно, таковымъ взглядомъ партіи народной свободы на нынѣшнія правыя партіи обусловливается совершенно индифферентное отношеніе нашей партіи къ вопросу о выборѣ товарища секретаря изъ среды правыхъ партій. Вопросъ этотъ былъ лишенъ всякаго практическаго значенія, и надо обладать безцеремонностью нововременскихъ публицистовъ для того, чтобы утверждать, будто лѣвые испугались контроля правыхъ

въ президіумѣ. Повидимому, часть членовъ партіи народной свободы даже и вотировала за кандидата правой. Но само по себѣ притязаніе правыхъ,—мы, конечно, не говоримъ объ отдѣльныхъ членахъ, которые могли бы, можетъ быть, съ достоинствомъ занимать мѣста въ настоящей парламентской правой партіи,—не могло встрѣтить серьезнаго отношенія со стороны партіи народной свободы.

Слѣдующій послѣ выборовъ президіума вопросъ, который надо было разрѣшить государственной думѣ для того, чтобы быть признанной окончательно конституированной, былъ вопросъ о провѣркѣ полномочій своихъ членовъ. Въ 5-мъ засѣданіи (6 марта) были сдѣланы доклады относительно тѣхъ выборовъ, которые въ комиссіяхъ не возбуждали никакихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, въ теченіе этого засѣданія дума признала выборы произведенными правильно по отношенію къ 258 своимъ членамъ, т. е. по отношенію болѣе нежели половинѣ своего состава.

Если въ этой своей части дѣятельность думы не могла возбудить никакихъ сомнѣній, никакихъ споровъ, то совершенно иначе обстоялъ вопросъ относительно цѣлаго ряда выборовъ, на которые имѣлся безконечный рядъ жалобъ на допущенныя въ теченіе выборной кампаніи злоупотребленія, совершенно исказившія дѣйствительную волю избирателей. Правые заранѣе испугались за свои полномочія. Со свойственной имъ циничесой грубостью они заранѣе грозили потокомъ и разграбленіемъ въ случаѣ кассаціи ихъ выборовъ. Не разсчитывая на то, что угроза депутатамъ, которые будутъ провѣрять выборы, окажетъ на нихъ воздѣйствіе, они заранѣе угрожаютъ ни въ чемъ неповинному

населенію, надѣясь такимъ образомъ вѣрнѣе повліять на думу, которая знаетъ, что, когда грозятъ погромомъ гг. Крушеваны, это не пустой звукъ. Въ кампаніи гг. Крушевановъ не нашлось Гамлета, который могъ бы во-время предупредить ихъ о необходимости не выдавать своего волненія, такъ какъ шапка горитъ только на ворѣ.

Питая и громко высказывая такого рода опасенія, наши крайнія партіи не только обнаруживали свою нечистую совѣсть, но и полное непониманіе своей дѣйствительной политической роли, своего дѣйствительнаго значенія. Если бы гг. Крушеваны сами не догадались фальсифицировать выборы, чтобы попасть въ думу, оппозиція должна была бы добровольно уступить имъ мѣста въ думѣ, чтобы демонстрировать предъ всей страной, предъ всей Европой этихъ „истинно-русскихъ“ людей. Но, понятно, провѣрка депутатскихъ полномочій не есть политическій актъ, помощью котораго можно удалять вредныхъ и сохранять полезныхъ людей. Поэтому вопросъ объ удаленіи или оставленіи гг. Крушевановъ можетъ разрѣшаться въ зависимости отъ того, какой матеріалъ окажется въ распоряженіи думы. Мы опасаемся, конечно, не того, что будутъ исключены депутаты, правильно избранные. Опасность совершенно иная, — что будутъ оставлены депутаты, избранные съ самыми грубыми нарушеніями закона.

Это обусловливается столь глубокими причинами, что дума едва ли будетъ въ состояніи устранить это зло.

Прежде всего, широкая система злоупотребленій со стороны органовъ правительственной власти, включая сюда и первый департаментъ сената, дѣлаетъ для думы

совершенно невозможнымъ стремленіе къ тому, чтобы добиться дѣйствительности только согласно съ закономъ произведенныхъ выборовъ. Вѣдь для этого пришлось бы признать недѣйствительными добрую половину депутатскихъ полномочій.

Другая причина крайней затруднительности провѣрки депутатскихъ полномочій заключается въ системѣ двустепенныхъ выборовъ съ совершенной неудовлетворительностью системы провѣрки выборовъ первой степени. Дѣло въ томъ, что при провѣркѣ правильности избранія невозможно становиться на точку зрѣнія строгаго соблюденія формы. Если бы каждое ея нарушеніе влекло за собой кассацію выборовъ, ни одно избраніе не могло бы быть гарантировано противъ кассаціи. Можно было бы всегда подготовлять „кассаціонные“ поводы. Поэтому, въ видѣ общаго правила, былъ установленъ тотъ принципъ, что кассируются только такіе выборы, въ которыхъ существенныя нарушенія закона могли оказать вліяніе на результаты выборовъ. Между тѣмъ выяснить этотъ вопросъ о вліяніи на результаты выборовъ тѣхъ или другихъ нарушеній, благодаря системѣ двустепенныхъ выборовъ, въ большинствѣ случаевъ прямо невозможно.

Къ сожалѣнію, государственная дума не сумѣла удержаться и на этой достаточно „практической“ точкѣ зрѣнія. Сплошной рядъ злоупотребленій, которыми ознаменовались выборы во многихъ мѣстахъ, поставили думу въ печальную необходимость склоняться предъ фактами самаго вопіющаго нарушенія закона, такъ какъ борьба съ ними создала бы слишкомъ большую ломку, отняла бы у думы слишкомъ много времени, возбудила бы слишкомъ много страстей, которыя и

безъ того были въ достаточной мѣрѣ возбуждены во второй думѣ.

Необходимо раньше всего отмѣтить что мы говоримъ объ утвержденіи выборовъ думою, хотя на самомъ дѣлѣ, вѣдь, дума не утверждаетъ выборовъ, а только признаетъ ихъ правильно или неправильно произведенными, и, говоря теоретически, невозможно въ одно и то же время, признавая выборы произведенными неправильно, все же оставлять ихъ въ силѣ. Но этотъ вопросъ, столь простой теоретически, на дѣлѣ осложняется, въ виду общихъ условій, при которыхъ по всей Россіи происходили выборы въ 1907 году. Критерій объективной правильности, примѣненный къ нимъ во всей ихъ совокупности, привелъ бы къ совершенно отрицательнымъ выводамъ, и кто знаетъ, не пришлось ли бы въ такомъ случаѣ думѣ самое себя кассировать? Очевидно, при такихъ условіяхъ приходится мириться съ весьма относительнымъ критеріемъ. Такимъ критеріемъ выставлено было соотвѣтствіе избранныхъ лицъ волѣ избирателей. Въ наиболѣе обнаженномъ видѣ выставилъ эту точку зрѣнія деп. Алексинскій, заявивъ, что въ тамбовской губерніи „соотношеніе силъ оказалось не въ пользу власти, а въ пользу народа, и мы можемъ только привѣтствовать это“. И, такимъ образомъ, оказалось возможнымъ въ одно и то же время признать „правильность“ выборовъ (по ихъ результатамъ) и „неправильность“ ихъ (по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они протекали). И само это рѣшеніе, въ свою очередь явно неправильное по формѣ, едва ли можетъ вызвать протестъ по существу. Конечно, весьма опасно становиться на путь провѣрки соотвѣтствія результата выборовъ волѣ народа. Но, къ несча-

стью, весь образъ дѣйствія администраціи во время выборной кампаніи не только оправдываетъ вступленіе на этотъ путь, но и дѣлаетъ всякій иной исходъ психологически невозможнымъ.

И лучшимъ доказательствомъ правильности этого положенія могутъ служить результаты провѣрки правильности выборнаго производства по тамбовской и полтавской губ.

При разсмотрѣніи выборовъ по полтавской губ. комиссія, хотя и нашла цѣлый рядъ нарушеній формальной стороны производства выборовъ, настолько существенныхъ, что, по словамъ докладчика, ихъ однихъ было бы достаточно для того, чтобы признать выборы неправильно произведенными, тѣмъ не менѣе, свое заключеніе о кассаціи выборовъ комиссія основала не на соображеніяхъ формальнаго свойства. Комиссія отмѣтила, что всѣ лица прошли самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ, въ лучшемъ случаѣ это было преобладаніе 6—7 избирательныхъ голосовъ надъ неизбирательными. Огромное большинство, почти всѣ лица, прошли большинствомъ 1, 2, 3 избирательныхъ голосовъ по сравненію съ неизбирательными. При такомъ незначительномъ преобладаніи, конечно, устраненіе каждаго выборщика въ отдѣльности не могло не имѣть громаднаго значенія въ смыслѣ отраженія на конечномъ результатѣ и исходѣ выборовъ. При ближайшемъ знакомствѣ комиссіи съ выборнымъ производствомъ оказалось, что было устранено 16 выборщиковъ, т. е. такое число, которое въ нѣсколько разъ превосходитъ то преобладаніе голосовъ, которымъ проходили лица, избранныя отъ полтавской губ. Отдѣлъ истребовалъ все подлинное выборное производство—всего въ количествѣ 273 томовъ.

По полученіи его и подробномъ обозрѣніи оказалось, что означенныя 16 лицъ, которыя устранены отъ выборовъ, устранены къ тому же совершенно незаконно. Такимъ образомъ, получается слѣдующая картина: во-первыхъ, выборы произведены съ явнымъ нарушеніемъ формальности; во-вторыхъ, выборы по существу не выражаютъ воли выборщиковъ.

Въ думѣ не нашлось однако того большинства двухъ третей голосовъ, которое требуется для кассаціи выборовъ. Такой результатъ нельзя не признать печальнымъ. Онъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, такъ какъ очевидно, что въ настоящей думѣ, благодаря условіямъ избирательной кампаніи, кассація выборовъ можетъ составлять лишь рѣдкое исключеніе. Вѣроятно, большинство депутатовъ при голосованіи этимъ соображеніемъ и руководилось. Однако, такую точку зрѣнія нельзя признать правильной. Дѣло не въ этихъ непосредственныхъ результатахъ, но въ тѣхъ принципахъ, которые вводятся въ дѣло провѣрки выборовъ. При такомъ безразличномъ отношеніи не только къ формальной сторонѣ дѣла, но и къ его существу провѣрка выборовъ становится тягостной формальностью, не только безъ нужды отнимающей у думы драгоцѣнное время, но и дискредитирующей ее до извѣстной степени, такъ какъ утвержденіе явно незаконныхъ выборовъ, давшихъ результатъ совершенно, очевидно, не соотвѣтствующій дѣйствительнымъ желаніямъ населенія, не можетъ не ощущаться, какъ обида, этимъ населеніемъ.

И совершенно такая же исторія повторилась по отношенію къ тамбовской губ.

Какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, „въ нару-

шеніи законовъ о выборахъ тамбовская администрація побила всероссійскій рекордъ". Отдѣлъ, разсматривавшій выборное производство по тамбовской губерніи, большинствомъ всѣхъ противъ одного высказывался за признаніе правильными лишь выборы одного депутата отъ крестьянской куріи и за отмѣну выборовъ остальныхъ одиннадцати, съ доведеніемъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ тамбовскаго губернатора. Это заключеніе отдѣла не было принято. Дума утвердила выборы цѣликомъ.

Въ интересахъ не только правильнаго хода выборовъ, въ интересахъ охраны идеи законности отъ самаго грубаго ея попиранія,—немедленная реформа всего порядка выборовъ была бы настоятельна необходима, если бы не были настоятельно необходимы другія, болѣе широкія реформы.

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ упрековъ по адресу думы заключается въ томъ, что она не только не была трудоспособна, но и не желала работать, что она стремилась къ одному: къ произнесенію возможно большаго количества рѣчей. Это мнѣніе наиболѣе полно и опредѣленно выражено въ пресловутомъ письмѣ проф. Мартенса: дума не можетъ и не желаетъ работать. Въ печати уже было достаточно выяснено, что это мнѣніе рѣшительно опровергается фактами, настолько очевидными, что только умышленная недобросовѣстность или полное невѣжество можетъ ихъ игнорировать. Что дума, благодаря нелѣпому избирательному закону, предвыборной дѣятельности министерства и разъяснительной „пурификаціи", оказалась бѣдна рабочими силами, этого никто не оспариваетъ

Но послѣдствіемъ такой бѣдности явилась огромная интесивность труда, выпавшаго на долю работоспособныхъ элементовъ. Въ каждой палатѣ происходитъ такая дифференціація. У насъ она въ ряды работниковъ отмежевывала сравнительно небольшую часть думы, но зато еще меньшая часть принципіально отрицаетъ значеніе думской работы и пытается дѣлать ей обструкцію. При такихъ условіяхъ, требуется большая доза терпѣнія, упорства и самоотверженности со стороны работающей части думы для того, чтобы эту работу организовать. И усилія, дѣлаемыя въ этомъ направленіи, оказались плодотворными. Конечно, только тѣ же свойства недобросовѣстности или невѣжества позволяютъ упрекать думу въ томъ, что черезъ нее не прошелъ еще ни одинъ законопроектъ. Для всякаго, отдающаго себѣ отчетъ въ условіяхъ думской работы, ясно, какая длительная операція должна предшествовать тому, чтобы вновь созванная палата успѣла разсмотрѣть и принять законопроектъ. Повторяемъ: нѣтъ основаній подробно останавливаться на этихъ вопросахъ. Для добросовѣстныхъ и внимательныхъ наблюдателей и критиковъ—они ясны; остальныхъ убѣждать—безполезный трудъ.

Значительная часть думы энергично стремится къ тому, чтобы устранить этотъ недостатокъ, и дума принимаетъ одну мѣру за другой съ цѣлью придать своимъ занятіямъ болѣе дѣловой характеръ, дать возможность энергично двинуть впередъ ту огромную работу, которая грозитъ придавить ее своей совершенно исключительной тяжестью. Дума начала съ того, что число дней общихъ засѣданій уменьшила съ пяти до четырехъ. Этотъ лишній день для комиссіонныхъ за-

сѣданій имѣетъ, конечно, огромное значеніе, такъ какъ именно въ комиссіяхъ происходитъ та именно замѣтная, но, несомнѣнно, болѣе производительная черновая работа, въ которой, прежде всего, залогъ плодотворной думской дѣятельности. Засимъ, дума рѣшилась и на другое средство увеличенія времени для работъ комиссіи, именно—она постановила, что засѣданія думы должны начинаться не съ 11 час. утра, но съ 2 часовъ. Это огромный выигрышъ во времени для комиссій, такъ какъ столь важные для серьезной работы утренніе часы цѣликомъ могутъ быть отданы работамъ въ комиссіяхъ.

Это стремленіе думы къ дѣловому характеру обсужденія вопросовъ получило яркое выраженіе въ работѣ, предпринятой думой для того, чтобы выработать наказъ, и притомъ такой наказъ, который въ наибольшей степени способствовалъ бы строго дѣловому веденію засѣданій. Сложная и отвѣтственная работа созданія такого наказа составляетъ, главнымъ образомъ, заслугу партіи народной свободы. Въ первой думѣ наказъ былъ выработанъ, главнымъ образомъ, С. А. Муромцевымъ и близко примыкавшимъ къ партіи М. Я. Острогорскимъ. Предсѣдателемъ комиссіи по составленію наказа во второй думѣ былъ деп. Маклаковъ.

Дума съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности не могла не почувствовать всей тяжести существованія, совершенно не нормированнаго наказомъ. Если отсутствіе наказа должно крайне неблагопріятно отражаться на существованіи любого парламента, то для нашего оно можетъ оказаться прямо роковымъ. Полное отсутствіе парламентскихъ традицій, непониманіе конституціоннаго права, въ значительной мѣрѣ нежеланіе съ

нимъ считаться—дѣлаютъ правильныя занятія порой прямо невозможными. А между тѣмъ задачи, лежащія на нашей думѣ, болѣе трудныя, нежели какія приходилось преодолѣвать западно-европейскимъ парламентамъ.

Конечно, совершенно немыслимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять порядокъ дѣятельности думы; обсужденіе всѣхъ вопросовъ приходилось бы въ такомъ случаѣ безпрерывно прерывать обсужденіемъ предварительнаго вопроса, какъ его обсуждать. Поэтому, уже въ третьемъ засѣданіи думы предсѣдатель ея обратилъ вниманіе собранія на то, что въ двухъ случаяхъ собраніе руководствовалось наказомъ, выработаннымъ первой думой, и предложилъ думѣ принять означенный наказъ къ руководству. Большинствомъ голосовъ наказъ этотъ и былъ принятъ къ руководству.

Обсужденія наказа начались съ 4—5-ой главъ.

Глава 4 распадается на двѣ части, регулирующія двѣ стороны думской дѣятельности; одна посвящена порядку разсмотрѣнія законопроектовъ, другая—запросовъ. Первая, въ свою очередь, различаетъ два порядка разсмотрѣнія законопроектовъ: одинъ относится къ законопроектамъ, вносимымъ министрами, другой—разсматриваемымъ по иниціативѣ думы.

Характеризуя всю эту главу, мы можемъ сказать, что чрезъ нее красной нитью проходитъ стремленіе придать преніямъ возможно болѣе дѣловой характеръ, обезпечить возможность серьезнаго дѣлового обсужденія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить тѣ безконечныя пренія, которыя, затягивая всякій вопросъ, ни въ малѣйшей степени не способствуютъ его разъясненію.

Именно, въ этихъ видахъ, какъ на это обратилъ вни-

маніе думы докладчикъ комиссіи Маклаковъ, наказъ исходитъ изъ общаго правила безъ исключенія, что только разсмотрѣнный комиссіей законопроектъ можетъ быть принятъ или отвергнутъ. Если можно представить себѣ, что есть даже такіе законы, которые не стоитъ и сдавать въ комиссію, такъ какъ, очевидно, они никуда не годятся, или, напротивъ, очень хороши, то мы все-таки и для такихъ законовъ изъятія не дѣлаемъ. Если настолько очевидно, что дума законъ приметъ, то она сдаетъ его въ одну изъ существующихъ комиссій, съ порученіемъ, можетъ быть, на завтрашній день вынести свое заключеніе.

Конечно, возможны законопроекты, въ такой мѣрѣ нелѣпые или въ такой мѣрѣ выходящіе за предѣлы компетенціи думы, что передача ихъ въ комиссію являлась бы совершенно непроизводительной тратой времени. Мало того, могутъ быть такіе законопроекты, передача которыхъ для разсмотрѣнія въ думскую комиссію была бы ниже достоинства государственной думы. На этотъ случай наказъ устанавливаетъ, такъ называемые, предварительные вопросы „о томъ, надлежитъ ли, вообще, принять его къ разсмотрѣнію. Постановленіе объ этомъ принимается съ выслушаніемъ лишь одного оратора за и противъ“. Такимъ образомъ, введеніе въ наказъ предварительныхъ вопросовъ является, несомнѣнно, серьезнымъ его преимуществомъ. Можно только усомниться въ цѣлесообразности того ограниченія числа ораторовъ, которое при этомъ вводится наказомъ. Такъ какъ согласно наказу по отношенію къ каждому „дѣлу“ можетъ быть возбужденъ такой „предварительный вопросъ“, то любой законопроектъ можетъ быть отвергнутъ путемъ его поста-

новки—и въ этомъ заключается серьезная опасность этого института. Между тѣмъ, ограниченіе числа ораторовъ двумя и даже четырьмя, какъ постановила дума, можетъ часто лишать думу возможности достаточно обдуманно обсудить вопросъ. И такъ какъ, согласно наказу, дума, вообще, въ достаточной мѣрѣ вооружена для того, чтобы бороться съ затяжкой преній, то едва ли правильно устанавливать автоматически дѣйствующій способъ прекращенія преній по предварительнымъ вопросамъ. Наоборотъ, именно въ такихъ случаяхъ съ прекращеніемъ преній надо быть особенно осторожнымъ, такъ какъ при такомъ способѣ обсужденія предварительныхъ вопросовъ можно въ парламентѣ лишить меньшинство возможности не только проводить свои взгляды, но даже и высказывать свое мнѣніе.

Такой едва ли желательный результатъ, какъ намъ кажется, явился результатомъ нѣсколько односторонняго пониманія природы предварительныхъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что система предварительныхъ вопросовъ создалась по преимуществу въ связи съ внесеніемъ въ думу такого рода дѣлъ, самое обсужденіе которыхъ представляется по тѣмъ или инымъ причинамъ неудобнымъ. Въ подобнаго рода случаяхъ сама по себѣ постановка предварительнаго вопроса не спасетъ думу отъ того неудобнаго или опаснаго положенія, въ которое ее ставитъ обсужденіе самаго вопроса. Мало того, обсужденіе дѣла съ точки зрѣнія умѣстности или неумѣстности его обсужденія выдвигаетъ на первый планъ ту сторону вопроса, въ силу которой обсужденіе дѣла представляется нежелательнымъ. Но именно въ этихъ случаяхъ допущеніе хотя бы четырехъ только рѣчей не спасетъ думы отъ всѣхъ неудобствъ обсужденія ще-

котливыхъ вопросовъ. Наоборотъ, такъ какъ послѣдняя рѣчь будетъ противъ постановки предварительнаго вопроса, то впечатлѣніе, которое останется отъ преній, будетъ діаметрально противоположно тому, которое желательно достигнуть въ тѣхъ случаяхъ, когда стремятся къ устраненію обсужденія вопроса

Намъ казалось бы поэтому болѣе правильной совершенно иная постановка предварительныхъ вопросовъ. Нормально пренія по этимъ вопросамъ подлежатъ тѣмъ же правиламъ, которыя примѣняются ко всѣмъ прочимъ преніямъ. Но за думой должно быть оставлено право, въ случаяхъ постановки предварительнаго вопроса, признать пренія, вообще, неудобными. Въ этихъ случаяхъ вопросъ рѣшается вовсе безъ преній. Это, конечно, драконовское правило, однако, напримѣръ, практика французскаго парламента была вынуждена прибѣгать къ этому средству. Но французская палата могла такимъ образомъ устранять неудобныя пренія благодаря тому, что вопросъ этотъ вовсе не предусматривается регламентомъ. Наоборотъ, у насъ при дѣйствіи вышеуказаннаго § 97 наказа, это ока, жется совершенно невозможнымъ. Понятно, возможность злоупотребленія такимъ правомъ снимать вопросы безъ преній представляетъ серьезныя опасности Но противъ этого можетъ быть принята весьма простая мѣра предосторожности. Цѣлесообразно возможность такого способа устраненія преній поставить въ зависимость отъ рѣшенія подавляющаго большинства думы. Это и вполнѣ справедливо. Необходимо, чтобы желаніе снять съ обсужденія вопросъ было въ высшей степени единодушное, для того чтобы такой исключительный способъ могъ быть примѣненъ.

По отношенію къ законопроектамъ, поступающимъ отъ министровъ или государственнаго совѣта, наказъ вноситъ одно новшество. Именно, объ этихъ законопроектахъ „предсѣдатель въ ближайшемъ засѣданіи докладываетъ думѣ съ заключеніемъ совѣщанія (ст. 12 учр. госуд. думы) о дальнѣйшемъ направленіи законопроектовъ". Это новшество представляется безусловно раціональнымъ. Совершенно правильно указалъ д. Маклаковъ, что „нужно посмотрѣть только на то, что здѣсь у насъ происходитъ, чтобы стало ясно, что въ этомъ отношеніи надо исправить и упорядочить и что нужно, такъ или иначе, закрѣпить нашимъ наказомъ. Что у насъ происходило до сихъ поръ съ законами, которые вносились министерствомъ? Происходило слѣдующее: объ этихъ законахъ предсѣдатель намъ докладывалъ, и мы узнавали сначала устно, а потомъ и письменно изъ нашихъ повѣстокъ, что такіе то законопроекты и въ громадномъ количествѣ внесены на разсмотрѣніе думы. Затѣмъ эти законы оставались безъ всякаго движенія въ канцеляріи, пока кто-либо изъ насъ не вспоминалъ о нихъ. Бывало и такъ, что отдѣльныя группы лицъ вспоминали объ этихъ законахъ и предлагали ту или другую группу изъ нихъ сдать въ соотвѣтствующую комиссію. Такъ образовался у насъ цѣлый рядъ комиссій—о неприкосновенности личности, о вѣроисповѣданіяхъ и другія. Бывало, далѣе, что отдѣльныя группы предлагали создать общую комиссію для разсмотрѣнія цѣлаго ряда аналогичныхъ законопроектовъ; были попытки создать комиссію для маловажныхъ текущихъ дѣлъ,—эти попытки были отклонены. Послѣдствіемъ этого было то, что большинство законопроектовъ продолжаетъ лежать безъ движенія.

И вотъ, мы исходимъ, прежде всего, изъ того положенія, что этотъ порядокъ совершенно невозможенъ, что всякій законопроектъ, внесенный министерствомъ, долженъ быть предметомъ чьей-нибудь заботы не съ того только момента, когда о немъ вспомнятъ, а съ самаго начала, когда онъ внесенъ. Поэтому мы предлагаемъ, что, вмѣсто краткаго перечня тѣхъ законовъ, которые поступаютъ въ думу, должно дѣлать краткое и опредѣленное предложеніе, что̀ сдѣлать съ этими законами?“

Надо, впрочемъ, оговориться, что такой порядокъ отчасти имѣлся въ виду и въ первой думѣ. Въ изданіи наказа С. А. Муромцева подъ соотвѣтствующимъ нынѣшнему § 54-му § 53-мъ имѣются указанія, соотвѣтствующія этому добавленію § 54. Именно, указывается, что предсѣдатель, по оглашеніи поступившаго законопроекта или законодательнаго предположенія, заявляетъ, что новое дѣло, за силою наказа, имѣетъ быть передано въ такую то изъ постоянныхъ комиссій, или въ такую то изъ существующихъ комиссій, учрежденную, именно, для предметовъ даннаго рода (напр., въ комиссію о наказѣ, аграрную и т. п.), или же, наконецъ, что, за неимѣніемъ соотвѣтственной комиссіи, надлежитъ учредить особую комиссію.

Дѣйствительное новшество этого § наказа заключается въ томъ, что это сообщеніе должно сопровождаться заключеніемъ совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи. Такое заключеніе представляется, конечно, цѣннымъ, но при одномъ условіи, именно, чтобы заключеніе это было дано подходящимъ органомъ. Въ этомъ отношеніи постановленіе наказа не можетъ быть признано удачнымъ. Во-первыхъ, обремененное другими дѣлами, это совѣщаніе не будетъ въ состояніи входить въ такой

мѣрѣ въ существо законопроектовъ, чтобы давать компетентныя разъясненія. Во-вторыхъ, по своему положенію президіуму едва ли удобно брать на себя указаніе относительно дальнѣйшаго направленія министерскихъ законопроектовъ. Выборъ можетъ быть только между Seniorен-Convent'омъ и особой комиссіей предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ. Маклаковъ осторожно предлагалъ опыту рѣшить выборъ. Но дѣло въ томъ, что пока опытъ укажетъ наиболѣе удачный путь, наказъ направляетъ думу на наименѣе удобный. И если введеніе Seniorен-Convent'а представляется въ настоящее время, б. м., преждевременнымъ, то установленіе особой комиссіи предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, во всякомъ случаѣ, не представляетъ особыхъ затрудненій.

Вполнѣ цѣлесообразнымъ представляется постановленіе, въ силу котораго вопросъ о направленіи законопроектовъ разрѣшается по выслушаніи трехъ рѣчей.

Дальнѣйшія постановленія наказа о движеніи законопроектовъ не представляютъ никакихъ особенностей, въ сравненіи съ редакціей, выработанной въ первой думѣ, и не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній, за исключеніемъ § 57-го.

Нѣкоторыя сомнѣнія, благодаря неудачной редакціи ст. 57 учр. госуд. думы, можетъ возбудить развѣ § 59 наказа, который гласитъ: Если дума признаетъ желательнымъ предложенное ей въ порядкѣ ст. 55 законодательное предположеніе, и министръ или главноуправляющій изъявятъ согласіе на выработку соотвѣтствующаго законопроекта, то это не препятствуетъ думѣ немедленно образовать комиссію для самостоятельной выработки того же законопроекта (ст. 57 учр. гос. думы),

Этимъ §-мъ наказа предполагается обойти то затрудненіе, которое создается вышеуказанной статьей учрежд. госуд думы, которая не указываетъ никакого срока, въ теченіе котораго министръ, изъявившій согласіе на выработку соотвѣтствующаго законопроекта, обязанъ таковой представить въ думу. Какъ извѣстно, государственный совѣтъ, стремясь устранить этотъ пробѣлъ закона, въ первоначальной редакціи наказа устанавливалъ обязательный для министровъ срокъ, въ теченіе котораго проектъ закона долженъ быть выработанъ въ виду отказа сената распубликовать это правило,—отказа формально неправильнаго, но правильно ссылавшагося на то, что въ данномъ случаѣ государственный совѣтъ расширилъ свои права,—онъ вынужденъ былъ отказаться отъ своего предположенія, могущаго быть осуществленнымъ лишь законодательнымъ путемъ. Намъ представляется, что избранный парламентской комиссіей путь, дѣйствительно, удачно устраняетъ затрудненіе.

Было бы, конечно, совершеннымъ абсурдомъ толковать ст. 57 учр. госуд. думы въ томъ смыслѣ, что разъ министръ согласился разработать желательный для думы законопроектъ, онъ тѣмъ самымъ становится полнымъ хозяиномъ въ дальнѣйшемъ его движеніи. Такое толкованіе, основанное на буквальномъ пониманіи текста статьи, находится въ такомъ прямомъ и явномъ противорѣчіи съ внутреннимъ ея смысломъ, что толкованіе это должно быть признано совершенно непріемлемымъ: verborum interqretatio nusquam tantum valet, ut melior sensu existat Въ самомъ дѣлѣ, въ вопросахъ законодательной инициативы дума ограничена только сферой основныхъ законовъ. За этимъ предѣломъ дума вольна возбуждать любые законодательные

вопросы и въ этой своей дѣятельности она принципіально совершенно независима отъ министерства Министерство можетъ взять на себя разработку желательнаго думѣ законопроекта, оно можетъ признать таковую разработку излишней и отъ нея отказаться. Но дума отнюдь не связана такимъ отказомъ. Въ такомъ случаѣ она сама приступаетъ къ разработкѣ законопроекта. Само собой понятно, что такая самостоятельность думы въ выработкѣ законопроектовъ не можетъ быть парализована правомъ министровъ взять на себя разработку законопроекта и затѣмъ положить все дѣло подъ сукно. Совершенно очевидно, что принятіе на себя министерствомъ разработки законопроекта, желательнаго думѣ, не стѣсняетъ права думы заняться разработкой того же законопроекта.

Трудно себѣ даже и представить, какія соображенія могли бы быть приведены по существу противъ такого толкованія. Съ одной стороны, только оно сколько-нибудь дѣйствительно гарантируетъ право думы на законодательную иниціативу. Съ другой стороны, оно ни въ чемъ не стѣсняетъ правъ министровъ. Не говоримъ уже о томъ, что право министровъ разрабатывать желательные думѣ законопроекты, для думы отнюдь не обязательные, не можетъ составлять самостоятельнаго права министровъ, нуждающагося притомъ въ особыхъ гарантіяхъ. Но вѣдь и фактически министерство въ гораздо большей степени, нежели парламентъ или любая парламентская комиссія, приспособлено къ разработкѣ законопроектовъ и, слѣдовательно, противъ желанія у министерства никогда не можетъ быть вырвано изъ рукъ первенство при разработкѣ законопроектовъ.

Необходимо остановиться на § 65 наказа, согласно которому „отклоненный думою законопроектъ не можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи". Статья эта, быть можетъ, практически и не представляетъ особаго значенія въ настоящее время, но принципіально она едва ли можетъ быть защищаема и теоретически представляется необоснованной. Можно себѣ легко представить обстоятельства, при которыхъ проектъ, отклоненный вслѣдствіе соображеній, сторонних самому проекту, или вслѣдствіе дефектовъ, которыхъ не сумѣли во время устранить, но которые не представляются существенными, весьма желательно принять въ теченіе той же сессіи. Противъ вторичнаго его разсмотрѣнія можно было бы привести развѣ одно соображеніе,—именно, что такая возможность вторичнаго внесенія того же проекта можетъ влечь за собой слишкомъ большую потерю времени на обсужденіе проекта, непріемлемаго для думы. Но такъ какъ дума имѣетъ право устранять явно безцѣльныя предложенія путемъ постановки предварительнаго вопроса, то съ попытками создавать обструкцію думской дѣятельности путемъ упорнаго внесенія проектовъ немедленно послѣ того, какъ они были отклонены, дума имѣетъ полную возможность бороться и помимо такого устраненія права вторичнаго внесенія отвергнутаго законопроекта.

Эта статья наказа, очевидно, навѣяна ст. 53 учрежденія госуд. думы. Но въ статьѣ этой говорится о проектахъ, которые вносятся въ думу извнѣ ея, или о законопроектахъ, не удостоившихся высочайшаго утвержденія. По отношенію къ такимъ законопроектамъ имѣетъ нѣкоторое значеніе принципіальное устраненіе

возможности вторичнаго внесенія въ ту же сессію. Но такая мѣра гарантіи—совершенно излишняя по отношенію къ проектамъ, исходящимъ отъ самой думы, о которыхъ, очевидно, только и говоритъ § 53 наказа Поэтому, мы считаемъ результатомъ недоразумѣнія, которое обусловливается отчасти неудачнымъ текстомъ этого §, замѣчаніе А. А. Пиленко, усматривающаго въ этой статьѣ ограниченіе права верховной власти на законодательную инціативу, § этотъ вовсе не относится къ законопроектамъ, вносимымъ въ думу правительствомъ.

Едва ли могутъ возбудить какія-либо сомнѣнія въ настоящее время тѣ статьи наказа, которыя представляютъ думѣ возможность бороться съ безконечнымъ потокомъ депутатскихъ рѣчей, ни для кого и ни для чего не нужныхъ. Можно поэтому привѣтствовать §§ 119 и слѣдующіе, нормирующіе этотъ вопросъ. Согласно этимъ §§, ограничено число ораторовъ, которые должны быть выслушаны думой по вопросу о сокращеніи и прекращеніи преній.

Въ засѣданіи думы возбудили наиболѣе горячія пренія не эти правила, а другія, касающіяся порядка предъявленія и обсужденія запросовъ. Согласно ст. 77 проекта наказа, при обсужденіи срочности запросовъ, а также при принятіи запросовъ по существу, допускается говорить лишь двумъ ораторамъ. Какъ указывалъ докладчикъ, комиссія вводила это постановленіе не потому, что она хотѣла ограничить права думы. Комиссія полагала, что самый важный моментъ при обсужденіи запроса заключается не въ томъ, чтобы обсудить его послѣ выслушанія министерскихъ объясненій. Дума приняла предположенія комиссіи лишь

отчасти, ограничивъ число ораторовъ при обсужденіи вопроса о срочности, но отвергнувъ это ограниченіе при обсужденіи запроса по существу.

Легко догадаться, что было мотивомъ къ отвергнутію этого ограниченія. Оно нѣсколько сокращало тѣ рѣчи по запросамъ, которыя до сихъ поръ можно было произносить въ три пріема: разъ при обсужденіи срочности, другой разъ при обсужденіи запроса, третій разъ при обсужденіи отвѣта министра. Эта многократность обсужденія соблазнительна для тѣхъ, кто въ обличительныхъ рѣчахъ видитъ центръ тяжести думской дѣятельности. Отказаться отъ какого бы то ни было повода къ признанію подобныхъ рѣчей съ этой точки зрѣнія — нецѣлесообразно. И всѣ доводы, указывавшіе на совершенную безцѣльность теперешняго порядка, оказались напрасными.

Правила, касающіяся внѣшняго порядка веденія думскихъ засѣданій, не вызвали возраженія.

Совершенно безспорнымъ является постановленіе § 113, согласно которому никакихъ замѣчаній и преній по поводу распоряженій предсѣдателя не допускается. Мы говоримъ, что положеніе это совершенно безспорное, такъ какъ иначе стало бы совершенно невозможнымъ правильное веденіе дѣлъ въ законодательномъ собраніи; но, къ сожалѣнію, у насъ эта элементарная истина парламентскаго строя все еще не усвоена не только публикой, но даже и значительной частью парламента.

Въ связи съ вопросомъ о наказѣ жизнь выдвинула чрезвычайно важный вопросъ о значеніи того распубликованія наказа, которое предписываетъ ст. 62 учрежд. гос. думы. Какъ извѣстно, сенатъ отказался распубли-

ковать наказъ, принятый первой думой, считая, что нѣкоторыя постановленія этого наказа находятся въ противорѣчіи съ закономъ.

Нужно ли доказывать, что право сената надзирать за законностью дѣятельности думы находилось бы въ вопіющемъ противорѣчіи съ самой идеей народнаго представительства и правъ законодательнаго собранія? И какъ ни плохо наше учрежденіе государственной думы, было бы клеветой противъ нея утвержденіе, что въ законѣ имѣются указанія на такое право надзора сената. О сенатѣ въ учрежденіи государственной думы говорится одинъ только разъ [1]): именно, ст. 62 говоритъ, что „наказъ... публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ правительствующій сенатъ“. Можно ли изъ этой статьи сдѣлать выводъ, что сенатъ имѣетъ право надзора за законностью дѣятельности думы, ибо признаніе обязательности мнѣнія сената о томъ, что та или другая статья наказа противорѣчитъ закону и не можетъ быть допущена,—является осуществленіемъ права надзора. Намъ думается, что сколько-нибудь безпристрастное толкованіе этой статьи должно привести къ отрицательному отвѣту на вопросъ. Значеніе этой публикаціи раньше всего опредѣляется ея цѣлью, а цѣль эта—сообщеніе „во всеобщее свѣдѣніе“. Уже отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что задача сената при этомъ отнюдь не надзирающая за законностью дѣйствій думы. Далѣе, законъ говоритъ, что наказъ „публикуется“; этотъ способъ выраженія не оставляетъ мѣста для какихъ-либо сомнѣній, что передача въ сенатъ происходитъ исключительно въ

[1]) Ст. 33, тоже упоминающая о сенатѣ, къ этому вопросу не относится.

цѣляхъ распубликованія, но отнюдь не для разсмотрѣнія его съ точки зрѣнія законности содержанія. Въ этомъ легко убѣдиться, сопоставивъ ст. 62 со статьями законовъ основныхъ, трактующихъ о распубликованіи законовъ. Именно, ст. 91, говорящая, что „законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе правительствующимъ сенатомъ въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся". Между тѣмъ, ст. 62 учр. о думѣ подобной оговорки не содержитъ Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что, принявъ по тому или другому вопросу тотъ или иной порядокъ внутренняго дѣлопроизводства, дума отнюдь не обязана пріостановиться приведеніемъ его въ исполненіе впредь до утвержденія правила этого сенатомъ. Насколько намъ извѣстно, такого требованія еще никто въ думѣ не предъявлялъ. Такимъ образомъ, распубликованіе подробностей внутренняго распорядка отнюдь не составляетъ условія его дѣйствительности. Отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что, отправляя функцію распубликованія наказа, сенатъ отнюдь не является органомъ надзора по отношенію къ думѣ.

Конечно, сенатъ не является при этомъ простой передаточной инстанціей. Если ему подъ видомъ наказа будетъ сообщенъ документъ, несоотвѣтствующій формальнымъ требованіямъ наказа (такъ, напримѣръ, написанный не тѣми лицами, которыя на подписаніе уполномочены), то по этимъ формальнымъ соображеніямъ сенатъ можетъ отклонить опубликованіе наказа. Но если документъ соотвѣтствуетъ всѣмъ внѣшнимъ требованіямъ, предъявляемымъ закономъ къ наказамъ, таковой долженъ быть безу-

словно опубликованъ сенатомъ. Въ этомъ не оставляетъ и тѣни сомнѣнія какъ текстъ ст. 62, такъ точно и взаимное отношеніе сената и думы. Это преувеличенное значеніе, придаваемое многими распубликованію наказа сенатомъ, обусловливается, очевидно, въ значительной мѣрѣ тѣмъ значеніемъ, которое это распубликованіе имѣло у насъ до введенія у насъ парламентскаго строя Надо при этомъ замѣтить, что и тогда вопросъ о значеніи распубликованія актовъ былъ не такимъ простымъ и безспорнымъ, какъ это теперь кажется многимъ. Мы не будемъ, однако, осложнять нашей аргументаціи разсмотрѣніемъ, хотя и крайне любопытнаго самого по себѣ, вопроса о значеніи этого опубликованія законовъ и другихъ правительственныхъ актовъ сенатомъ. Замѣтимъ только, что раньше значеніе правительствующаго сената при распубликованіи актовъ, передаваемыхъ ему съ этой цѣлью министрами, осложнялось тѣмъ, что эти министры являлись органами власти, по закону подчиненными сенату, поэтому, то или иное отношеніе къ этимъ препровождаемымъ ему для распубликованія актамъ могло обусловливаться отношеніемъ подчиненія, съ одной стороны, и надзора,—съ другой. Но теперь, когда такое отношеніе не связываетъ думы съ сенатомъ, вопросъ значительно упрощается, и за сенатомъ не можетъ быть признано никакихъ правъ по отношенію къ думѣ, которыя закономъ прямо не установлены. А такое право контроля не установлено въ той единственной статьѣ въ учр. гос. думы, которая говоритъ о сенатѣ.

Какъ извѣстно, совершенно такой же вопросъ возникъ и относительно наказа, принятаго государствен-

нымъ совѣтомъ. Прав. сенатъ и его отказался распубликовать, хотя и мотивировалъ свой отказъ въ выраженіяхъ болѣе почтительныхъ, нежели онъ это сдѣлалъ по отношенію къ государственной думѣ. Какое характерное различіе въ тонѣ! Государственный совѣтъ, дѣйствительно, заслужилъ такой болѣе вѣжливый тонъ обращенія, онъ добровольно подчинился сенатской цензурѣ. Государственная дума игнорировала опредѣленіе сената. Это единственно достойный отвѣтъ для законодательнаго органа на посягательства подзаконнаго учрежденія, вмѣшивающагося въ ту сферу дѣятельности думы, которая предоставлена его усмотрѣнію. Это усмотрѣніе не означаетъ, конечно, его произвола, оно означаетъ, что эта дѣятельность думы находится внѣ контроля другого какого-либо учрежденія. Надо ли доказывать, что такой контроль былъ бы несовмѣстимъ съ самой идеей законодательнаго учрежденія? Сенатъ этого не понялъ. Равнодушное молчаніе думы—лучшій отвѣтъ на такое непониманіе элементарныхъ основъ конституціи.

Стремленіе покуситься на автономность думы проявилось еще въ одномъ случаѣ—именно, по отношенію къ государственному совѣту. Какъ ни отличенъ этотъ случай сравнительно съ отказомъ сената распубликовать наказъ государственной думы, въ обоихъ случаяхъ есть одно общее: покушеніе на автономность высшаго законодательнаго учрежденія страны. Вопросъ возникъ по поводу законопроекта о военно-полевыхъ судахъ, принятаго государственной думой.

Общій вопросъ сводится къ тому, имѣетъ ли право государственный совѣтъ въ случаяхъ, когда думой дѣйствительно допущены неправильности при разсмо-

трѣніи проекта закона, на этомъ основаніи признать для себя невозможнымъ самое обсужденіе проекта по существу. Опредѣленіе взаимныхъ отношеній нашихъ двухъ законодательныхъ учрежденій, одинъ изъ основныхъ вопросовъ нашего новаго государственнаго права, и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Посмотримъ, прежде всего, каково соотношеніе тѣхъ дѣйствій, которыя должно предпринять каждое изъ этихъ законодательныхъ учрежденій при обсужденіи законопроекта? Даетъ ли одно санкцію рѣшенію другого? Ничего подобнаго. Законопроектъ можетъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ думѣ и затѣмъ перейти въ совѣтъ, движеніе проекта можетъ быть и обратное, но взаимоотношеніе обоихъ учрежденій заключается въ томъ, и только въ томъ, что проектъ, бывшій предметомъ разсмотрѣнія одного изъ нихъ, долженъ затѣмъ поступить на разсмотрѣніе другого, и если рѣшенія обоихъ учрежденій оказываются однородными, то проектъ закона представляется монарху, отъ котораго зависитъ дать или не дать проекту свою санкцію. Итакъ, по самому существу той работы, которая выполняется обоими учрежденіями, ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни правъ, ни обязанности разсмотрѣнія способа дѣятельности другого при выполненіи имъ его части работы.

Для того, чтобы при такихъ условіяхъ одно изъ этихъ учрежденій получило право критики способа работы другого, нужно было бы прямое указаніе закона. Было бы напраснымъ трудомъ въ нашемъ сводѣ законовъ въ учрежденіяхъ государственныхъ искать такую статью. Нужно, далѣе, имѣть въ виду, что для установленія такого права нужна была бы не одна какая-

либо спеціальная статья, необходимо было бы нормировать порядокъ, который гарантировалъ бы возможность осуществленія этого права. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы въ дѣйствительности рѣшить вопросъ о томъ, былъ ли правильно разсмотрѣнъ въ думѣ или государственномъ совѣтѣ законопроектъ, надо имѣть прежде всего оффиціально установленныя свѣдѣнія о томъ, какъ происходило это разсмотрѣніе; надо, далѣе, чтобы свѣдѣнія эти были своевременно доставлены и чтобы до того, какъ свѣдѣній этихъ нѣтъ, не происходило разсмотрѣніе проекта. Въ нашихъ учрежденіяхъ государственныхъ не содержится и намека на установленіе чего-либо подобнаго. Или „Россія“ полагаетъ, что государственный совѣтъ можетъ обсуждать порядокъ дѣйствій государственной думы на основаніи газетныхъ отчетовъ, надѣясь на то, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда двери засѣданій будутъ закрываться, „Новое Время“ будетъ все же печатать достаточно подробный отчетъ о засѣданіяхъ думы. Необходимы были и другія многочисленныя нормы, которыми бы опредѣлился порядокъ „кассаціи“ законопроекта, неправильно разсмотрѣннаго.

Мы полагаемъ, поэтому, что согласно нашимъ законамъ, государственный совѣтъ, получивъ въ надлежащей формѣ отъ государственной думы принятый ею законопроектъ, долженъ разсматривать этотъ законопроектъ какъ принятый думой съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ формъ, которыя закономъ для этого установлены. Забота о томъ, чтобы всѣ эти формы дѣйствительно соблюдались, лежитъ на самой государственной думѣ. И, само собой, на такую же полную автономность по отношенію къ государственной думѣ можетъ претендо-

вать и государственный совѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ разсмотрѣнный законопроектъ переходитъ на разсмотрѣніе государственной думы.

Эта полная внутренняя независимость думы и государственнаго совѣта, съ очевидностью вытекающая изъ закона, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно цѣлесообразной формой ихъ взаимныхъ отношеній. Возможность конфликтовъ между этими двумя учрежденіями всегда налицо; слѣдуетъ не увеличивать, а, по возможности, уменьшать эту возможность.

Когда рѣчь идетъ о судьбѣ закона по существу, съ этими конфликтами приходится мириться, это вытекаетъ изъ самаго порядка разсмотрѣнія существа проекта въ двухъ другъ отъ друга независимыхъ и различнымъ образомъ организованныхъ учрежденіяхъ. Но когда къ этому присоединяются разногласія по вопросу о томъ, правильно ли была сама процедура разсмотрѣнія законопроекта, когда одна инстанція начинаетъ вмѣшиваться въ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ другой инстанціей, то тутъ появляются тренія совершенно излишнія. Система двухъ палатъ отнюдь не преслѣдуетъ задачи кассаціоннаго контроля одной надъ порядками другой, она имѣетъ въ виду цѣли совершенно другія.

Въ западно-европейскомъ конституціонномъ правѣ разсматриваемый вопросъ не вызываетъ сомнѣній. Въ англійскомъ правѣ еще Блекстонъ выставилъ слѣдующее положеніе: вопросъ, возникающій относительно одной изъ палатъ, каковъ бы вопросъ этотъ ни былъ, долженъ быть обсужденъ и рѣшенъ въ той палатѣ, къ которой онъ относится. Каждая изъ палатъ,—говоритъ извѣстный знатокъ дѣловой практики англійскаго парламента Реглихъ,—является исключительнымъ судьей

при толкованіи и примѣненіи правилъ, коими опредѣляется порядокъ ея дѣятельности. Совершенно такова же точка зрѣнія и французской практики, и теоріи.

Исходя изъ принципа автономности каждой палаты, предсѣдатель палаты депутатовъ (Гамбетта) въ 1879 г. заявилъ, что нельзя въ одной палатѣ даже ссылаться на авторитетъ другой для того, чтобы одну привопоставить другой. Въ интересахъ достоинства обѣихъ палатъ, каждая должна быть совершенно свободна въ своей сферѣ. Въ засѣданіи сената 18 февраля 1880 г. предсѣдатель сената неоднократно обращаетъ вниманіе собранія на то, что ни одинъ сенаторъ не долженъ высказываться по вопросу о томъ порядкѣ, котораго придерживалась палата депутатовъ.

Мы не представляемъ себѣ серьезныхъ юридическихъ доводовъ противъ такой постановки вопроса, съ неизбѣжностью вытекающей изъ самаго понятія автономности высшихъ законодательныхъ учрежденій, понятія, котораго никто вѣдь не оспариваетъ. Остается чисто обывательское возраженіе: ну, какъ же быть, когда порядокъ, закономъ установленный, все же будетъ нарушаться государственнымъ совѣтомъ или государственной думой? Нужно же, чтобы кто-нибудь смотрѣлъ за этимъ—вотъ отраженіе нашей закоренѣлой привычки искать въ системѣ инстанцій, другъ другу подчиненныхъ, спасенія противъ ошибокъ или злоупотребленій. Но когда мы имѣемъ дѣло съ высшими государственными учрежденіями, система надзора внѣшняго, система инстанцій должна быть по необходимости отброшена. Правильная организація этихъ учрежденій, широкій общественный контроль, возможность воздѣйствія орга-

низованнаго общественнаго мнѣнія—вотъ, чѣмъ должна гарантироваться правильность дѣйствій высшихъ законодательныхъ органовъ.

Государственный совѣтъ, отвергнувъ по существу законопроектъ, отвергъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе тѣхъ, кто желалъ, чтобы совѣтъ отказался отъ разсмотрѣнія законопроекта по соображеніямъ чисто формальнымъ. Такимъ образомъ, мы можемъ считать установленнымъ и въ нашей практикѣ обѣихъ палатъ, что каждая изъ нихъ совершенно самостоятельно, внѣ контроля другой палаты, дѣйствуетъ въ отмежеванныхъ ей предѣлахъ.

Правильно понятымъ задачамъ цѣлесообразной организаціи думской работы должно было служить, кромѣ утвержденія наказа, и еще утвержденіе штатовъ.

Необходимо, къ сожалѣнію, констатировать, что часть депутатовъ не отнеслась къ этому вопросу съ той серьезностью, которая требовалась по существу вопроса, которая требовалась во имя сознанія значенія и важности думы, которымъ, казалось бы, должны были быть проникнуты всѣ депутаты безъ различія партій. Штаты критиковались съ точки зрѣнія высоты окладовъ, совершенно независимо отъ вопроса о тѣхъ техническихъ задачахъ, которыя падаютъ на думскую канцелярію, критиковались съ точки зрѣнія окладовъ служащихъ земскихъ учрежденій, съ точки зрѣнія принципа уравненія доходовъ всѣхъ служащихъ, безъ различія важности и трудности выполняемыхъ ими функцій. Секретарь думы совершенно правильно указывалъ на то, что гг. члены гос. думы не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ задачи канцеляріи думы. „Канцелярская работа весьма обширна по своему количеству и

весьма сложна по существу. Лица, работающія въ канцеляріи, не имѣютъ ни времени, ни срока, не имѣютъ возможности заниматься никакими другими дѣлами, потому что работа въ канцеляріи г. думы исчерпываетъ ихъ силы и время. Здѣсь работаютъ сплошь и рядомъ за полночь, приходя съ утра. Здѣсь работа срочная, и не можетъ быть вопроса, что время уже прошло, здѣсь нѣтъ рѣчи о 8-ми часовомъ или другомъ рабочемъ днѣ. Здѣсь рабочій день измѣряется одной потребностью. Поэтому мы должны считаться съ напряженіемъ людей и должны ихъ вознаграждать. Если на штатахъ будемъ дѣлать экономію, то я утверждаю, что эта экономія будетъ дурной".

Но, очевидно, стремленіе доказать свою заботу о народной копѣйкѣ оказалось чрезмѣрно соблазнительнымъ для нѣкоторыхъ депутатовъ, которые не остановились предъ требованіемъ сокращенія штатовъ для врачей на томъ основаніи, что можно найти и врачей подешевле и, въ крайнемъ случаѣ, среди депутатовъ найдутся врачи, которые окажутъ медицинскую помощь. Но если по этому вопросу стремленіе къ нѣкоторой экономіи шло лишь въ ущербъ личной безопасности преимущественно депутатовъ, то даже и этого соображенія нельзя привести въ оправданіе стремленія урѣзать штаты думской библіотеки. Тутъ приходится откровенно признать, что споръ противъ высокихъ штатовъ могъ обусловливаться только однимъ,—говорили люди, которые въ лучшемъ случаѣ не понимали того, что такое библіотекарь, каковы обязанности, на него падающія, каковъ уровень знаній, которымъ онъ долженъ отвѣчать, а въ худшемъ случаѣ не понимавшіе и того, каково значеніе спеціальной библіотеки при

государственной думѣ. Этимъ депутатамъ могло казаться, что если нѣкоторые депутаты могутъ говорить по всѣмъ вопросамъ правовымъ и хозяйственнымъ безъ всякой научной подготовки, то и думѣ не нужна хорошая библіотека.

Къ сожалѣнію, въ результатѣ этихъ рѣчей вопросъ вновь переданъ въ комиссію. Но можно опасаться, что, относясь къ нему съ той точки зрѣнія, которая мѣткимъ французскимъ выраженіемъ характеризуется какъ économie de bouts de chandelle, дума лишитъ секретаріатъ возможности правильно и цѣлесообразно организовать весь внутренній распорядокъ.

VII.
Аграрный вопросъ.

Но какъ ни тяжело положеніе думы, которой приходится работать при такомъ министерствѣ, съ такими представленіями о конституціонализмѣ и правовомъ государствѣ, тѣмъ не менѣе обѣщаніе министерства предоставить думѣ разсмотрѣть законопроекты, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ нашего государственнаго строя, направленныхъ на гарантію личной неприкосновенности и политическихъ свободъ населенія, должно было естественно вызвать въдумѣ стремленіе къ законодательной работы. Можно было чрезвычайно сомнѣваться въ томъ, удастся ли второй думѣ провести въ жизнь законы, построенные на началахъ дѣйствительной свободы гражданъ, и не придется ли удовольствоваться частичными уступками. Но и эти уступки, не давъ дѣйствительнаго удовлетворенія народнымъ требованіямъ и народнымъ нуждамъ, могли бы дать однако возможность лучше и скорѣе подготовиться къ болѣе свѣтлому будущему, когда, вмѣсто полусвободъ, народъ получитъ полную свободу, вмѣсто незначительныхъ облегченій въ области своихъ экономическихъ нуждъ, дѣйствительную помощь, которая дастъ ему возможность на новыхъ началахъ заложить основы дѣйствительнаго

народнаго благосостоянія. Или, быть можетъ, придется на время вовсе отказаться отъ законодательныхъ реформъ, какъ обѣщающихъ призракъ свободы и призракъ благосостоянія, а потому къ злу беззаконія и нищеты лишь прибавляющихъ обманъ и самообманъ. Во всякомъ случаѣ,—работа, которая будетъ направлена думой на разработку тѣхъ законопроектовъ, о которыхъ говоритъ министерство, не могла пропасть даромъ. Дума должна была вѣрить тому, что проекты, которые она выработаетъ, которые будутъ построены на принципахъ истинной свободы и дѣйствительнаго стремленія къ благосостоянію народныхъ массъ, лягутъ въ основу будущей русской жизни, какова бы ни была ихъ ближайшая судьба. И если правительство встанетъ теперь на пути народнаго представительства къ этимъ началамъ права и справедливости, оно сорганизуетъ народъ въ его стремленіи къ этимъ благамъ, безъ которыхъ жить больше нельзя.

Но, конечно, лицомъ къ лицу съ министерствомъ, отстаивающимъ всю полноту своей власти и не желающимъ серьезно считаться съ народнымъ представительствомъ, не желающимъ даже знать мнѣніе о немъ этого представительства, задача государственной думы становится чрезвычайно затруднительной Нужна вся сила самообладанія для того, чтобы въ этой тяжелой и неравной борьбѣ не выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ, которые отмежеваны закономъ думѣ.

И задача партіи народной свободы заключалась въ томъ, чтобы удержать думу въ этихъ предѣлахъ разработки законопроектовъ, направляя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ усилія къ тому, чтобы достигнуть при этомъ возможно лучшихъ результатовъ.

Конечно, наибольшія трудности для думы были связаны съ аграрнымъ законодательствомъ, съ тѣмъ самымъ законодательствомъ, которое безусловно является наиболѣе больнымъ нашимъ мѣстомъ, которое болѣе всего содѣйствовало роспуску первой думы, которое вызвало наибольшій расцвѣтъ правительственной дѣятельности на основаніи ст. 87 въ долгій періодъ междудумья

Пренія по аграрному вопросу въ думѣ остались однако лишь въ предѣлахъ вопроса о дальнѣйшемъ его направленіи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніяхъ различныхъ партій къ аграрной реформѣ вторая дума дала немногое. Именно потому, что пренія все время оставались въ предѣлахъ общей принципіальной постановки вопроса, партіи не имѣли основаній отказываться отъ развитія своихъ программъ въ чистомъ видѣ. Та стадія работы, когда надо принимать или отвергать законопроектъ, когда, слѣдовательно, практическіе интересы требуютъ того, чтобы не приносить жизни въ жертву теоріи, когда надо идти на компромиссы, чтобы получить если не все, то. во всякомъ случаѣ, многое,—была еще далеко впереди. И такъ какъ такимъ образомъ пренія по аграрному вопросу оставались въ думѣ въ предѣлахъ этой принципіальной его постановки, то пренія эти не дали ничего существенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что дала первая дума и партійныя работы по аграрной реформѣ.

Но если по существу разсмотрѣніемъ этой реформы вторая дума и не дала много новаго, то, во всякомъ случаѣ, самый ходъ преній, включая всѣ тѣ ненормальности, которыя были при этомъ допущены, предста-

вляютъ много любопытнаго, какъ чрезвычайно интересно и поведеніе правительства въ думѣ по этому вопросу, того правительства, которое такъ спѣшно законодательствовало согласно ст. 87 во время перваго междудумья и которое спѣшитъ довершить это законодательство во время второго междудумья, угрожая фактическимъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса. Новый оригинальный способъ пользованія роспусками парламента для реформаторской дѣятельности и притомъ въ области соціальнаго законодательства.

Въ настоящихъ очеркахъ дѣятельности второй государственной думы мы ограничимся поэтому разсмотрѣніемъ отношенія правительства къ аграрной реформѣ, отношенія, которое, несомнѣнно, потерпѣло нѣкоторую эволюцію сравнительно съ его отношеніемъ во время первой думы и, засимъ, самой постановкой аграрнаго вопроса во второй думѣ. По вопросамъ програмнаго свойства, мы отсылаемъ читателей къ третьему выпуску сборника „Государственная дума“, изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова.

Въ своей первой программной рѣчи предсѣдатель совѣта министровъ лишь слегка затронулъ аграрный вопросъ. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія, сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ, „стоитъ предъ задачей громаднаго значенія. Оно призвано г л а в н ы м ъ о б р а з о м ъ содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе экономически слабымъ, неспособнымъ, путемъ занятій своимъ исконнымъ земледѣльческимъ промысломъ, обезпечить себѣ безбѣдное существованіе. Поэтому, главное управленіе

поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченія этого землевладѣнія, т. е. землеустройство". Конечно, такое признаніе важности вопроса улучшенія крестьянскаго благосостоянія никакой цѣны не имѣетъ. Трудно было бы даже и представить себѣ такое правительство, которое въ принципѣ не признавало бы этой важности. Вопросъ въ томъ, какъ правительство предполагаетъ достигнуть этихъ результатовъ улучшенія положенія обездоленнаго крестьянства. И въ этомъ отношеніи декларація содержитъ въ себѣ крайне мало. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать серьезной программной постановкой вопроса заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ, что „способъ устраненія остраго малоземелья главное управленіе видитъ въ льготной соотвѣтственно цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ пріобрѣтателя продажѣ земель земледѣльцамъ". Крестьянство не перестаетъ жадно пріобрѣтать землю, крестьянскій банкъ оказываетъ извѣстное въ этомъ отношеніи содѣйствіе, но это не только не разрѣшаетъ крестьянскаго вопроса, но порой даже затрудняетъ радикальное его разрѣшеніе. Вопросъ заключается въ томъ, какъ передать землю земледѣльцу, не заставляя его переплачивать за эту землю,—и на этотъ основной вопросъ аграрной реформы въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ нѣтъ отвѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать отвѣтомъ фразу о томъ, что цѣны земель должны соотвѣтствовать цѣнности покупаемаго, когда весь вопросъ въ томъ, какъ будетъ опредѣляться эта цѣнность и какими средствами цѣнность эта будетъ приводится въ соотвѣтствіе съ продажными цѣнами. А когда, затѣмъ, предсѣдатель совѣта министровъ доба-

вляетъ, что продажа земель должна быть приведена въ соотвѣтствіе съ платежными способностями пріобрѣтателя, то этимъ вносится такая полная неопредѣленность, что всякое значеніе этой декларації министерства по аграрному вопросу уничтожается. И, конечно, замѣчаніе, что „для успѣха дѣла увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія надлежитъ связать съ улучшеніемъ формъ землепользованія, для чего необходимы мѣры поощренія и, главнымъ образомъ. кредитъ“, и что съ этой цѣлью „главное управленіе намѣрено идти... путемъ широкаго развитія и организаціи кредита земельнаго, мелиоративнаго и переселенческаго“,—ни въ чемъ не измѣняетъ совершенной безцвѣтности заявленія правительства по аграрному вопросу.

Вполнѣ поэтому понятно, что та часть рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ, которая была посвящена аграрному вопросу, не могла обратить на себя особаго вниманія. Понятно, что, не смотря на всю безсодержательность первой программной рѣчи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, она все-таки содержитъ въ себѣ нѣчто большее, нежели рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, и на нее, съ этой точки зрѣнія, было совершенно основательно обращено бо́льшее вниманіе. Эта рѣчь вмѣстѣ съ тѣмъ подверглась гораздо болѣе рѣзкой критикѣ, нежели рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, но именно это свидѣтельствуетъ о томъ, что она содержитъ въ себѣ нѣчто большее, нежели эта послѣдняя рѣчь. Она дѣлаетъ кое какія уступки,—слишкомъ неопредѣленныя и ничтожныя для того, чтобы удовлетворить оппозиціонныя партіи и все же достаточныя для того, чтобы разсердить правительственныхъ союзниковъ, которые въ аграрномъ

вопросѣ проявляютъ полнуюнепримиримость, такъ какъ это для нихъ шкурный вопросъ, гдѣ не только серьезныя уступки невозможны, но гдѣ личная заинтересованность такъ велика, что теряется способность спокойной оцѣнки и тѣхъ уступокъ, которыя возможно сдѣлать безъ особаго для себя ущерба.

Конечно, и главноуправляющій землеустройствомъ началъ съ принципіальнаго признанія всей важности крестьянскаго вопроса. Можно подумать, что правительство считаетъ такое признаніе извѣстной уступкой съ своей стороны, которая даетъ ему право быть болѣе скупымъ при предоставленіи другихъ уступокъ. „Мы думаемъ", – заявилъ главноначальствующій землеустройствомъ",—что нормальныя условія жизни и труда подавляющей массы населенія Россіи, т. е. крестьянства, наступятъ тогда, когда сельско-хозяйственному промыслу будетъ отведено соотвѣтствующее ему мѣсто. Это мѣсто въ странѣ земледѣльческой можетъ быть только первенствующимъ и главенствующимъ.

Тогда, когда это осуществится, я думаю, настанетъ новая эра существованія нашего государства, въ томъ числѣ и новая эра существованія крестьянства. Эра обнищанія прекратится и настанутъ времена благополучія".

Но главноначальствующій не считаетъ возможнымъ остаться въ области этихъ благихъ пожеланій, онъ сознаетъ, что „въ рядѣ мѣръ, которыми мы стремились подойти къ этому положенію, качественному и количественному улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія отводится первенствующее мѣсто, и въ рядѣ средствъ, которыми мы къ разрѣшенію этой задачи

подходимъ, вы усмотрите, милостивые государи, что мы вполнѣ сознательно относимся къ тѣмъ неизбѣжнымъ столкновеніямъ, которыя при этомъ должны произойти между интересами отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ даже сословій".

Такимъ образомъ, главноуправляющій землеустройствомъ, повидимому, совершенно ясно сознаетъ, какъ важность вопроса, такъ и то столкновеніе интересовъ, которое неизбѣжно при радикальномъ его разрѣшеніи. „Мы сознаемъ", говоритъ онъ далѣе,—„с в о ю о б я з а н н о с т ь о х р а н я т ь н е п р и к о с н о в е н н о с т ь т ѣ х ъ г р а н е й, н а к о т о р ы х ъ э т и и н т е р е с ы с о п р и к а с а ю т с я, н о м ы, в ъ т о ж е в р е м я, с о з н а е м ъ с в о ю о б я з а н н н о с т ь э т у о х р а н у п р о с т и р а т ь н а с т о л ь к о, н а с к о л ь к о н а м ѣ ч е н н ы я г р а н и с о в п а д а ю т ъ с ъ о б щ и м и и н т е р е с а м и г о с у д а р с т в а. Тамъ, гдѣ эти грани съ этими интересами не совпадаютъ, онѣ должны быть передвинуты. Осуществленіе этого начала вы найдете въ области улучшенія формъ крестьянскаго землепользованія и въ томъ проектѣ, который мы имѣемъ честь представить на ваше заключеніе. Стоя на этой почвѣ, господа, и д о п у с к а я в ъ и з в ѣ с т н о м ъ с л у ч а ѣ п р и н у д и т е л ь н о е п е р е д в и ж е н і е г р а н и ц ъ, мы считаемъ, что мы не колеблемъ тѣхъ основныхъ началъ собственности, которыя здѣсь сегодня были справедливо названы священными. Мы думаемъ, что исключенія способны только укрѣпить основныя правила. И стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы ни на іоту не отступаемъ отъ начала частной собственности, охранять которую мы призваны".

Въ этихъ словахъ представителя правительства

невозможно не усмотрѣть признанія принципа принудительнаго отчужденія, признанія, которое должно оказаться тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начнется новая эра правительственной политики по аграрному вопросу. Эта перемѣна могла бы привести за собой то успокоеніе въ нашей крестьянскоой средѣ, котораго такъ жаждутъ всѣ, которое такъ необходимо для дѣла нашего дальнѣйшаго государственнаго строительства. И вотъ, дѣлая шагъ по этому пути, правительство обставляетъ его такими оговорками, что все его благотворное значеніе теряется... Дѣло тутъ вовсе не въ томъ, что принципъ принудительнаго отчужденія долженъ быть введенъ съ такими ограниченіями, которыя имѣютъ цѣлью обезпечить интересы землевладѣльцевъ. Вѣдь и принципъ принудительнаго выкупа съ вознагражденіемъ собственниковъ этой второй своей стороной направленъ къ огражденію интересовъ собственниковъ. И если правительство въ большей степени, нежели партія народной свободы, оказалось бы озабоченнымъ этой второй стороной аграрной реформы, то тутъ оставалось бы все же широкое поле для того, чтобы найти тотъ средній путь, который оказался бы пріемлемымъ для обѣихъ сторонъ, на которомъ обѣ стороны примирились бы, потому что, не давая рѣшенія вполнѣ удовлетворительнаго ни для одной изъ сторонъ, оно даетъ возможность выдти изъ тупика безъ чрезмѣрныхъ жертвъ для обѣихъ сторонъ. Нѣтъ, коренной недостатокъ этой правительственной декларації заключается въ томъ, что она облекаетъ обѣщаніе уступокъ въ такія формы, что вынуждаетъ не вѣрить въ искренность обѣщаній, а, между тѣмъ, въ этой искренности все дѣло, такъ какъ и обѣщанія сами по себѣ такъ

неопредѣленны, что не исполнить ихъ чрезвычайно легко.

Очевидно, въ значительной степени эта неопредѣленность позиціи, занятой правительствомъ по аграрному вопросу, привела къ тому, что предсѣдатель совѣта министровъ счелъ себя вынужденнымъ выступить еще съ одной рѣчью, посвященной спеціально этому вопросу.

Но даже и совершенно независимо отъ своего содержанія, объясненіе предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу представляетъ извѣстное значеніе. Объясненіе это явилось совершенной неожиданностью не только для думы, но, какъ упорно говорили, даже для части кабинета. Правда, слухи о декларації носились уже давно, но то обстоятельство, что слухи эти такъ долго не оправдывались, давало основаніе надѣяться на то, что министръ-президентъ отказался отъ своего намѣренія выступить по аграрному вопросу съ новой рѣчью въ дополненіе къ той, которая была произнесена въ свое время министромъ земледѣлія. Конечно, никто не можетъ усомниться въ правѣ министровъ выступать предъ думой съ заявленіями по всѣмъ вопросамъ думской дѣятельности въ тотъ моментъ, когда правительство считаетъ это необходимымъ. Но таковыя выступленія должны быть цѣлесообразны. Между тѣмъ, именно въ цѣлесообразности новой министерской декларації въ тотъ моментъ, когда она была сдѣлана, можно усомниться. Аграрныя пренія, затянувшіяся безъ конца, потеряли всякій интересъ, а съ момента избранія комиссіи, приступившей уже къ работѣ, потеряли и всякое значеніе. Пренія эти умирали естественной смертью. И вотъ, въ такой

моментъ предсѣдатель совѣта министровъ бросаетъ въ этотъ гаснущій костеръ думскаго краснорѣчія новый богатый горючій матеріалъ.

Выступленіе предсѣдателя совѣта министровъ является нецѣлесообразнымъ еще и по другому основанію. Совершенно очевидно, что между точкой зрѣнія министерства и думскаго большинства на аграрный вопросъ цѣлая пропасть. Задача министерства, очевидно, не въ томъ, чтобы расширять или даже демонстративно раскрывать эту пропасть, но въ томъ, чтобы по возможности перекинуть черезъ нее мостъ. Каковы бы ни были убѣжденія правительства по аграрному вопросу, оно, во всякомъ случаѣ, должно понимать, что желанія и симпатіи населенія, несомнѣнно, на сторонѣ не правительства, но оппозиціи. Можно допустить, что и это еще не предрѣшаетъ линіи поведенія правительства, но, во всякомъ случаѣ, это обязываетъ его дѣйствовать съ крайней осторожностью, испытывая всѣ рѣшительно средства къ тому, чтобы найти мирный выходъ изъ существующаго положенія. Именно съ этой точки зрѣнія необходимо было дѣлать всѣ дальнѣйшія заявленія, давать всѣ необходимыя объясненія не въ пленарныхъ засѣданіяхъ, но въ аграрной комиссіи.

Повидимому, чувствуя всю несвоевременность своей аграрной декларации, предсѣдатель совѣта министровъ дважды въ своей рѣчи ссылался на то обстоятельство, что представители правительства не были приглашаемы въ аграрную комиссію. Обусловливается это тѣмъ, что аграрная комиссія находилась пока еще въ стадіи предварительнаго обсужденія вопроса, когда разъясненія для комиссіи еще не представлялись необходимыми. Надо, въ общемъ, замѣтить, что у насъ ско-

рѣе наблюдается тенденція къ болѣе широкому допущенію представителей правительства въ комиссіяхъ, нежели къ стѣсненію ихъ участія. Но, во всякомъ случаѣ, если и признать, что въ данномъ случаѣ, безъ достаточныхъ къ тому основаній, министерство не было приглашено своевременно въ комиссію, то противъ этого надо было принять соотвѣтствующія мѣры, надо было,—и это было несомнѣнно не трудно—добиться такового приглашенія, но было совершенно нераціонально съ отсутствіемъ приглашенія бороться деклараціями въ думѣ.

Но, конечно, центръ тяжести не въ этихъ мотивахъ, но въ самой рѣчи.

Значительная ея часть была посвящена критикѣ проектовъ лѣвыхъ и партіи к.-д. Конечно, критика проектовъ, съ которыми правительство несогласно, составляетъ вполнѣ естественное введеніе къ изложенію собственнаго проекта, но въ такомъ случаѣ она должно было отличиться большей серьезностью и обоснованностью, нежели критика предсѣдателя совѣта министровъ. Достаточно указать хотя бы на то, что всѣ проекты лѣвыхъ партій, за исключеніемъ партіи народной свободы, слиты въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ въ одинъ проектъ. Едва ли основательно въ программной рѣчи по аграрному вопросу становиться въ положеніе человѣка, впервые пріѣзжающаго въ страну съ населеніемъ совершенно ему незнакомаго типа, когда всѣ лица сливаются въ одно лицо-чужестранца, отличающееся одной особенностью: оно не похоже на лица, хорошо знакомыя этому путешественнику. Критика проектовъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ отождествляетъ эти проекты.

Понятно, что при такой ея постановкѣ она не можетъ отличаться особой глубиной.

И, дѣйствительно, она сводится въ сущности къ двумъ положеніямъ. Отчужденіемъ земли въ пользу крестьянъ земельный вопросъ отнюдь не разрѣшается, такъ какъ населеніе, размножаясь, сдѣлаетъ недостаточными и тѣ дополнительные надѣлы, которые оно теперь получитъ. Этотъ упорно повторяемый доводъ упускаетъ, однако, изъ виду одно обстоятельство, что населеніе, получившее достаточные надѣлы, можетъ быть дальнѣйшими экономическими мѣропріятіями поставлено въ такое положеніе, чтобы не разориться вновь, благодаря дальнѣйшему дробленію земли, а страхи непомѣрнаго размноженія человѣчества, кажется, давно пора сдать въ архивъ,—для человѣчества едва ли не опаснѣе теперь возможность вымиранія.

Отнюдь не большей убѣдительностью отличается и другой аргументъ, что принудительное отчужденіе понижаетъ стимулъ къ труду, уничтожая вѣру въ то, что удастся воспользоваться его результатами. Та доля истины, которая въ этомъ возраженіи содержится, поскольку рѣчь идетъ о проектахъ крайнихъ лѣвыхъ, отнюдь не покрывается такой постановкой критики. Вѣдь, несомнѣнно, что, въ общемъ, проекты эти покушаются не на трудовой элементъ въ производствѣ, но на капиталистическій. И именно потому, что мы рѣшительно несогласны съ аграрными проектами крайнихъ лѣвыхъ партій, именно потому, что мы находимъ, что они затрудняютъ, а не облегчаютъ рѣшеніе аграрнаго вопроса,—мы съ чувствомъ крайняго сожалѣнія относимся къ такой поверхностной критикѣ этихъ проектовъ, которая, приписывая имъ недостатки, въ дѣй-

ствительности проектамъ чуждые, оставляетъ въ сторонѣ ихъ дѣйствительные пороки и тѣмъ достигаетъ одной только цѣли: поднимаетъ въ глазахъ населенія значеніе этихъ проектовъ совершенно не по заслугамъ.

Еще большей произвольностью отличается критика проекта партіи народной свободы. Быть можетъ, единственнымъ оправданіемъ для предсѣдателя совѣта министровъ можетъ служить его собственное признаніе, что „въ этомъ проектѣ не все для меня понятно". Но не было ли бы правильнѣе въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы подвергнуть проектъ критикѣ, подвергнуть его болѣе тщательному изученію, тѣмъ болѣе легкому, что партія съ своей стороны сдѣлала все возможное для того, чтобы облегчить это изученіе. Въ настоящее же время предсѣдатель совѣта министровъ ограничился замѣчаніями, которыя могутъ вызвать только изумленіе. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, серьезно отнестись къ тому замѣчанію, что принципъ принудительнаго отчужденія съ вознагражденіемъ владѣльцевъ подрываетъ самое понятіе собственности, подрывая увѣренность въ томъ, что земля и впослѣдствіи не будетъ отнята, а потому никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его труда могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Каждый, сколько нибудь знакомый съ проектами нашей партіи, отлично знаетъ, что на трудовое начало они, во всякомъ случаѣ, не посягаютъ и что, слѣдовательно, если впослѣдствіи понадобится дальнѣйшее принудительное отчужденіе, то, оставаясь вѣрными нашей программѣ, надо будетъ его провести, отнюдь не посягая на это начало. Во всякомъ случаѣ, собственники получатъ все то, что будетъ результатомъ приложенія ими труда, и

общество, если посягнетъ на что-либо, то развѣ на то, что будетъ результатомъ экономической, обще-культурной конъюнктуры, но отнюдь не личнаго труда.

Мы были готовы понять это боязливое и безсильное возраженіе противъ принудительнаго отчужденія, если бы правительство раздѣляло свою старую точку зрѣнія, принципіально отрицающую этотъ принципъ, какъ необходимое условіе существованія принципа частной собственности. Но предсѣдатель совѣта министровъ не стоитъ болѣе на этой точкѣ зрѣнія. И въ этомъ самая важная часть министерской декларації. Министръ президентъ прямо заявилъ, что „обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ, но въ видѣ исключенія, а не общаго правила и обставленнаго ясными и точными гарантіями закона". Это послѣднее ограниченіе не можетъ вызвать въ насъ никакихъ сомнѣній, это, конечно, очевидно для всякаго, кто понимаетъ, что въ государствѣ, кромѣ аграрнаго вопроса, имѣются еще другіе важные правовые вопросы. Что же касается перваго ограниченія, то тутъ уже не вопросъ принципа, но вопросъ мѣры, вопросъ цѣлесообразности. Предсѣдатель совѣта министровъ только вскользь коснулся этой стороны дѣла, предѣловъ цѣлесообразности при примѣненіи принципа принудительнаго отчужденія, и мы поэтому не имѣемъ основаній въ связи съ его рѣчью касаться этой сложнѣйшей стороны дѣла. Мы укажемъ только, что та часть рѣчи, въ которой долженъ былъ бы заключаться весь ея центръ, осталась намѣченной въ такой мѣрѣ блѣдно, что, кромѣ недоумѣній, она ничего не можетъ вызвать. Смыслъ ея заключается въ возможности дополнительнаго надѣленія землей путемъ добровольной скупки

землевладѣльческихъ земель. Для того, чтобы планъ этотъ могъ быть осуществленъ безъ разоренія для государства, необходимъ, во всякомъ случаѣ, рядъ мѣръ, чтобы парализовать повышеніе цѣнъ на земли, неизбѣжное при скупкѣ земель въ широкомъ масштабѣ. Не считая всего плана цѣлесообразнымъ, мы, однако, полагаемъ, что такія мѣропріятія были бы возможны. Разумное арендное законодательство, прекращеніе льготъ для дворянскаго землевладѣнія за счетъ всего государства и т. п. могли бы оказать въ этомъ отношеніи нѣкоторую пользу. Но объ этомъ въ декларації мы не находимъ ни слова. Увлекшись полемикой, предсѣдатель совѣта министровъ забылъ сказать о томъ, что могло бы придать положительной части его рѣчи видъ обоснованнаго, серьезнаго проекта, съ которымъ можно не соглашаться, но съ которымъ все же можно спорить.

Отнюдь не преувеличивая, такимъ образомъ, значеніе рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать ея принципіальнаго значенія, поскольку рѣчь идетъ о признаніи принципа принудительнаго отчужденія. Значеніе этого признанія будетъ для насъ особенно очевиднымъ при сопоставленіи этой рѣчи съ рѣчью главноуправляющаго землеустройствомъ, нами выше разобранной. Очевидно, правительство во время существованія второй думы склонялось къ признанію принципа принудительнаго отчужденія, но не отдало себѣ сколько нибудь яснаго отчета въ томъ, какъ далеко оно можетъ пойти по пути практическаго его осуществленія и вслѣдствіе этого сдѣлало признаніе этого принципа въ такой мѣрѣ искусственно, такъ недостаточно искренно,

что, подорвавъ вѣру въ священную неприкосновенность права собственности, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не успокоило и тѣхъ, кто только въ признаніи принципа принудительнаго отчужденія усматривали возможность коренной аграрной реформы.

Продолженіе преній въ думѣ по аграрному вопросу не дало, къ сожалѣнію, ничего существенно новаго, и главная вина заключается въ той неправильной постановкѣ, которая была дана этому вопросу во второй думѣ. Рѣчь шла о передачѣ всѣхъ внесенныхъ законопроектовъ — или точнѣе основныхъ началъ законопроектовъ—въ особую комиссію. По существу необходимость такой передачи не могла подлежать никакому сомнѣнію. Понятно, что обсужденіемъ вопроса объ этой передачѣ всѣ партіи должны были воспользоваться какъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы предъ лицомъ страны выяснить свои программныя взгляды на этотъ важнѣйшій для нея вопросъ.

Предъ думой было не одно, но нѣсколько предложеній, существенно между собой различныхъ, затрагивающихъ въ своемъ различіи основныя черты земельнаго вопроса. Въ то время, какъ со стороны крайней правой отрицался самый принципъ принудительнаго отчужденія земли, со стороны болѣе лѣвыхъ выдвигался принципъ націонализаціи земли и безвозмезднаго ея отчужденія. Центральное мѣсто занимали главныя основанія закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія, представленныя парламентской фракціей партіи народной свободы. Этотъ проектъ не только устанавливаетъ принципъ принудительнаго отчужденія земель, но и самыя основанія этого отчужденія, т. е. принципы опредѣленія нормы земель-

наго обезпеченія (ст. 1—4), и самаго способа опредѣленія нормъ примѣнительно къ этому принципу. Точно также большая опредѣленность внесена въ опредѣленіе того, кто имѣетъ право на такое надѣленіе. Эта опредѣленность не покупается однако цѣной насилія надъ существующими формами землевладѣнія (ст. 9—13). Сохраняется принципъ справедливой оцѣнки отчуждаемой земли по соображеніямъ съ ея нормальной доходностью и платежными силами населенія, причемъ, однако, устраняется чрезмѣрно низкая оцѣнка труда и продуктовъ (26 и 27). Опредѣляются и тѣ земли, которыя не подлежатъ принудительному отчужденію.

Понятно, основныя положенія, въ такой мѣрѣ разработанныя, даютъ достаточный матеріалъ для предва рительныхъ преній, особенно въ виду того, что имъ противопоставлялись другими партіями иныя начала аграрной реформы. Такимъ образомъ, пренія должны бы были ограничиться изложеніемъ и принципіальной защитой этихъ разнообразныхъ проектовъ, для чего каждая партія должна бы была намѣтить одного, двухъ ораторовъ Для детальнаго разсмотрѣнія вопроса моментъ, очевидно, еще не наступилъ. Между тѣмъ, пренія затягивались безъ конца. Пришлось, въ виду этого, выдѣлить на пренія одинъ день въ недѣлю и, такимъ образомъ, раздробить пренія, перемѣшавъ съ преніями по другимъ вопросамъ. Самъ по себѣ такой пріемъ не можетъ не быть названъ ненормальнымъ, хотя бы онъ и былъ неизбѣженъ, въ виду грозившей безконечной затяжки преній.

Уже во второмъ засѣданіи думы по аграрному вопросу было принято рѣшеніе избрать комиссію для обсужденія аграрныхъ законопроектовъ, поступившихъ въ

думу. Казалось бы, что такимъ рѣшеніемъ исчерпывался поставленный на повѣсткѣ вопросъ о порядкѣ направленія этихъ проектовъ, и думѣ оставалось перейти къ слѣдующимъ очереднымъ дѣламъ. Дума, однако, рѣшила иначе, постановивъ продолжать аграрныя пренія и назначивъ для этихъ преній два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, дума обрекла себя на выслушиваніе въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій „рѣчей по аграрному вопросу", лишенныхъ всякаго практическаго значенія и не преслѣдующихъ никакой реальной цѣли. Въ оправданіе такого рѣшенія, противъ котораго тщетно возражали представители партіи народной свободы, приводились соображенія о томъ, что многіе депутаты получили на мѣстахъ указанія и потому желаютъ высказаться. Депутатъ М. Стаховичъ назвалъ это желаніе законнымъ. Здѣсь, такимъ образомъ, совершенно открыто приведены мотивы чисто субъективные съ продуктивностью думской работы не стоящіе ни въ какой связи. Между тѣмъ, не могло подлежать сомнѣнію, что, съ образованіемъ комиссіи, интересъ къ разговорамъ на тему о землѣ со стороны огромнаго большинства думы окончательно утратится. Послѣ того какъ всѣ думскія фракціи успѣли высказаться въ програмныхъ рѣчахъ своихъ лидеровъ, остальныя рѣчи должны были, слѣдовательно, исходить уже отъ отдѣльныхъ депутатовъ. Новаго по существу не могло быть высказано ничего. Безпорядочныя, нудныя пренія, запутывающіяся въ подробностяхъ, перескакивающія съ одного предмета на другой, лишенныя руководящей нити,—такія пренія только дискредитируютъ думу. Въ равной мѣрѣ дисиредитируетъ думу такой образъ дѣйствій, какъ отклоненіе

предложенія объ ограниченіи времени и немедленное, вслѣдъ затѣмъ, оставленіе зала засѣданія тѣмъ самымъ большинствомъ, которое только что высказалось за неограниченное словоизверженіе.

И, тѣмъ не менѣе, никого не интересовавшія, ни для чего не нужныя пренія по аграрному вопросу тянулись еще въ теченіе многихъ засѣданій, между тѣмъ какъ дума должна была дорожить каждымъ часомъ, бывшимъ въ ея распоряженіи. И лишь съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, закончить эти пренія. Пренія закончились программными рѣчами представителей парламентскихъ фракцій. Едва ли можно придумать болѣе очевидное доказательство того, что пренія по этому вопросу велись въ думѣ не такъ, какъ ихъ вести надлежитъ. Вопросъ обсуждался въ думѣ съ точки зрѣнія желательнаго его направленія. Дума постановила избрать комиссію для разработки аграрнаго законодательства, и, слѣдовательно, весь смыслъ преній заключался только въ томъ, чтобы выяснить тѣ исходныя точки зрѣнія, которыхъ держатся разныя парламентскія фракціи въ этомъ вопросѣ. Эти пренія должны были дать извѣстныя директивы работамъ комиссіи. И вотъ, въ результатѣ длительныхъ преній оказалось необходимымъ всѣмъ фракціямъ выступить вновь съ программными рѣчами,—очевидно для того, чтобы нѣсколько выяснить все то, что удалось затемнить благодаря преніямъ.

И если эти пренія могутъ служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ ихъ вести, когда вопросъ передается въ комиссію, то тѣ партіи, которыя по преимуществу эти пренія затянули, хотѣли въ заключеніе дать образчикъ того, какъ не слѣдуетъ заканчивать пренія. Онѣ

предлагали голосовать формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой должно бы было быть выражено отношеніе думскаго большинства къ аграрному вопросу. При этомъ всѣ лѣвыя фракціи внесли свои формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Одно это обстоятельство свидѣтельствовало о томъ, въ какой мѣрѣ было не продумано поведеніе лѣвыхъ фракцій по этому вопросу. Если онѣ, въ самомъ дѣлѣ, серьезно считали съ дѣловой точки зрѣнія необходимой формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, если онѣ считали опаснымъ для дѣла простое обращеніе безъ фразъ къ текущимъ дѣламъ, то, казалось бы, имъ надлежало своевременно позаботиться о томъ, чтобы такую формулу выработать. Вѣдь времени для этого въ теченіе преній было болѣе, нежели достаточно. Съ другой стороны, по словамъ оратора одной изъ лѣвыхъ партій, такое соглашеніе представлялось и вполнѣ возможнымъ. „Наши разногласія,—замѣтилъ представитель соціалъ-демократической фракціи Церетели,—съ представителями народническихъ фракцій велики, но эти разногласія не являются вопросомъ сегодняшняго дня“. И все таки сторонники формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ не позаботились о томъ, чтобы выработать одну общую формулу,—каждая предпочла внести свою, подчеркивая въ ней особенности своего міросозерцанія, но отнюдь не стремясь къ тому, чтобы найти примиреніе съ другими, хотя и болѣе близкими партіями.

Но и помимо этого обстоятельства, свидѣтельствующаго не о дѣловомъ отношеніи къ вопросу, требованіе мотивированной формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ само по себѣ не могло носить серьезнаго характера. Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ полити-

ческую сторону вопроса—соображенія о томъ, была ли опасна съ точки зрѣнія дальнѣйшаго существованія думы такая мотивированная формула, не грозила ли она сыграть такую же роль по отношенію ко второй думѣ, какое обращеніе къ населенію сыграло относительно первой. Мы тутъ находились бы въ области политическихъ конъюнктуръ, всегда гадательныхъ, гдѣ убѣждать весьма трудно. Но мы полагаемъ, что предложеніе мотивированной формулы является непріемлемымъ съ технической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія правильной постановки думской работы. Эту сторону вопроса превосходно выяснилъ отъ имени партіи нар. свободы д. Кизеветтеръ. Онъ указалъ, что пренія велись только по вопросу о направленіи дѣла, слѣдовательно, какъ таковыя, они могли бы закончиться лишь такими постановленіями, которыя уже ранѣе были приняты,—принятіемъ или отверженіемъ основныхъ положеній законопроекта, внесенныхъ въ началѣ, или сдачей ихъ въ комиссію. Постановленіе о передачѣ ихъ въ комиссію состоялось и, слѣдовательно, какое-нибудь постановленіе по этимъ преніямъ можетъ быть только повтореніемъ постановленія, уже состоявшагося.

Эти соображенія формальнаго свойства д. Кизеветтеръ подкрѣпилъ, далѣе, указаніемъ на существо дѣла, обращая вниманіе на то, что депутаты уже избрали комиссію по аграрному вопросу, въ которую каждая партія, каждая фракція гос. думы послала своихъ представителей,—и послала ихъ туда, конечно, для того, чтобы они въ комиссіи поддерживали во всей чистотѣ и во всей полнотѣ программныя аграрныя предложенія своей фракціи. Слѣдовательно, если теперь принять формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ и

программныя указанія, касающіяся основы будущей аграрной реформы, въ виду того, что этихъ формулъ предложено уже нѣсколько, то, очевидно, что каждая изъ этихъ формулъ является повтореніемъ опять таки въ извѣстной степени программныхъ требованій. Поэтому трудно было бы провести какую-нибудь изъ этихъ формулъ, какъ имѣющихъ спеціальный фракціонный характеръ.

Принимать теперь общую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой устранены части весьма существенныя для каждой отдѣльной фракціи, значитъ давать директивы, которыя не имѣли бы существеннаго значенія для каждой отдѣльной фракціи въ той же аграрной комиссіи.

Нельзя иначе, какъ фарисействомъ, назвать замѣчаніе, сдѣланное по поводу этой рѣчи д. Ширскимъ, требовавшимъ принятія мотивированной формулы во имя интересовъ аграрной комиссіи, которую нельзя оставить безъ всякой руководящей формулы. Совершенно правильно протестовалъ противъ этого аргумента ленъ аграрной комиссіи Булгаковъ.

„Внесенные законопроекты—замѣтилъ онъ,—существенно отличаются другъ отъ друга, въ нѣкоторыхъ же своихъ частяхъ они противоположны до полной почти несогласимости. Формула, которая объединила бы въ аграрномъ вопросѣ большинство гос. думы, въ настоящее время внесена быть не можетъ. Есть слова, имѣющія различное значеніе. То же выраженіе „принудительное отчужденіе“ въ программѣ правительства, въ программѣ партіи народной свободы или во фракціи лѣвѣе ея есть вещь совершенно неодинаковая. Здѣсь дѣло не въ томъ „что“, а въ томъ „какъ“.

Поэтому, чтобы не дѣлать шага, невыполнимаго и противорѣчиваго по самому своему существу, я, какъ членъ аграрной комиссіи, членъ гос. думы, протестую противъ этого предложенія".

Впрочемъ, съ поразительной наивностью или поразительнымъ непониманіемъ д. Ширскій и самъ разъяснилъ, что эта ссылка на нужды аграрной комиссіи только предлогъ, только прикрытіе совершенно иныхъ замысловъ, прикрытіе, придуманное ради тѣхъ простодушныхъ людей, которые полагаютъ, что то, что происходитъ въ думѣ, происходитъ въ интересахъ того дѣла, ради котораго существуетъ дума. Именно, д. Ширскій, только что указывавшій на интересы комиссіи, засимъ продолжаетъ: „Мы не знаемъ, суждено ли думѣ обсуждать результаты работъ аграрной комиссіи. Не побоимся же закрѣпить рѣчи, которыя здѣсь раздавались, тѣми формулами, которыя внесены на голосованіе". Какъ поразительно выпукло въ этой фразѣ выступаетъ непониманіе необходимости сочетанія формъ парламентскаго дѣлопроизводства съ существомъ дѣла, непониманія огромнаго значенія этихъ формъ какъ необходимаго залога правильнаго веденія дѣла. Рѣчь идетъ о томъ, цѣлесообразно ли принятіе мотивированной формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ послѣ того, какъ вопросъ уже переданъ въ комиссію, а пренія обнаружили, что большинство думы не держится по вопросу какого-либо одного опредѣленнаго взгляда. А д. Ширскій, въ качествѣ представителя фракціи, желаетъ закрѣпленія рѣчей формулами. Другими словами, онъ полагаетъ, что формула перехода къ очереднымъ дѣламъ вносится не для того, чтобы привести думское большинство къ дѣловому соглашенію, но для того,

чтобы выразить все разнообразіе мнѣній разныхъ фракцій, какъ будто бы,—для этого не существовало иныхъ средствъ, какъ будто бы думѣ подобаетъ хвастать разнообразіемъ существующихъ въ ней непримиренныхъ мнѣній.

VIII.

Помощь голодающимъ и безработнымъ.

Чрезвычайно характерна для нашей государственной думы судьба вопроса о помощи голодающимъ. Вопросъ возникъ въ засѣданіи 7 марта, возникъ совершенно неожиданно. Обсужденіе было при такомъ условіи неизбѣжно хоатическимъ. Въ рѣчахъ ораторовъ, въ смѣнѣ однихъ предложеній другими не было ни послѣдовательности, ни системы. Въ засѣданіи 7-го марта Родичевъ съ отчаяніемъ заявилъ: „Мы здѣсь уже очень давно толкуемъ, но о чемъ? Обо всемъ на свѣтѣ“... Дѣйствительно, одинъ ораторъ доказывалъ, что нѣтъ возможности заниматься вопросомъ о библіотечной комиссіи, „перекладываніемъ книгъ изъ ящика въ ящикъ“, когда тысячи и милліоны крестьянъ умираютъ съ голоду. Другой говорилъ о безработныхъ города Петербурга. Третій—о столкновеніяхъ на выборахъ съ октябристами. Самое предложеніе образовать комиссію было сдѣлано въ крайне своеобразной формѣ, и притомъ совершенно неожиданно. „У насъ самая главная задача—борьба съ голодомъ нашей страны, а потому необходимо избрать комиссію для помощи голодающимъ“...

Правильно было замѣчено въ печати, что въ такомъ видѣ предложеніе, въ сущности говоря, вовсе не под-

лежало обсужденію. И дѣйствительно, трудно себѣ представить что-либо болѣе неопредѣленное. Рядомъ съ комиссіями, функціи которыхъ тщательно установлены и въ законѣ, и въ наказѣ, выдвигается новая, ни тѣмъ, ни другимъ не предусмотрѣнная и облеченная обязанностью— не то борьбы съ голодомъ, не то помощи нуждающимся. Въ рѣчахъ ораторовъ, поддержавшихъ это предложеніе, оно истолковывалось на разные лады Депутатъ Алексинскій сказалъ, что „комиссія должна, прежде всего, заняться обслѣдованіемъ положенія голодающихъ крестьянъ и выясненіемъ дѣятельности правительства и общеземскихъ организацій въ дѣлѣ помощи голодающимъ, а затѣмъ заняться вопросомъ объ изысканіи средствъ для организаціи помощи въ новыхъ болѣе широкихъ формахъ". По мнѣнію деп Буллата, комиссія должна... „кормить голодающихъ", добывая средства и отправляя ихъ на кормленіе голодающихъ. Деп. Ѳедоровъ возлагалъ на комиссію выясненіе условій, вызывающихъ голодовки, и способовъ ихъ устраненія. Деп. Хасановъ желалъ, чтобы комиссія, „не церемонясь", взяла бы всю продовольственную часть въ свои руки и передала ее въ общеземскую организацію. Наконецъ, деп. Долгополовъ ожидалъ, что комиссія выяснитъ ему, „какія мы имѣемъ права въ дѣлѣ оказанія помощи голодающимъ".

Послѣ продолжительныхъ и порой страстныхъ дебатовъ думѣ пришлось принять предложеніе Родичева— обсужденіе вопроса о продовольственной комиссіи отложить. Такой безплодный результатъ продолжительныхъ преній является раньше всего послѣдствіемъ того, что предсѣдатель допустилъ обсужденіе этого вопроса,

хотя онъ и не былъ поставленъ на повѣстку, предложилъ, даже и не давъ возможности обсудить вопросъ, въ какой мѣрѣ допустимо открытіе преній по этому для всѣхъ совершенно новому вопросу. Между тѣмъ, именно, въ данномъ случаѣ болѣе, нежели когда либо, было необходимо тщательное изучить вопросъ прежде, нежели поставить его на обсужденіе думы. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно было внесено въ думу, оно было явно непріемлемо. Можно избирать комиссію только послѣ того, какъ компетенція ея точно установлена. Въ противномъ случаѣ самые выборы происходятъ въ темную. Въ данномъ же случаѣ вопросъ еще значительно осложнился благодаря тому, что предметъ занятій комиссіи по самому существу вопроса въ чрезвычайной мѣрѣ неопредѣленный. При болѣе широкой его постановкѣ онъ даже выходитъ за предѣлы компетенціи думы, которая не имѣетъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ ни для производства изысканій, ни для принятія какихъ либо непосредственныхъ мѣръ по облегченію положенія населенія. Конечно, помощь голодающему населенію—это первый долгъ каждаго, но помогать долженъ тотъ, кто помогать можетъ, и помогать тѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи. Непростительно говорить о помощи тому, кто ея оказать не можетъ, предлагать такую помощь, которой голодающій воспользоваться не можетъ. Это значитъ возбуждать больные вопросы безъ надежды ихъ разрѣшить, это значитъ расчитывать на благодарность, безъ серьезнаго желанія ее заслужить.

И въ какой мѣрѣ предварительное обсужденіе вопроса въ парламентскихъ фракціяхъ представляется

серьезнымъ залогомъ правильнаго разрѣшенія даже и трудныхъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ обсужденіе того же вопроса о продовольственной комиссіи въ слѣдующемъ засѣданіи государственной думы 9-го марта. Не смотря на то, что соглашеніе между парламентскими фракціями и не состоялось, дума, хотя и послѣ нѣсколькихъ часовъ томительныхъ преній, все же пришла къ положительному результату, который нельзя не привѣтствовать, какъ несомнѣнное доказательство ея умѣнья справляться съ самыми трудными задачами, съ самыми неожиданными осложненіями.

Пренія начались рѣчью д. Родичева, внесшаго слѣдующее предложеніе: на основаніи ст. 5 положенія о госуд. думѣ и § 3 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи, независимо отъ общей бюджетной комиссіи, образовать особую комиссію изъ 22 лицъ, избираемыхъ отдѣлами, для разсмотрѣнія ассигнованнаго по росписи кредита на продовольственное дѣло, въ связи съ общей постановкой продовольственной операціи.

Мотивируя свое предложеніе, Родичевъ не только доказывалъ необходимость комиссіи по данному вопросу, но и необходимость ограничить предѣлы ея компетенціи. Казалось бы, мысль въ такой мѣрѣ ясная, что она не должна была ни въ комъ возбуждать какихъ либо сомнѣній. Если серьезные интересы минуты требуютъ того, чтобы палата сосредоточила на нихъ свое вниманіе, то результатъ будетъ тѣмъ болѣе благопріятный, палата будетъ въ состояніи тѣмъ скорѣй и вѣрнѣй придти на помощь населенію въ этомъ вопросѣ, чѣмъ больше будетъ сконцентрирована ея работа на опредѣленномъ, точно указанномъ вопросѣ. А затѣмъ,

конечно, каждый серьезный вопросъ народной жизни такъ тѣсно связанъ съ другими вопросами, что при желаніи захватить все то, что находится въ тѣсной между собой связи, можно легко уничтожить всякую спеціализацію въ работѣ. Эту элементарную истину, которая должна быть положена въ основу разсмотрѣнія каждаго отдѣльнаго вопроса, и особенно именно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вопросѣ, представляющемъ огромный интересъ для даннаго момента, пришлось разъяснять въ палатѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

„Если,—сказалъ Родичевъ,— госуд. дума желаетъ произвести изслѣдованіе причинъ голода, т. е. разсмотрѣть всѣ ходатайства и жалобы земледѣльческаго населенія Россіи и составить полную картину земельныхъ промысловъ и торговли земледѣльческими продуктами, то на это потребовалось бы огромное время. Кромѣ того, прежде чѣмъ начать такое изслѣдованіе, нужно поставить ясно и опредѣленно тотъ вопросъ, который будетъ подлежать изслѣдованію, потому что изслѣдованіе безъ программы будетъ однимъ безпорядкомъ, — все равно, что пренія безъ продолженій. Гос. дума подобныя изслѣдованія, изслѣдованія безъ программы, предпринимать не можетъ; не можетъ и обсуждать ихъ до тѣхъ поръ, пока программа эта не составлена.“

Къ сожалѣнію, эти аргументы, не смотря на всю ихъ очевидную убѣдительность и даже элементарность, не оказывали никакого вліянія на болѣе лѣвыя партіи.

Нѣкоторыми руководило при этомъ желаніе свести счеты съ партіей народной свободы, какъ на это указалъ д. І. Гессенъ, возражая д. Алексинскому.

„Особенно неловко чувствую я себя, выступая на эту трибуну послѣ депутата Алексинскаго, который, вмѣсто того, чтобы говорить о голодѣ, сталъ сводить свои старые счеты съ конституціонно-демократической партіей, упрекая ее въ томъ, что она голосуетъ вмѣстѣ съ правыми. Господинъ Алексинскій, очевидно, хочетъ смыть съ себя пятно, неоднократнаго голосованія правыхъ съ с.-демократіей. Но я думаю, вопросъ идетъ вовсе не о сведеніи партійныхъ счетовъ, а о томъ, какъ устранить народную нужду".

Другіе заботились о томъ, чтобы доказать, какъ широко ихъ партіи хотятъ поставить дѣло помощи, забывая, что широта постановки хороша только тогда, когда она не идетъ въ ущербъ цѣлесообразности. Защищаясь противъ упрека, что его предложеніе сузило задачи комиссіи, д. Родичевъ справедливо сказалъ: „Но въ чемъ же оно сузило? Нельзя, говорятъ намъ, оставаться глухими къ воплямъ народа, нужно накормить голодающихъ, уничтожить голодъ и идти къ народу съ дѣйствительной помощью, не со словесной, а съ денежной. Почему, господа, вы думаете, что провозглашающій эти неопредѣленности... почему вы думаете, что за нимъ чувства и сочувствіе къ страданіямъ народа? „Я накормлю тебя!" Когда знаешь, что этого не можешь сдѣлать,—это доказательство справедливости чувствъ? Намъ говорятъ, если мы не можемъ уничтожить голодъ, то мы должны помочь народу, идти къ нему съ дѣломъ... Но надо же показать, какъ это сдѣлать!"

Голосованіе показало, что эта аргументація оказалась достаточно убѣдительной для думы. Дума доказала, что правильно понимаетъ не только свои обязанности,

*

но и тѣ средства, которыя находятся въ ея распоряженіи для ихъ наиболѣе вѣрнаго выполненія.

Заявленіе, сдѣланное предсѣдателемъ совѣта министровъ въ засѣданіи 9 марта о томъ, что онъ всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію деп Родичева (по вопросу объ избраніи комиссіи для разсмотрѣнія ассигнованнаго по росписи кредита на продовольственное дѣло, въ связи съ общей постановкой продовольственной операціи), заявленіе это оказалось въ высокой степени сенсаціоннымъ. Оно дало поводъ для ряда обвиненій противъ партіи народной свободы. По существу, конечно, достаточно минутнаго размышленія для того, чтобы это сенсаціонное значеніе улетучилось. Изъ всѣхъ предложеній, сдѣланныхъ въ засѣданіи 9 марта, только предложеніе партіи народной свободы оставалось въ предѣлахъ тѣхъ правъ и функцій, которыя по закону принадлежатъ думѣ, и министръ, на словахъ щеголявшій своимъ конституціонализмомъ, не могъ упустить случая съ своей стороны засвидѣтельствовать этотъ конституціонализмъ.

Оговорки П. А. Столыпина о томъ, что, собственно говоря, дума уполномочена только на разсмотрѣніе отчета госуд. контроля, и что онъ смотритъ на данное предложеніе, какъ на запросъ правительству,—являются плодомъ недоразумѣнія и объясняются тѣмъ, что рѣчь была, очевидно, заготовлена примѣнительно къ первоначальной редакціи предложенія. Если бы предсѣдатель совѣта министровъ вчитался въ ту редакцію, которая была предложена въ засѣданіи 9 марта, то и эти оговорки должны бы были отпасть, и ему, дѣйстви-

тельно, оставалось бы только произнести свою формулу присоединенія.

Произошло то, что могло бы многократно имѣть мѣсто и въ первой думѣ.

Вѣдь, и тамъ партія народной свободы нерѣдко ломала копья, отстаивая предложенія, считавшіяся съ существующимъ положеніемъ о думѣ и отвергая тѣ, которыя, сознательно или безсознательно, выступали изъ предѣловъ, созданныхъ этимъ положеніемъ. Напомнимъ хотя бы позицію, занятую партіей по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. И тогда, какъ это случилось 9 марта, министерство должно бы было „всецѣло и всемѣрно“ присоединиться къ предложенію партіи, какъ къ единственно законному. Заключается ли въ такомъ присоединеніи какая нибудь оцѣнка сущности сдѣланнаго предложенія и санкція его возможныхъ эффектовъ? Поддерживая предложенія деп. Родичева, призналъ ли П. А. Столыпинъ, что онъ заранѣе принимаетъ къ свѣдѣнію и исполненію все то, что выработаетъ и постановитъ комиссія? Конечно, нѣтъ.

При такихъ условіяхъ трудно было бы понять неистовый шумъ, поднятый нѣкоторыми,—правда, немногими газетами,—по поводу „союза“ Родичева съ Столыпинымъ, если бы этотъ шумъ не обусловливался той же поразительной узостью и ограниченностью, которыя заставляютъ взвѣшивать ту или другую мѣру, то или другое предложеніе не съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности и пользы, а исключительно въ зависимости отъ того, какъ отнесется къ нимъ правительство. Правительство присоединилось—этого достаточно для того, чтобы кричать караулъ и произносить обычныя

пошлости объ измѣнѣ народному дѣлу, о тайныхъ переговорахъ, о погонѣ за портфелями. Конечно, этотъ примитивный пріемъ политической критики въ данномъ случаѣ особенно ярко обнаружилъ всю свою несостоятельность. Чтенія явныхъ и тайныхъ офиціозовъ и ихъ отзывовъ „о тактикѣ кадетовъ“ достаточно для того, чтобы самому предубѣжденному человѣку уяснить, какъ далеко подвинулось „соглашеніе партіи народной свободы съ правительствомъ“. Правда, существуютъ печатные органы, которые не останавливаются передъ дополненіемъ недостающихъ доказательствъ „измѣны“ фактами, измышленными въ стѣнахъ редакціи. Уличенные въ одной лжи, они немедленно сочиняютъ новую

VIII.

Помощь безработнымъ.

Полную аналогію съ вопросомъ о помощи голодающимъ представляетъ возникшій одновременно въ думѣ вопросъ о помощи безработнымъ.

Оба вопроса были выдвинуты болѣе крайними лѣвыми партіями. Это чрезвычайно любопытно съ точки зрѣнія недавняго прошлаго этихъ партій. Еще такъ недавно партія народной свободы клеймилась эпитетами измѣнницы народнымъ интересамъ только потому, что она недостаточно энергично выступала противъ возможности органической роботы въ государственной думѣ, что она не желала исчерпывающимъ образомъ перечислять возможныя работы думы. Но не въ этомъ, конечно, центръ тяжести вопроса, хотя было бы весьма желательно, чтобы необходимость такихъ измѣненій собственныхъ тактическихъ пріемовъ исправила крайнихъ лѣвыхъ отъ чрезмѣрно авторитетной, а, главное, чрезвычайно недоброжелательной критики всѣхъ, думающихъ не совсѣмъ такъ, какъ думаютъ они. Но, повторяемъ, не въ этомъ центръ вопроса. Онъ заключается, несомнѣнно, въ томъ, что совершенно неожиданно было выдвинуто два вопроса чрезвычайной трудности и сложности.

Вопросъ о помощи голодающимъ, поставленный достаточно широко, т. е. захватывающій не только вопросъ о непосредственной помощи, но и объ изученіи причинъ этого зла и мѣръ къ его устраненію, есть вопросъ объ основныхъ задачахъ нашего народнаго хозяйства. И если вопросъ объ устраненіи безработицы,— или, по крайней мѣрѣ, тяжелыхъ ея послѣдствій, —для отдѣльныхъ лицъ не представляется все же въ такой мѣрѣ кореннымъ для Россіи, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, то, съ другой стороны, это вопросъ, который остается вопросомъ и на Западѣ, вопросъ, на который не только практика, но даже и теорія не могла до настоящаго времени дать сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

Мы думаемъ, что въ самой характеристикѣ этого вопроса заключается и оцѣнка какъ степени неправильности этого предложенія, такъ и той постановки, въ которой былъ внесенъ въ думу вопросъ о помощи голодающимъ.

Раньше всего, совершенно очевидна полная непрактичность обоихъ предложеній. Если бы даже продолжительность существованія теперешней думы и была бы очень велика, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы надѣяться сколько нибудь удовлетворительно разрѣшить оба эти вопроса. Можно было, конечно, сомнѣваться и въ томъ, удастся ли второй думѣ, при томъ отношеніи правительства къ народному представительству, къ основнымъ идеямъ конституціоннаго строя, о которомъ мы говорили, справиться съ какой бы то ни было серьезной задачей. Но обязанность думы съ своей стороны исполнить все, отъ нея зависящее, для того, чтобы осуществить выпавшія на ея долю задачи.

И если не по ея винѣ задачи эти окажутся все же не достигнутыми, то вся тяжесть исторической отвѣтственности,—ибо въ условіяхъ переживаемой эпохи мы имѣемъ право говорить именно объ исторической отвѣтственности,—падетъ на правительство, и этотъ фактъ самъ по себѣ послужитъ къ укрѣпленію въ странѣ идеи представительнаго образа правленія. Но если и сама дума не сумѣетъ справиться съ тѣми задачами, которыя она себѣ ставитъ, то вина падетъ на нее. И враги думы сумѣютъ, конечно, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, постараются доказать, что задача не была исполнена не потому, что она была неисполнима, но потому, что дума была неработоспособна.

Но и помимо этого, неправильное направленіе работъ думы представляетъ и ту опасность, что отвлекаетъ силы думы, далеко не безграничныя, отъ ея непосредственной работы въ тѣхъ областяхъ, гдѣ работа эта можетъ быть въ дѣйствительности производительной.

Оба эти предложенія представляли еще одну, имъ общую, особенность: по своей неопредѣленности они легко могли принять такую форму, которая выходитъ за предѣлы компетенціи думы какъ учрежденія, не имѣющаго никакихъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ и стоящаго совершенно внѣ іерархической лѣстницы всѣхъ органовъ управленія. При такихъ условіяхъ все, что могла сдѣлать партія народной свободы, это направить оба предложенія въ русло обычнаго теченія дѣлъ, такъ какъ было совершенно очевидно, что большинство думы желаетъ, чтобы оба вопроса были подвергнуты болѣе детальному разсмотрѣнію, чтобы были исчерпаны всѣ находящіяся въ ру-

кахъ народнаго представительства средства помощи народной нуждѣ. Въ какой мѣрѣ рѣшеніе болѣе лѣвыхъ партій передать въ руки думы оба эти вопроса было твердое, видно уже изъ того, что по одному вопросу партія народной свободы осталась даже въ меньшинствѣ. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство, именно, для того, чтобы показать, что судьба голосованій по этимъ вопросамъ была въ рукахъ лѣвыхъ и что, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, хотя и съ нѣкоторыми шероховатостями и отступленіями, направленіе дальнѣйшихъ работъ, очевидно, свидѣтельствовало о томъ, что и болѣе лѣвыя партіи, какъ и партія народной свободы, желаютъ направить свои усилія къ тому, чтобы дать возможность думѣ существовать, чтобы совершить то великое дѣло успокоенія и устроенія страны, ради котораго она была выбрана народомъ съ такой твердой вѣрой въ успѣхъ.

IX.

Бюджетъ.

Разсмотрѣніе бюджета на 1907 г. нельзя не признать крайне запоздалымъ. Это было результатомъ роспуска первой думы, явно несогласованнаго съ основной обязанностью и основнымъ правомъ народнаго представительства утверждать бюджетъ. Это лишнее доказательство того, что роспускъ думы послѣдовалъ безъ соблюденія началъ конституціоннаго строя. Такимъ образомъ, впервые русское народное представительство разсматривало бюджетъ при условіяхъ явно ненормальныхъ.

Совершенно просто взглянула на вопросъ соціалъ-демократическая фракція. Она внесла предложеніе о томъ, чтобы отвергнуть бюджетъ безъ передачи его въ комиссіи. Мы полагаемъ, что дума, рѣшившаяся использовать всѣ предоставленныя ей закономъ права, употребить и исчерпать до конца всѣ средства къ тому, чтобы вывести страну изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ она очутилась, не пойдетъ въ самомъ началѣ своихъ работъ по этому вопросу на такой рѣшительный конфликтъ съ правительствомъ, который сдѣлаетъ

положеніе безвыходнымъ. Это было бы отказомъ отъ той политики медленной осады, къ которой обратилась вторая дума. Уже то обстоятельство, что предложеніе это внесено одной только фракціей, свидѣтельствовало о томъ, что оно не можетъ расчитывать на успѣхъ. Предложеніе это находится въ такомъ прямомъ противорѣчіи съ тактикой,—во всякомъ случаѣ, части, соціалъ-демократіи, отказавшейся отъ политики взорвать думу изнутри, что оно можетъ найти себѣ удовлетворительное объясненіе только все въ томъ же сознаніи безотвѣтственности меньшинства, которое, къ сожалѣнію, имѣетъ слишкомъ часто рѣшающее значеніе для нашей крайней оппозиціи. Но какъ бы то ни было, предложеніе это было внесено въ думу, и одно уже это создало необходимость предварительныхъ преній въ думѣ. Было очевидно, что когда въ результатѣ подробнаго обсужденія вопроса точка зрѣнія эта будетъ отвергнута въ думѣ, это значительно облегчитъ работу въ комиссіи, это сразу направитъ ее на чисто дѣловой путь. Въ полномъ соотвѣтствіи съ своими общими тактическими пріемами, партія находила необходимымъ не простой актъ отрицанія en bloc бюджета, но внимательное его разсмотрѣніе въ особой комиссіи. Сознавая, что бюджетныя права думы крайне незначительны, что быстрый успѣхъ въ борьбѣ съ финансовой политикой правительства невозможенъ, что только умѣлое использованіе немногочисленныхъ правъ думы можетъ въ результатѣ дать необходимую сильную позицію народному представительству, партія народной свободы стояла за передачу бюджета въ комиссію.

Но, понятно, дума должна при этомъ не вселять убѣжденія въ томъ, что, разсматривая бюджетъ, она

оказываетъ дѣйствительное и непосредственное рѣшающее вліяніе на все наше финансовое хозяйство.

Задача думы заключалась раньше всего въ томъ, чтобы выяснить свое положеніе по отношенію къ этому вопросу, выяснить предѣлы предоставленныхъ думѣ правъ.

На этой юридической сторонѣ вопроса обстоятельно остановился П. Б. Струве.

Основной дефектъ бюджетныхъ правъ государственной думы заключается въ томъ, что права эти были установлены въ то время, когда предполагалось, что дума будетъ законосовѣщательнымъ, а не законодательнымъ органомъ. Почти весь расходный бюджетъ предопредѣленъ для думы, такъ какъ онъ основанъ на законахъ и предписаніяхъ, обязательныхъ для думы до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ отмѣненъ въ законодательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, въ порядкѣ разсмотрѣнія бюджета огромное большинство расходныхъ статей не можетъ быть не только отмѣнено, но и сокращаемо государственной думой. И точно такъ же и относительно доходныхъ статей. Какъ это и призналъ Струве, существующіе законы въ истинномъ смыслѣ этого слова не могутъ быть и не должны быть отмѣняемы или фактически пріостановлены въ своемъ дѣйствіи попутно, въ порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи. Это начало вытекаетъ изъ начала непрерывности закономѣрнаго бытія государственныхъ учрежденій. Оно, несомнѣнно, должно быть руководящимъ началомъ политики законодательныхъ учрежденій. Но она не должна быть обращеннымъ къ нимъ предписаніемъ конституціи.

Но мало того: ст. 9 правилъ о государственной росписи изъемлетъ изъ бюджетной компетенціи государственной думы не только установленныя въ законѣ

государственныя учрежденія, но и состоявшіяся, до учрежденія и созыва государственной думы, распоряженія, по существу своему чисто-бюджетнаго характера. Понятно, что включеніе такихъ расходовъ въ неприкосновенную для думы часть росписи обусловливается не естественнымъ стремленіемъ обезпечить устойчивость всего хода государственнаго механизма, но исключительно желаніемъ оградить самостоятельность правительства отъ вмѣшательства народныхъ представителей.

При такомъ положеніи вещей задача борьбы думы съ бюджетомъ становится дѣломъ чрезвычайно неблагодарнымъ. До тѣхъ поръ, пока бюджетныя права думы не будутъ расширены, будетъ необходима огромная подготовительная работа, тяжелая законодательная дѣятельность для того, чтобы шагъ за шагомъ перестроить тѣ основанія, на которыхъ покоится весь нашъ бюджетъ. Сознаніе трудностей этого пути — тяжелое сознаніе, но было бы наивной вѣрой въ тѣ же чудодѣйствующія средства надежда на то, что при существующемъ соотношеніи силъ можно путемъ простого голосованія по бюджетному вопросу немедленно заставить правительство идти рука объ руку съ народнымъ представительствомъ. Это можетъ быть результатомъ продолжительной и упорной борьбы съ правительствомъ, и въ этой борьбѣ бюджетъ есть лишь одно изъ средствъ, которое можетъ принести пользу только при одновременномъ пользованіи и другими средствами борьбы, предоставляемыми конституціей народному представительству.

Партія не считала, однако, возможнымъ обойтись по этому вопросу безъ предварительныхъ преній, исходя изъ того соображенія, что разъясненіе общихъ

вопросовъ нашего бюджетнаго права, равно какъ и общихъ основаній нашей финансовой политики представляется чрезвычайно важнымъ. Эта программа партіи и выполнена была думой. Отвѣтная заключительная рѣчь министра финансовъ служитъ лучшимъ доказательствомъ правильности позиціи, занятой думой. Отъ презрительнаго высокомѣрія его первыхъ выступленій не осталось и слѣда. Министръ стремился доказать, что права думы не такъ незначительны, какъ это ей кажется, что весьма серьезная часть бюджета осталась „небронированной“ основными законами, осталась, слѣдовательно, въ распоряженіи народныхъ представителей. Конечно, одно сопоставленіе цифръ еще ничего не доказываютъ, вопросъ въ томъ, какіе расходы подлежатъ контролю думы и какіе отъ него свободны. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ примирительный тонъ рѣчи, направленной на то, чтобы доказать дѣйствительность и серьезность вліянія, которое дума можетъ оказать на бюджетъ, свидѣтельствуетъ, что позиція, принятая думой по этому вопросу, заставило правительство серьезно съ нею считаться.

Засимъ вопросъ перешелъ въ комиссію, которая, въ виду роспуска думы, не успѣла закончить своихъ работъ. Колоссальный трудъ, употребленный на эту работу, пропалъ, такимъ образомъ, даромъ, но, надѣемся, никто не припишетъ этого отсутствію работоспособности, желанію оказывать правительству обструкцію во что бы то ни стало.

X.

Амнистія.

Прежде чѣмъ излагать исторію вопроса объ амнистіи во второй думѣ, напомнимъ судьбу этого вопроса въ первой думѣ. Какъ извѣстно, первой задачей фракціи к.-д. въ думѣ являлась борьба за полную политическую амнистію. Способомъ такой борьбы партійный съѣздъ призналъ внесеніе законопроекта въ самомъ же началѣ сессіи. Такой проектъ съѣздомъ уже и имѣлся въ виду. Составленный В. Д. Набоковымъ, онъ разсматривался въ засѣданіяхъ центр. комитета, предшествовавшихъ съѣзду, былъ напечатанъ въ бюллетеняхъ этого послѣдняго, но на самомъ съѣздѣ обсужденію не подвергся, за недостаткомъ времени. Обнародованіе, непосредственно передъ открытіемъ думы, основныхъ законовъ, изъявшихъ амнистію изъ законодательной компетенціи думы, должно было, конечно, заставить парламентскую фракцію тщательно обсудить, съ практической преимущественно стороны, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ осуществленію амнистіи,—т. е. той, именно, цѣли, къ которой стремился съѣздъ,—будетъ способствовать внесеніе законопроекта. Фракція выяснила себѣ, что такой шагъ, сразу поднимающій вопросъ о возможности открытаго разрыва, не

только съ правительствомъ, но и съ верховной властью, и, слѣдовательно, угрожающій возможностью роспуска думы, до приступа ея къ выполненію своей миссіи,— не имѣлъ бы никакихъ благопріятныхъ послѣдствій для амнистіи. Она, поэтому, рѣшила воспользоваться тѣмъ средствомъ, которое, по ея мнѣнію, въ тотъ историческій моментъ могло вѣрнѣе и скорѣе привести къ желанному результату. Указаніе на необходимость амнистіи было первымъ словомъ депутата представителя партіи народной свободы, раздавшимся въ стѣнахъ Таврическаго дворца. А во второмъ засѣданіи думы, по предложенію Ѳ. И. Родичева, единогласно принятому, было постановлено возложить на комиссію по составленію адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь непремѣнную обязанность „включить указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ, политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій". Эта обязанность была комиссіей выполнена; всѣмъ извѣстно, въ какихъ выраженіяхъ адресъ указывалъ на политическую амнистію, какъ на „требованіе народной совѣсти", удовлетвореніе котораго явится „первымъ залогомъ взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между царемъ и народомъ".

Ожиданіе амнистіи оказалось тщетнымъ, и вторично вопросъ о цѣлесообразности внесенія соотвѣтствующаго законопроекта возникъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ по почину трудовой группы. По этому поводу состоялось 15 іюня засѣданіе парламентской фракціи партіи народной свободы, посвященное обсужденію того положенія, которое фракція должна была занять въ случаѣ вне-

сенія трудовой группой въ государственную думу законопроекта объ амнистіи.

Прежде всего, была выяснена практическая безполезность внесенія такого законопроекта. Съ заявленіемъ о необходимости немедленной и полной амнистіи государственная дума уже обратилась непосредственно къ верховной власти въ отвѣтѣ своемъ на тронную рѣчь. И такъ какъ осуществленіе амнистіи, во всякомъ случаѣ, зависѣло отъ верховной власти, то отношеніе послѣдней къ этому требованію „народной совѣсти“ уже раскрыто и здѣсь законопроектъ ничего новаго добавить бы не могъ. Даже пройдя всѣ стадіи въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ, онъ долженъ былъ бы все таки поступить на утвержденіе верховной власти, и въ послѣднемъ счетѣ получилось бы только подтвержденіе того, что уже стало совершенно яснымъ для всѣхъ, вслѣдствіе отказа въ амнистіи послѣ отвѣта на тронную рѣчь. Далѣе, если при открытіи дѣятельности государственной думы требованіе амнистіи было выраженіемъ всеобщей увѣренности, что съ этого момента мы уже вступили въ новый періодъ государственной жизни, основанный на полномъ отрицаніи прежнихъ пріемовъ, то съ тѣхъ поръ каждый день падала эта увѣренность, и, въ концѣ концовъ, въ настоящее время не должно оставаться сомнѣнія, что пока у власти нынѣшнее министерство, въ полной силѣ останется старая система административнаго произвола, казней, ссылокъ безъ суда, чрезвычайной охраны и военнаго положенія. Такимъ образомъ, въ сознаніи всѣхъ должна быть совершенно ясно поставлена задача: сначала власть должна быть изъята изъ рукъ этого безотвѣтственнаго министерства и тѣмъ

дѣйствительно гарантировано прекращеніе стараго произвола, наполняющаго тюрьмы, Сибирь и далекія сѣверныя окраины тысячами невинныхъ жертвъ. Только тогда получитъ практическій смыслъ амнистія, только тогда жертвы произвола, выпущенныя изъ тюремъ сегодня, не будутъ сосланы или даже разстрѣляны завтра; только тогда, однимъ словомъ, амнистія окажется не пустымъ обманомъ. А разъ будетъ устранено нынѣшнее министерство, то амнистія будетъ получена не путемъ сложнаго законодательства черезъ думу и государственный совѣтъ, а тѣмъ, что никакое министерство, отвѣтственное передъ палатой или расчитывающее на ея довѣріе, не согласится принять власти, пока не будетъ дана амнистія, какъ залогъ искренняго согласія на отказъ отъ старой системы. Внесеніе законопроекта объ амнистіи, въ сущности, не имѣя никакого практическаго значенія, могло бы означать лишь, что государственная дума рѣшительно отказывается признать право амнистіи достояніемъ верховной власти. Переносить центръ вниманія страны въ настоящій моментъ отъ главнаго вопроса—конфликта съ министерствомъ и борьбы за его скорѣйшую отставку—на вопросы, которые явятся естественнымъ послѣдствіемъ этой отставки, значило бы только затушевывать сущность современнаго политическаго положенія въ сознаніи широкихъ массъ. Эти и многія другія соображенія не столько юридическаго, сколько практическаго свойства, заставили фракцію придти къ совершенно единодушному рѣшенію отказаться отъ поддержки законопроекта объ амнистіи въ случаѣ его внесенія въ государственную думу. Фракція признала необходимымъ попытаться убѣдить иниціаторовъ пред-

ложенія изъ трудовой группы оставить мысль о внесеніи этого законопроекта въ думу, а въ случаѣ, если это не удастся, то въ государственной думѣ, съ своей стороны, предложить мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, съ выраженіемъ вновь твердаго и единодушнаго желанія амнистіи и съ формулированіемъ необходимости смѣны министерства для самой возможности полученія амнистіи.

На самомъ дѣлѣ, трудовая группа такъ и не внесла своего законопроекта. Какъ извѣстно изъ газетъ въ ней самой по этому поводу существовали крупныя несогласія, ко времени роспуска думы еще не устраненныя.

При такомъ положеніе дѣла, съ открытіемъ второй думы естественно долженъ былъ вновь возникнуть вопросъ объ амнистіи. Само собою разумѣется, что тѣ, кто желали стоять на почвѣ реальныхъ возможностей, хорошо отдавая себѣ отчетъ въ полной безнадежности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасности попытки законодательнымъ путемъ провести амнистію, относились къ этой попыткѣ отрицательно.

Разногласіе думскихъ партій по этому вопросу вышло наружу и вызвало между ними борьбу.

По обыкновенію, борьба велась партіей народной свободы на два фронта: противъ попытокъ справа—изобрѣсти мину, которою удалось бы думу взорвать, и противъ сознательнаго ослѣпленія лѣвыхъ, нерѣдко являющихся лучшими, хотя и невольными, союзниками правыхъ въ ихъ разрушительныхъ планахъ. Результатомъ положительнымъ этой борьбы необходимо признать вотумъ 28 мая по вопросу объ амнистіи, когда трудовая группа всей своей массой, оторвавшись отъ своихъ лидеровъ, голосовала за предложеніе партіи народной свободы.

Первымъ эпизодомъ борьбы были пренія (въ четвергъ, 24 мая), по вопросу о повѣсткѣ на ближайшее засѣданіе. Послѣ утомительнаго и безплоднаго засѣданія, занятаго ликвидаціей двухъ запросовъ (о наложеніи штрафа на жителей с. Ланчхуты и о политикѣ правительства въ переселенческомъ дѣлѣ), пренія эти сразу приняли острый характеръ. Въ лицѣ деп. В. Гессена, фракція народной свободы выступила съ предложеніемъ снять съ ближайшей очереди вопросы объ отмѣнѣ смертной казни и объ амнистіи и замѣнить ихъ вопросомъ о мѣстномъ судѣ. Въ мотивировкѣ этого предложенія подчеркивалась основная мысль тактики партіи к.-д. во второй думѣ: оставаться въ кругу реальныхъ задачъ, стремиться къ практически достижимому, отказываясь отъ всего, что имѣетъ значеніе лишь болѣе или менѣе яркой, но всегда безсильной демонстраціи, мириться съ опасностями и рискомъ только постольку, поскольку это можетъ способствовать достиженію конкретныхъ результатовъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя было не признать всю желательность отсрочки указанныхъ двухъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если бы составъ второй думы былъ вполнѣ однороденъ съ составомъ первой, то обсужденіе въ немъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни заняло бы, вѣроятно, очень немного времени и прошло бы безъ всякихъ инцидентовъ. Реальнаго значенія—rebus sic stantibus—оно бы все равно не имѣло, но нѣкоторое нравственное облегченіе отъ единодушнаго горячаго призыва къ прекращенію казней дума, несомнѣнно, испытала бы. Увы, при теперешнемъ составѣ думы на эту нравственную побѣду расчитывать было трудно. Можно себѣ представить, что бы сдѣлали пра-

вые изъ преній по вопросу о смертной казни, какъ бы они использовали случай для того, чтобы развернуть всѣ свои силы. Какая польза странѣ, населенію отъ подобныхъ дебатовъ? Кто отъ нихъ въ выигрышѣ? Меньше всего—мы боимся—сама дума...

Все сказанное a fortiori примѣнимо было къ вопросу объ амнистіи въ виду разногласій, еще неустраненныхъ и врядъ ли устранимыхъ, между думскими фракціями. Значительной частью думы оспаривалось самое право думы—поднимать въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ амнистіи. Ясно, какъ легко эта позиція могла быть использована противъ думы. Съ другой стороны, не было въ думѣ такого наивнаго оптимиста, который, хотя бы одну минуту, могъ надѣяться, что внесеніе законопроекта объ амнистіи сколько нибудь приблизитъ самую амнистію. Совершенно очевидно, что при данныхъ условіяхъ поднятіе этого вопроса въ этой формѣ могло только неблагопріятно отразиться на его судьбѣ.

Всѣ эти соображенія настолько ясны и безспорны, что отрицать ихъ было нельзя. И дѣйствительно, ораторы, справа и слѣва возражавшіе деп. В. Гессену, не столько спорили противъ правильности его соображеній, сколько пытались заподозрить ихъ искренность. Въ этомъ отношеніи особенно отличился деп. Синадино, заявившій, при аплодисментахъ слѣва, что партія народной свободы „прочитала себѣ отходную“. Не уступилъ ему и деп. Демьяновъ, увѣрявшій, что партія „обнажилась“. Какъ бы то ни было, предложеніе о снятіи съ ближайшей очереди законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни прошло, однородное же предложеніе относительно амнистіи, благодаря правымъ,

голосовавшимъ противъ, принято не было. Законопроектъ былъ поставленъ на повѣстку 26 мая, но, вслѣдствіе затянувшихся аграрныхъ преній, его пришлось перенести на понедѣльникъ 28 мая.

Обсужденіе законопроекта объ амнистіи открылось заявленіемъ министра юстиціи, сказавшаго въ очень рѣзкой формѣ, что внесеніе закона объ амнистіи является нарушающимъ въ такой мѣрѣ очевидныя постановленія основныхъ законовъ, что самое обсужденіе этого проекта представляется въ сущности покушеніемъ на нарушеніе. Превосходный отпоръ этотъ взглядъ встрѣтилъ со стороны деп. Маклакова, тѣмъ болѣе сильный, что онъ шелъ отъ лица, раздѣляющаго взглядъ, что амнистія выходитъ за предѣлы компетенціи думы. „Наша партія,—сказалъ деп. Маклаковъ,—такъ и смотрѣла на амнистію, что она есть прерогатива монарха и не входитъ въ кругъ компетенціи гос. думы. Но мы не слѣпы и знаемъ, что эта точка зрѣнія встрѣчаетъ возраженія, что объ этомъ вопросѣ написаны монографіи ученыхъ криминалистовъ, что онъ даже былъ предметомъ обсужденія ученаго общества, которое въ своемъ заключеніи пришло къ иному взгляду, чѣмъ мы. Нашего взгляда это не измѣнило. Но мы думаемъ, господа, вы согласитесь съ однимъ, что этотъ споръ есть одинъ изъ тѣхъ споровъ, которые по ихъ существу нельзя вести въ пленарномъ засѣданіи думы, не подготовивъ его предварительной разработкой въ комиссіи. По существу, это споръ, который сводится не къ политической оцѣнкѣ момента, а къ толкованію статей, къ спору о юридической конструкціи амнистіи, ибо нельзя такъ просто, какъ сдѣлалъ это министръ, отождествлять

амнистію и помилованіе Этотъ споръ, какъ споръ техническій, долженъ быть подготовленъ въ комиссіи. Сберегая его, избѣгая лишнихъ контраверзъ, желая подготовить все то, что трудно рѣшить сразу, мы предлагаемъ передать этотъ законъ въ комиссію, чтобы этотъ вопросъ ею былъ до конца выясненъ и разработанъ. И когда мы это предлагаемъ, мы думаемъ, что къ этому предложенію должны были бы присоединиться и лѣвые, и правые. Къ нему должны были бы присоединиться правые потому, что и для нихъ должна быть также дорога компетенція государственной думы".

Далѣе, деп. Маклаковъ совершенно правильно обратилъ вниманіе на то, что простой ссылкой на ст. 23 основн. зак. „и потому еще нельзя отвергнуть предварительное болѣе внимательное разсмотрѣніе вопроса въ комиссіи, что въ законѣ объ амнистіи есть третій пунктъ, который говоритъ объ отмѣнѣ административныхъ каръ, о возвращеніи, напримѣръ, лицъ административно-сосланныхъ. Съ какихъ же поръ возвращеніе лица, административно-сосланнаго, стало прерогативой монарха, когда это и до сихъ поръ дѣлается постановленіемъ особаго совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ? Правда, господа, и тутъ могутъ сказать, что это дѣло управленія, что законодательная власть не имѣетъ права въ порядкѣ законодательства отмѣнять административныя распоряженія подчиненныхъ властей. И объ этомъ можно спорить и говорить, но, несомнѣнно, что, оспаривая наши права въ этомъ отношеніи, нужно ссылаться на нѣчто иное, а не на 23 статью основныхъ законовъ, не на прерогативы монарха".

Такъ какъ законопроектъ разсматривался по вопросу о передачѣ его въ особую комиссію, то, со-

гласно наказу, пренія должны были ограничиться выслушаніемъ двухъ ораторовъ: одного за передачу проекта въ комиссію, другого—противъ такой передачи. Эту послѣднюю задачу, какъ первый подавшій записку, взялъ на себя свящ. Тихвинскій. Къ сожалѣнію, чрезвычайно неясно построенная рѣчь подала поводъ для цѣлаго ряда недоразумѣній. Какъ бы ни была велика вина въ этомъ отношеніи священника Тихвинскаго, это не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для тѣхъ депутатовъ, которые, какъ, напр., М. Стаховичъ, потеряли пониманіе хода преній, обусловливавшагося постановкой вопроса о передачѣ законопроекта въ комиссію для разсмотрѣнія предварительно вопроса о правѣ думы обсуждать этотъ проектъ. Тѣмъ менѣе эта неясность рѣчи свящ. Тихвинскаго можетъ оправдывать ту по существу несправедливую критику, которой ее подвергъ А. А. Пиленко въ своей парламентской хроникѣ. Если бы г. Пиленко ограничился указаніемъ на неясности рѣчи, если бы онъ затѣмъ обрушился на свящ. Тихвинскаго за то, что по такому сложному юридическому вопросу, когда притомъ правомъ слова можетъ воспользоваться одинъ только депутатъ, онъ рѣшился выступить, между тѣмъ какъ тутъ требовался не только юристъ, но и хорошій юристъ,—А. А. Пиленко былъ бы совершенно правъ. Но, увлекшись критикой, г. Пиленко не далъ себѣ труда достаточно внимательно отнестись къ рѣчи и не понялъ тѣхъ по существу серьезныхъ указаній, которыя въ ней заключались, рядомъ съ мыслями, очевидно, неправильными.

Процитировавъ слова свящ. Тихвинскаго, что „помилованіе суживаетъ права государя императора, такъ

какъ оно не сглаживаетъ преступленій во всемъ ихъ объемѣ", г. Пиленко замѣчаетъ: эта фраза представляетъ собой абсурдъ. Безусловный, абсолютный абсурдъ. Свящ. Тихвинскій, очевидно, что-то слышалъ; какіе-то посторонніе люди сказали ему что то юридически вполнѣ мыслимое. Но свящ. Тихвинскій, какъ очевидный невѣжда, не сумѣлъ переработать своимъ мозгомъ это что-то и поднесъ его въ формѣ классическаго абсурда.

„Государь императоръ можетъ простить преступниковъ, но не можетъ возстановить ихъ въ политическихъ правахъ". Опять-таки абсурдъ, но уже абсурдъ квалифицированный, ибо онъ представляетъ собой не утвержденіе непонятное, а утвержденіе, явно и очевидно невѣрное.

Между тѣмъ, если бы г. Пиленко болѣе внимательно и спокойно отнесся къ этимъ словамъ свящ. Тихвинскаго,—ну, хотя бы, напр., съ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ онъ отнесся къ крайне неудачному выступленію по этому же вопросу д. М. Стаховича,—то онъ долженъ былъ бы признать, что въ словахъ этихъ,—правда, въ весьма неудачной формѣ,—все же заключается серьезная мысль. Дѣло вѣдь въ томъ, что, согласно ст. 7 пол. о выб. въ госуд. думу, лица, подвергшіяся суду за извѣстнаго рода преступленія, въ этой статьѣ перечисленныя, „когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося сужденія они и были освобождены отъ наказанія... силою всемилостивѣйшаго манифеста или особаго высочайшаго повелѣнія" лишаются избирательныхъ правъ. Такимъ образомъ, становится понятной мысль свящ. Тихвинскаго. Того помилованія, которое соста-

вляетъ прерогативу монарха, не всегда достаточно, и, допуская болѣе широкую амнистію въ законодательномъ порядкѣ, мы расширяемъ и права монарха въ области помилованія. Монархъ пріобрѣтаетъ возможность, утверждая соотвѣтствующій актъ думы и государственнаго совѣта, возстановить и избирательныя права помилованныхъ, чего онъ не можетъ сдѣлать въ порядкѣ ст. 23-й.

Повидимому, вниманіе г. Пиленко было обращено на допущенную имъ ошибку, и въ слѣдующемъ обозрѣніи авторъ признаетъ, что онъ „не совсѣмъ вѣрно понялъ одно изъ его (т. е. свящ. Тихвинскаго) утвержденій (относительно возстановленія административныхъ въ политическихъ правахъ) и потому высказалъ сужденіе неправильное“. Отмѣчая свою ошибку, г. Пиленко ее совершенно неправильно опредѣляетъ. Но дѣло не въ этомъ; важно, конечно, не то, что рѣчь свящ. Тихвинскаго была неправильно имъ понята,— важно то, что она была неправильно истолкована многими членами думы, хотя ошибка ихъ и не та, которую допустилъ авторъ парламентскихъ обозрѣній „Новаго Времени“. Въ думѣ разсматривался вопросъ о томъ, необходимо ли законопроектъ объ амнистіи передать въ особую комиссію для выясненія того, входитъ ли амнистія въ предѣлы компетенціи государственной думы. На этотъ вопросъ возможно было дать одинъ изъ двухъ только отвѣтовъ: передача въ такую комиссію нужна, или же она представляется излишней. Сторонники перваго взгляда могли исходить изъ одного только положенія: такая передача необходима въ виду извѣстной спорности вопроса. Наоборотъ, сторонники взгляда, что эта передача предста-

вляется излишней, могли исходить изъ разныхъ взглядовъ. Такъ, они могли полагать, какъ это думали лѣвые и вмѣстѣ съ ними свящ. Тихвинскій, что передача эта излишня, такъ какъ дума, несомнѣнно, имѣетъ право заниматься вопросомъ объ амнистіи, или же они могли полагать, что несомнѣненъ діаметрально противоположный взглядъ, что дума, занимаясь этимъ вопросомъ, покушается на право монарха. И съ той, и съ другой точки зрѣнія передача въ комиссію представлялась одинаково излишней. Поэтому естественно, что при голосованіи этого вопроса должны были объединиться представители обоихъ противоположныхъ взглядовъ, такъ какъ при голосованіи важны не мотивы, а тотъ практическій выводъ, котораго желаютъ помощью голосованія достичь, т. е. въ данномъ случаѣ немедленное обсужденіе законопроекта. Между тѣмъ, очевидно, отчасти благодаря сбивчивой рѣчи свящ. Тихвинскаго, отчасти благодаря полному непониманію техники парламентскаго дѣлопроизводства, та часть думы, которая была противъ передачи проекта въ комиссію, но по соображеніямъ, противоположнымъ тѣмъ, которыя развивалъ свящ. Тихвинскій, могла помощью голосованія добиваться достиженія того результата, который былъ ей желателенъ, т. е. немедленнаго обсужденія законопроекта, но не могла въ преніяхъ высказать своихъ мотивовъ. Быть можетъ, это съ партійной точки зрѣнія было непріятно, особенно для тѣхъ партій, которыя въ работу государственной думы не вѣрили и признавали ее лишь съ агитаціонной точки зрѣнія; но объ этомъ надо было думать при разработкѣ наказа. Разъ наказъ, сберегая думское время, допускалъ только двѣ рѣчи при возбужденіи вопроса о пе-

редачѣ въ такую предварительную комиссію, то съ отсутствіемъ возможности въ теченіе преній по такому предварительному вопросу высказать въ думѣ свои партійные взгляды на вопросъ приходилось мириться Поэтому странное впечатлѣніе произвело безпомощное заявленіе д. М. Стаховича, что за комиссію говорилъ членъ думы Маклаковъ, вслѣдъ затѣмъ д. Тихвинскій говорилъ за расширеніе правъ этой комиссіи; ни слова противъ комиссіи, ни самаго слова „противъ“ онъ не сказалъ. Многіе члены думы, совершенно такъ же какъ и д. М. Стаховичъ, очевидно, не поняли, въ чемъ вопросъ. Произошла бурная сцена, закончившаяся однако, принятіемъ предложенія о передачѣ вопроса въ комиссію.

Дума была распущена прежде, чѣмъ комиссія могла окончить свою работу.

XI.

Военно-полевые суды.

Вопросъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ былъ однимъ изъ самыхъ простыхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ думѣ. Простота его обусловливалась технической несложностью законопроекта, предназначеннаго для отмѣны военно-полевыхъ судовъ, а затѣмъ и безспорностью идеи, положенной во основу этого законопроекта. Пренія, которыя возникли по этому вопросу въ думѣ, могли имѣть значеніе только показателя того, какъ изстрадался народъ отъ этого суда.

Едва ли можно что-либо прибавить по этому вопросу къ тѣмъ блестящимъ рѣчамъ, которыя были произнесены въ думѣ. Деп. Тесленко далъ поразительную по своей силѣ характеристику этого суда, деп. Маклаковъ чрезвычайно сильно и блестяще отпарировалъ аргументы тѣхъ, кто защищалъ эти суды ссылкой на исключительность переживаемаго нами момента, на крайность средствъ, коими борется революція и коимъ можно противопоставить только такія же крайнія средства.

„То явленіе, которое мы здѣсь изучаемъ, сказалъ деп. Тесленко, настолько исключительно, настолько страшно, настолько чудовищно, что не хватаетъ силъ, нѣтъ словъ, чтобы говорить о немъ, характеризо-

вать его и бороться противъ него. Нужно говорить о немъ, и мы будемъ говорить. Пусть весь міръ, слушая эти рѣчи, содрогнется отъ того дѣла, которое мы осуждаемъ. Мы еще и еще разъ возьмемъ въ свои руки это страшное чудовище, созданное междудумскимъ правительствомъ и называемое военно-полевымъ судомъ. Мы возьмемъ это чудовище, мы его высоко поднимемъ, чтобы весь міръ еще и еще разъ посмотрѣлъ на него, чтобы посмотрѣли на него авторы этого созданія, чтобы они содрогнулись, глядя на дѣло рукъ своихъ.

Мы знаемъ, что въ каждомъ судѣ прежде, чѣмъ появится подсудимый, прежде, чѣмъ появятся судьи, предшествуетъ изслѣдованіе дѣла. Вы знаете, что въ положеніи о военно-полевомъ судѣ сказано: никакого изслѣдованія.

Что это такое? Когда въ старину примѣнялась смертная казнь, то устраивали страшный обрядъ подсудимаго, обвиненнаго уже, сажали на позорную колесницу, а на доскѣ писали, какое совершилъ онъ преступленіе. Военно-полевой судъ—это такая колесница, тамъ также написано: сей человѣкъ ведется на смертную казнь, онъ совершилъ то-то,—и больше ничего. Ни доказательствъ, ни уликъ, ни даже суда, потому что судомъ нельзя назвать пятерыхъ офицеровъ, которыхъ спеціально для этого дѣла ихъ начальникъ, нерѣдко командующій мѣстными войсками, назначилъ, которымъ сказано: дѣло ясно и разслѣдованій не требуетъ: вотъ человѣкъ, посаженный на позорную колесницу. И эта позорная колесница, которая влечетъ его на эшафотъ, кощунственно называется судомъ.

Вы знаете, въ нашихъ судахъ крайне стѣснена защита, но вездѣ есть прокуроръ. И вотъ, русское правительство создало такую форму суда, въ который стыдно пустить прокурора. Военно-полевые суды не терпятъ прокуроровъ. Они не допускаютъ государственнаго обвинителя, какъ бы боятся, что даже прокуроръ, человѣкъ, состоящій на государственной службѣ и обязанный поддерживать виды правительства, даже тотъ содрогнется отъ того, что тамъ увидитъ.

Въ этотъ судъ даже отца и мать не пускаютъ,—я не говорю о защитникѣ. И этотъ застѣнокъ, это дѣйствіе, точно творимое гдѣ то въ страшномъ подземельѣ, куда никого нельзя пустить, этотъ застѣнокъ называется также судомъ. Это ли не новое кощунство по адресу самаго слова—судъ?

Я вамъ напомню, что въ средніе вѣка, когда человѣка приговаривали къ смертной казни, прежде чѣмъ казнить, отдавали на истязаніе, на пытки. И вотъ теперь то же самое дѣлаютъ военно-полевые суды. Уже обреченнаго на смертную казнь подвергаютъ моральной пыткѣ, ведя его, якобы, на судъ и заставляя переживать эту ужасную процедуру.

На театрѣ военныхъ дѣйствій никогда не примѣнялся такой судъ даже по отношенію къ врагу, даже по отношенію къ непріятельскому шпіону, а здѣсь примѣняется по отношенію къ врагу внутреннему... Напрасно сравниваютъ военно-полевые суды съ карательными экспедиціями... Карательныя экспедиціи совершаются хотя бы въ моментъ видимой борьбы, а военно-полевые совершаются когда уже врагъ побѣжденъ".

Какъ бы дополняя рѣчь своего товарища, деп. Маклаковъ подошелъ къ вопросу съ другой стороны. Онъ

сталъ на точку зрѣнія своихъ политическихъ противниковъ и доказывалъ имъ, что и съ своей точки зрѣнія они должны протестовать противъ военно-полевыхъ судовъ. „Мнѣ бы хотѣлось,—сказалъ деп. Маклаковъ,—стать на точку зрѣнія нашихъ противниковъ,—скажу болѣе, на точку зрѣнія авторовъ этого суда. Въ первый день, когда читалась декларація совѣта министровъ, предсѣдатель совѣта сказалъ: „власть—хранительница государственности, ударяя по революціи, намъ пришлось не щадить частныхъ интересовъ“. Я совершенно согласенъ съ первымъ положеніемъ. Да, власть есть, дѣйствительно, хранительница государственности, и я привѣтствую ту власть, которая этого не забываетъ. Но я обращаюсь къ тѣмъ, кто произнесъ эти слова, и къ тѣмъ, кто имъ тогда апплодировалъ, и спрашиваю: „неужели вы не видите, что военно-полевые суды въ той постановкѣ, которую вы имъ дали, есть учрежденіе глубоко анти-государственное, что одно номинальное существованіе этого закона, даже если бы онъ не примѣнялся, уничтожаетъ государство, какъ правовое явленіе, превращаетъ его въ простое состязаніе физическихъ силъ, въ максимализмъ сверху и снизу“.

Обращаясь къ аргументаціи тѣхъ, кто требуетъ увеличенія репрессій, Маклаковъ спрашиваетъ ихъ: „что значитъ увеличеніе репрессіи? Что вправѣ сдѣлать государство, которое этого хочетъ? Оно можетъ издать новый законъ, т. е. издать общее правило, увеличить уголовную кару для всѣхъ, кто совершитъ опредѣленный проступокъ Да, вы могли постановить, что не только покушеніе на должностное лицо, но даже словесное его оскорбленіе карается смертной казнью. Это

было бы свирѣпо, это было бы жестоко, но это было бы правовое явленіе.

Но у насъ правительство не прибѣгаетъ и къ общему закону, когда рѣшается на усиленіе мѣръ строгости

Господа, по какимъ же законамъ мы живемъ, подъ какой законъ подпадаетъ теперь преступникъ? Подъ любой: онъ можетъ судиться въ палатѣ сословныхъ представителей по одному закону, военно-окружнымъ—по другому, военно-полевымъ судомъ—по третьему,—и все это по усмотрѣнію генералъ-губернатора, какъ ему заблагоразсудится,—такъ, этакъ или иначе. Когда нѣтъ одного общаго закона, когда есть три закона, тогда закона нѣтъ вовсе. Я вижу въ этомъ не то, о чемъ говорилъ депутатъ, только что покинувшій эту трибуну, — не строгую репрессію, а отрицаніе общихъ нормъ права, отрицаніе самой законности. И первое, что я говорю противъ военно-полевыхъ судовъ —это то, что они у насъ, гдѣ уваженіе къ суду и закону и безъ того уже подорвано, они дали право генералъ-губернаторамъ открыто и явно говорить, что они выше закона, что у нихъ въ карманѣ по три закона.

Вы говорили: ударяя по революціи, мы не могли щадить частныхъ интересовъ. Насколько мелка эта оговорка сравнительно съ тѣмъ, что вы сдѣлали. Не объ интересахъ идетъ теперь рѣчь. Ихъ, дѣйствительно, не щадятъ ни власть, ни максималисты. Но есть нѣчто, что надо было щадить, нѣчто, что вы должны защищать, это—государственность, судъ и законъ. Ударяя по революціи, вы ударяли не по частнымъ интересамъ, а по тому, что всѣхъ насъ ограждаетъ,—по суду и законности. Я думаю, что это ошибочный путь—

ударять по революціи для ея прекращенія. Я не менѣе, чѣмъ власть, хочу конца революціи, жду момента, когда Россія сойдетъ съ того пути отчаянія и самосуда надъ своими обидчиками, говоря словами депутата Шульгина, которымъ она идетъ до сихъ поръ. Я жду того момента, когда революція кончится, начнется мирное преуспѣяніе. Я жду этого, но увѣренъ, что этого мы достигнемъ не такими путями. Но и вамъ, которые думаютъ иначе, я скажу, что, ударяя по революціи военно-полевыми судами, вы ударяете по намъ, мирнымъ гражданамъ, по всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ суда и законности. Если вы такъ добьете революцію, то вы добьете одновременно и государство, и на развалинахъ революціи будетъ не правовое государство, а только одичавшіе люди,—одинъ хаосъ государственнаго разложенія.

Я возвращаюсь къ тому, чѣмъ я началъ. Я понимаю, что государственная власть защищается, понимаю, что бываетъ нужна и строгость, но есть нѣчто, чего нельзя забывать: это то, что государство должно жить по закону, что судъ долженъ быть судомъ, что нельзя освящать произвола. Полевые суды въ этомъ смыслѣ такъ позорны, что если бы они даже болѣе не примѣнялись, одна ихъ возможность абсолютно несовмѣстима съ тѣмъ, что предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ о государственности. Я скажу, что если его декларація не только слова, не одни обѣщанія, то министерство присоединится къ намъ въ этомъ вопросѣ и, не выжидая мѣсячнаго срока, само скажетъ: позора военно-полевого убійства въ Россіи больше не будетъ".

Возражать на такую уничтожающую критику этого института,—если позволительно, вообще, къ такого рода

явленію, какъ военно-полевой судъ, примѣнять такой терминъ, примѣнять какіе бы то ни было юридическіе термины, безъ страха ихъ тѣмъ самымъ скомпрометировать, было, конечно, невозможно. И предсѣдатель совѣта министровъ рѣшился инымъ путемъ парализовать значеніе парламентскихъ преній, направленныхъ на осужденіе этихъ судовъ.

Въ тотъ самый день, 13 марта, когда закончились пренія въ думѣ по вопросу о военно-полевыхъ судахъ, въ нѣкоторыхъ утреннихъ газетахъ получилось извѣстіе, что премьеръ-министръ и по этому вопросу присоединится къ предложенію партіи народной свободы. Слухи оказались преждевременными. На этотъ разъ кадетамъ не удалось „совершить (вторичную) измѣну народному дѣлу, сторговавшись съ правительствомъ". П. А. Столыпинъ къ ихъ предложенію не присоединился.

Мы не будемъ касаться того формальнаго отвода, который былъ предъявленъ премьеромъ, считавшимъ, что временные законы, въ порядкѣ ст. 87 изданные, не могутъ быть отмѣняемы по иниціативѣ думы, ранѣе двухъ мѣсяцевъ со дня открытія думы. Деп. В. Гессенъ опровергъ это возраженіе, не выдерживающее, въ самомъ дѣлѣ, никакой критики. Любопытно отмѣтить ту двойную ошибку, въ которую впалъ далѣе г. Столыпинъ, ссылаясь на закономъ установленный мѣсячный срокъ для обсужденія по существу.

„Если проектъ наказа противорѣчитъ этому закону, то проектъ неправиленъ, и потому онъ и не былъ опубликованъ сенатомъ въ прошломъ году". Проектъ наказа не могъ противорѣчить существующему закону. Та часть наказа, которая касается производства дѣла въ думѣ, вовсе не была раз-

смотрѣна въ первой думѣ и могла быть принята только послѣ измѣненія того закона, на который ссылался г. Столыпинъ; проектъ этого измѣненія былъ въ думу внесенъ. Первыя три главы наказа, принятыя думой. но не опубликованныя сенатомъ, не касаются вовсе порядка производства дѣлъ, и мотивы отказа сената, поэтому, вовсе не тѣ, которые указаны г. Столыпинымъ.

Но суть дѣла, конечно, не въ этихъ юридическихъ ошибкахъ, противъ которыхъ, однако, правительство должно бы было себя тщательнѣе застраховать. Основная мысль г. Столыпина заключалась съ идейной стороны въ защитѣ системы военно-полевыхъ судовъ путемъ сравненія ея съ необходимой обороной. И тутъ можно было бы напомнить, что даже уголовное уложеніе признаетъ возможность превышенія предѣловъ обороны „несвоевременностью или чрезмѣрностью защиты“, и когда результатомъ такого превышенія является гибель человѣческой жизни, оно подлежитъ карѣ. Какъ бы ни относиться къ прошлому военно-полевой юстиціи, нельзя же спорить противъ того, что самый созывъ и открытіе государственной думы свидѣтельствовали о томъ, что на состояніе „необходимой обороны“ уже нельзя было ссылаться. Развѣ можно было взывать къ спокойной и плодотворной творческой работѣ въ томъ зданіи, охваченномъ пожаромъ, которое мерещилось испуганной власти. Если же и послѣ восьми мѣсяцевъ примѣненія „необходимой обороны“ она оказалась безрезультатной, то не свидѣтельствовало ли это о совершенномъ несоотвѣтствіи мѣръ защиты самому нападенію?

Другая сторона мысли г. Столыпина была выражена въ заключеніи его рѣчи:

„Правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, что отъ васъ, господа, мы услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите безуміе Мы вѣримъ' что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе. Въ ожиданіи этого слова правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ чтобы, когда дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ самъ собою путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія".

Дума должна своимъ чудодѣйственнымъ словомъ прекратить „кровавое безуміе". Оказывается, вотъ она, истинная мѣра защиты! Не ломаніе оконъ и дверей, не убійство, не вливаніе яда—одно лишь слово... Да, мы вѣримъ въ могучее значеніе слова,—но только не тогда, когда къ этому слову взываютъ для того, чтобы, имъ прикрывшись и оправдавшись, продолжать дѣло, съ этимъ словомъ несовмѣстимое. Этотъ своеобразный ультиматумъ лишній разъ доказывалъ, что еще далекъ тотъ моментъ, когда „совмѣстная работа правительства и думы", переставъ быть ничего незначущей фразой, обратится въ живую дѣйствительность. Г. Столыпинъ сознательно отвергъ первый случай, представившійся для того, чтобы заставить хоть на минуту повѣрить въ его искренность и благія намѣренія.

Дальнѣйшій ходъ вопроса объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ заключался въ слѣдующемъ.

Въ засѣданіи 17 апрѣля было сдѣлано срочное заявленіе такого содержанія: „По вопросу объ отмѣнѣ закона о военно-полевыхъ судахъ дума уже имѣла продолжительныя пренія, совершенно выяснившія вопросъ. Поэтому мы предлагаемъ думѣ принять сегодня же безъ пренійзаконъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ".

Вопросъ на повѣсткѣ не стоялъ. Министры не были увѣдомлены о томъ, что дѣло будетъ слушаться. Съ формальной стороны было, очевидно, неправильно принимать сдѣланное предложеніе. Тѣмъ не менѣе, оно было поставлено на баллотировку и принято.

Вслѣдъ затѣмъ, послѣ краткой рѣчи докладчика (Кузьмина-Караваева), дума приняла и самый законопроектъ, состоявшій изъ двухъ статей, а именно: Ст. 1. „Высочайше утвержденное въ 19-й день августа 1906 г. положеніе совѣта министровъ объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ отмѣнить".

Ст. 2. „Всѣ дѣла, по коимъ приговоры военно-полевыхъ судовъ, образованныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 19 августа 1906 г. положенія совѣта министровъ, не приведены въ исполненіе, равно дѣла, по коимъ осужденные отбываютъ наказаніе, безотлагательно передать въ общія судебныя мѣста для направленія и разсмотрѣнія по правиламъ устава уголовнаго производства".

Законъ былъ принятъ единогласно и внесенъ въ гос. совѣтъ. 20 апрѣля военно-полевые суды прекратили свое существованіе, за невнесеніемъ въ двухмѣсячный срокъ министерскаго законопроекта. А въ маѣ государственный совѣтъ отвергъ проектъ, принятый думою.

XII.
Контингентъ.

Вопросъ о контингентѣ новобранцевъ, подлежащихъ призыву въ 1907 году, подлежалъ немедленному разсмотрѣнію думы, такъ какъ, согласно 119 ст. основныхъ законовъ, если бы законъ о контингентѣ арміи не былъ изданъ до 1-го мая, то государь могъ бы призвать на военную службу необходимое число людей по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, если бы законъ не былъ готовъ къ 1-му мая, то дума оказалась бы не вправѣ оказать свое вліяніе въ этомъ вопросѣ въ настоящемъ году. Дума назначила для разсмотрѣнія этого вопроса одинъ изъ ближайшихъ дней, при чемъ засѣданіе, по требованію военнаго министра, было объявлено закрытымъ. Это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ для эпизода, который можно было бы признать смѣшнымъ, если бы онъ не былъ столь печальнымъ. Д. Алексинскій протестовалъ противъ требованія обращенія засѣданія въ закрытое безъ указанія со стороны министра достаточныхъ мотивовъ, при чемъ ему пришлось разъяснить, что министръ имѣетъ на это право по закону. Казалось бы, по крайней мѣрѣ, тѣмъ депутатамъ, которые съ думской трибуны говорятъ о порядкѣ думскаго засѣданія, слѣдо-

вало бы твердо знать законы, которыми регламентируется дѣятельность думы. Но, повидимому, это непосильный трудъ для нѣкоторыхъ депутатовъ, слишкомъ занятыхъ въ думѣ ораторскимъ искусствомъ.

По существу этого вопроса дума была поставлена въ очень тяжелое положеніе. Ст. 119 основн. зак. возлагаетъ на обязанность военнаго министра „заблаговременно“ вносить въ думу свои предположенія о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота. Въ данномъ случаѣ предположенія, несомнѣнно, не были внесены „заблаговременно“. Напротивъ, при наибольшей степени напряженія, думѣ на этотъ разъ было чрезвычайно трудно выполнить свою задачу исчерпывающимъ образомъ, сдѣлать сколько-нибудь внимательную провѣрку. Это было ясно при самомъ внесеніи проекта, и, по нашему личному убѣжденію, вполнѣ возможнымъ рѣшеніемъ со стороны думы былобы: потребовать отъ военнаго министра разъясненія причинъ столь поздняго, вопреки указанію закона, внесенія проекта и затѣмъ отказаться отъ его разсмотрѣнія при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, сославшись на то, что, въ виду ст. 19, такой отказъ нисколько не нарушаетъ интересовъ государственной обороны, такъ какъ эта статья прямо предусматриваетъ послѣдствія неизданія закона, именно, съ точки зрѣнія этой обороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что право, предоставленное думѣ ст. 119, только тогда имѣетъ дѣйствительное значеніе, когда дума не лишена возможности фактической провѣрки основательности исчисленій военнаго министерства. Иначе это важное право обращается въ пустую формальность, что, конечно, въ такомъ вопросѣ недопустимо.

Но разъ дума не сочла нужнымъ возбудить преюдиціальный вопросъ и комиссія признала возможнымъ принять къ разсмотрѣнію проектъ, вопросъ объ его утвержденіи не могъ получить иного рѣшенія, кромѣ положительнаго. Послѣдствія отказа въ контингентѣ были бы, во всякомъ случаѣ, пагубны для думы: для самаго ея существованія, если бы въ отвѣтъ на такой отказъ послѣдовалъ роспускъ думы,—для ея престижа и авторитета, если бы этотъ отказъ попросту былъ оставленъ безъ всякаго вниманія. Мы уже не говоримъ о томъ толкованіи, которое, несомнѣнно, было бы дано отказу въ солдатахъ, о впечатлѣніи въ Европѣ и т. д. Здѣсь, несомнѣнно, была огромная опасность для думы. опасность, которой она подвергала бы себя только ради безсильной и безплодной демонстраціи.

Партія народной свободы рѣшила принять проектъ, и это рѣшеніе вызвало ядовитыя замѣчанія въ нѣкоторыхъ органахъ печати, сопоставлявшія такое рѣшеніе съ выборгскимъ воззваніемъ. Эти замѣчанія не считались однако съ требованіями здраваго смысла. Разъ весь смыслъ выборгскаго воззванія заключался въ томъ, чтобы путемъ извѣстной формы пассивнаго сопротивленія добиться опредѣленнаго результата – созыва думы, то, очевидно, что при существованіи думы призывъ къ этому средству отпадалъ. И партія, принимая проектъ, никакого осужденія, конечно, вообще, никакой оцѣнки дѣйствій членовъ первой думы не дѣлала. Вопросы эти въ разныхъ плоскостяхъ.

XIII.

Реформа мѣстнаго суда.

Къ осуществленію своихъ задачъ настоящаго законодательнаго творчества думѣ удалось приступить лишь по вопросу о реорганизаціи мѣстнаго суда. И весь ходъ этой законодательной работы во второй государственной думы съ очевидностью свидѣтельсвуетъ о томъ, что если бы думѣ не ставились совершенно искусственныя преграды, она сумѣла бы сдѣлать многое въ этой области.

Судьба законопроекта министерства юстиціи о реформѣ мѣстнаго суда свидѣтельствуетъ раньше всего о томъ, что о какой то злонамѣрной оппозиціи думы правительству во что бы то ни стало не могло быть и рѣчи во второй думѣ. Рѣшивъ приступить къ реформѣ мѣстнаго суда, дума положила въ основу своихъ работъ труды министерства юстиціи Дума и ея комиссія исходили изъ того совершенно правильнаго положенія, что такая законодательная реформа едва ли можетъ быть сколько нибудь быстро разработана иными органами, кромѣ органовъ министерства. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что предъ второй думой правительство отнюдь не стояло въ безсильномъ положеніи бойкотируемаго, который,

несмотря на все свое желаніе, ничего не можетъ сдѣлать. Необходимо было со стороны правительства пониманіе того, въ какомъ направленіи нужно вести дѣло коренныхъ реформъ, готовность въ этомъ направленіи работать для того, чтобы дума обнаружила полную готовность воспользоваться этой правительственной работой.

Не бойкотируя правительственнаго проекта, дума не можетъ, конечно, разыгрывать роли министерской комиссіи, заранѣе принимающей всѣ проекты и лишь робко вносящей въ нихъ несущественныя измѣненія. По крайней мѣрѣ, вторая дума не могла быть сведена къ такой роли. Поэтому, положивъ въ основу своихъ работъ проектъ министерства юстиціи, комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ внесла въ него столь существенныя измѣненія, что, можно сказать, она совершенно переработала основныя черты составленнаго министерствомъ законопроекта. И если бы работы второй думы не были искусственно прерваны ея роспускомъ, мы не сомнѣваемся въ томъ, что судьба реформы мѣстнаго суда во второй думѣ блестящимъ образомъ доказала бы работоспособность думы, она дала бы Россіи реформу, которая оправдывала бы существованіе въ Россіи народнаго представительства даже въ глазахъ тѣхъ, для кого еще необходимы такого рода доказательства, кто еще не убѣжденъ въ томъ помощью доказательства отъ противнаго, т. е. не убѣжденъ въ этомъ тѣмъ, во что обратилась страна, благодаря отсутствію народнаго представительства.

Слѣдуя плану, положенному въ основу настоящей работы, мы не будемъ останавливаться подробно на существѣ самой формы мѣстнаго суда.

Мы ограничимся характеристикой того, какъ вопросъ былъ поставленъ, въ какомъ направленіи онъ разрабатывался во второй думѣ.

Комиссія, избранная для этой работы думой, выбрала своимъ предсѣдателемъ члена партіи народной свободы І. В. Гессена. Онъ же былъ ея докладчикомъ. Такимъ образомъ, въ основу работъ этой комиссіи были положены взгляды этой партіи на реформу мѣстнаго суда. И, прежде всего, въ основу работъ комиссіи былъ положенъ основной ея принципъ—пользоваться думой для возможно болѣе глубокихъ законодательныхъ работъ.

Задача комиссіи значительно облегчалась благодаря тому, что во взглядѣ на необходимость реформы въ значительной мѣрѣ совпадали взгляды думы и правительства. Заканчивая свою вступительную рѣчь д. Гессенъ сказалъ, что „мы, какъ и 45 лѣтъ назадъ, опять стоимъ передъ необходимостью коренного переустройства русской жизни. Тогда начали строить фундаментъ, но зданіе осталось недостроеннымъ и, подвергаясь дѣйствію разрушительныхъ вѣтровъ, превратилось теперь въ разсыпанную храмину. Теперь у насъ есть куполъ—народное представительство, котораго у насъ тогда не было, но за то у насъ нѣтъ самаго зданія. Поэтому я говорю: спѣшите закладывать фундаментъ—мѣстный судъ, спѣшите возвести зданіе—неприкосновенность личности, демократизацію мѣстнаго самоуправленія, ибо только тогда мы сумѣемъ поддержать этотъ куполъ, который съ своей стороны будетъ ограждать прочность зданія. До тѣхъ поръ пока этого не будетъ, этотъ куполъ будетъ висѣть въ воздухѣ и будетъ грозить ежеминутнымъ паденіемъ“.

И совершенно такой же взглядъ былъ высказанъ представителемъ правительства, министромъ юстиціи. Онъ указалъ на то, что преобразованіе мѣстнаго суда составляетъ, по убѣжденію правительства, краеугольный камень въ дѣлѣ правильной постановки началъ правового уклада государства. „Доказывать передъ вами всю настоятельность и неотложность этого преобразованія,— говорилъ министръ,—считаю совершенно излишнимъ; сошлюсь только на существующую пестроту и безсистемность нашего мѣстнаго суда. Отправляется онъ разнообразнѣйшими установленіями, которыя, съ чрезвычайно дробными правилами о подсудности, дѣлаютъ доступъ къ суду обывателя въ высшей степени затруднительнымъ. Безсословность, являющаяся основнымъ началомъ правильнаго построенія суда, отсутствуетъ во многихъ формахъ нашей мѣстной юстиціи".

Думѣ не было суждено не только дойти до голосованія по тѣмъ спорнымъ вопросамъ, которые возникли между думской комиссіей, съ одной стороны, и представителями министерства юстиціи, съ другой, но даже и пренія далеко не могутъ считаться законченными. Для характеристики, однако, взглядовъ на эту реформу партіи народной свободы, взглядовъ, къ которымъ присоединилась и думская комиссія и къ которымъ, несомнѣнно, присоединилась бы и дума, мы приведемъ тѣ мѣста изъ рѣчи докладчика комиссіи д. Гессена, въ которыхъ онъ защищаетъ положенія, положенныя комиссіей въ основу реформы мѣстнаго суда.

Первый вопросъ, на которомъ разошлись взгляды правительственнаго проекта и думской комиссіи, былъ вопросъ о предѣлахъ примѣненія обычнаго права,— одинъ изъ важнѣйшихъ практически и труднѣйшихъ

теоретически вопросовъ. „Къ обычному праву,—сказалъ д. Гессенъ,—стали относиться съ какимъ то особымъ культомъ, можно сказать, что это даже стало какимъ то фетишизмомъ. Мнѣ, однако, нѣтъ надобности поднимать передъ вами улегшуюся, по отношенію къ обычному праву, волну этого спора, нѣтъ надобности потому, что вопросъ этотъ вовсе не такъ стоитъ въ нашемъ законодательствѣ.. Въ послѣднее время стали все громче и громче высказывать убѣжденіе, что этого обычнаго права вовсе не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, комиссія не рѣшилась слѣдовать отдѣльнымъ указаніямъ, раздавшимся въ ея средѣ, и не рѣшилась съ плеча, такъ сказать, отмѣнить дѣйствія обычнаго права вообще. Я скажу, что насъ удерживало отъ этого, прежде всего, то, что мы стоимъ передъ очень тяжелой альтернативой. Если бы мы могли замѣнить дѣйствіе обычая хорошими общими законами, то тогда мы были бы въ своемъ выборѣ, несомнѣнно, смѣлѣе; но мы имѣемъ дѣло съ X-мъ томомъ, который уже осужденъ самимъ законодателемъ, какъ законъ совершенно несправедливый, устарѣлый и не разрѣшающій современныхъ потребностей. И вотъ, когда выборъ, слѣдовательно, стоялъ между тѣмъ, чтобы отмѣнить дѣйствіе обычнаго права. которое существуетъ только въ какихъ то остаткахъ, и между этимъ архаическимъ, никуда негоднымъ X-мъ томомъ, то положеніе явилось въ высокой мѣрѣ затруднительнымъ, и мы полагали, что было бы правильнымъ не разрубать гордіева узла, а расчленить его.

„И прежде всего, поставивъ такъ этотъ вопросъ, мы обратили вниманіе на наслѣдственное право. Съ одной стороны, постановленія X-го тома, именно, по

этому вопросу являются наиболѣе несправедливыми; достаточно напомнить о родовомъ имуществѣ, о женскихъ доляхъ, о наслѣдованіи родителей и дѣтей взаимно въ имуществѣ другъ друга, чтобы это представилось вполнѣ яснымъ, и, съ другой стороны, указать на то, что въ крестьянскомъ наслѣдованіи совершенно ясно проглядываетъ трудовое начало. Вотъ почему мы полагали, что вопросы наслѣдственнаго права должны и на будущее время и общими судами разрѣшаться по началамъ обычнаго права. Большинство комиссіи полагало, что сюда же надлежитъ отнести и вопросы семейные по имуществу, которые точно также проникнуты трудовымъ началомъ и очень несправедливо разрѣшаются въ X-мъ томѣ. Съ другой стороны, мы полагали, что недвижимое имущество внѣнадѣльное должно быть безусловно исключено изъ дѣйствія обычнаго права. Мы и безъ того очень страдаемъ отъ того, что наши законы о переходѣ недвижимыхъ имуществъ являются чрезвычайно неопредѣленными, и вслѣдствіе этой неопредѣленности, возникаетъ масса споровъ.

„Остается только область обязательственнаго права, гдѣ личная воля, элементъ соглашенія двухъ воль, играетъ большую роль. И здѣсь, не представляется такой опасности отъ столкновеній между обычнымъ правомъ и общимъ закономъ.

„Комиссія, разрѣшивъ такимъ образомъ этотъ вопросъ, не скрывала отъ себя, что это не есть устраненіе всѣхъ затрудненій, какія могутъ возникнуть на пути; такихъ затрудненій останется на практикѣ очень много; но она полагала, что это есть единственный выходъ изъ того, можно сказать, безвыходнаго положенія, въ

которомъ мы стоимъ, имѣя съ одной стороны плохіе законы, а съ другой—неопредѣленное усмотрѣніе судьи и остатки обычнаго права.

„Разрѣшивъ, такимъ образомъ, этотъ вопросъ, комиссія, засимъ, могла уже обратиться къ вопросамъ организаціи суда, и здѣсь всталъ вопросъ о томъ, долженъ ли быть этотъ судъ единоличнымъ или коллегіальнымъ. Собственно говоря, въ средѣ самой комиссіи, по крайней мѣрѣ, среди ея юристовъ, по этому вопросу серьезныхъ разногласій не было, потому что мѣстный судъ, имѣющій своей главной задачей быстроту и простоту производства, очевидно, долженъ быть единоличнымъ.

Остановившись на этомъ принципѣ единоличнаго суда, мы должны были перейти къ разсмотрѣнію вопроса, долженъ ли быть этотъ судъ выборнымъ или по назначенію отъ правительства. Теоретически онъ рѣшается въ сторону правительственнаго назначенія суда. Ни въ Европѣ, ни въ другихъ странахъ, почти нигдѣ выборнаго суда уже не существуетъ, и онъ остался лишь въ маленькой Швейцаріи и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Но намъ не приходилось ставить этотъ вопросъ на принципіальную почву. Я упоминалъ уже о томъ, что въ объяснительной запискѣ министерства юстиціи категорически заявляется о томъ, что министерство не беретъ на себя отвѣтственности за назначеніе судей; съ другой стороны, мы должны были считаться съ той глубокой враждой, какая существуетъ до сихъ поръ между правительствомъ и обществомъ. Мы отлично понимали, что если мировой судья будетъ выборнымъ. то это сразу возвыситъ его въ глазахъ населенія и сразу можетъ

возбудить среди населенія къ нему гораздо большее довѣріе и дастъ ему гораздо больше авторитета, чѣмъ если этотъ судья будетъ по назначенію отъ правительства. Такимъ образомъ, мы остановились, согласно съ предложеніемъ проекта министерства юстиціи, на выборномъ мировомъ судьѣ. Мы полагали нужнымъ, также, согласно съ предложеніемъ проекта, что этотъ выборный судья долженъ быть избираемымъ мѣстными общественными установленіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я обязанъ доложить государственной думѣ, что среди комиссіи не было разногласій о томъ, что эти судьи ни въ какомъ случаѣ не должны быть выбираемы нынѣшними общественными установленіями, и что только при томъ условіи, что это мѣстное самоуправленіе будетъ реформировано на демократическихъ началахъ, можно довѣрить ему избраніе мировыхъ судей; пока же существуютъ нынѣшнія установленія, до тѣхъ поръ это недовѣріе доходитъ до такой глубины, что крестьяне выражали желаніе, чтобы остались земскіе начальники, пока не будетъ этой реформы, потому что нынѣшнія земскія собранія и городскія думы, если имъ будетъ поручено выбирать новыхъ судей, выберутъ тѣхъ же земскихъ начальниковъ. Комиссія, вслѣдствіе этого, обратилась къ вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли отдѣльно обсудить способъ, какимъ образомъ выбирать этихъ судей, если къ тому времени, когда этотъ законопроектъ станетъ закономъ, а законъ о реформѣ мѣстнаго самоуправленія еще не пройдетъ законодательнымъ порядкомъ, не слѣдуетъ ли придумать какихъ либо особыхъ коллегій для избранія будущихъ судей. Но мы полагали, что въ настоящее время рѣшеніе этого вопроса было бы пре-

ждевременнымъ, что онъ можетъ, выясниться только къ тому времени, когда выяснится соотношеніе этого закона съ закономъ о реформѣ самоуправленія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не считали возможнымъ, разъ установленъ принципъ выборности, не вводить тѣхъ или другихъ началъ ценза, не предъявлять будущимъ судьямъ опредѣленныхъ требованій, а предоставить это на волю населенія. Мы считали, что мировой судья непремѣнно долженъ отвѣчать опредѣленнымъ условіямъ для занятія этой должности, и на первомъ мѣстѣ мы поставили образовательный цензъ,—мы согласны съ министерствомъ юстиціи въ томъ отношеніи, что въ принципѣ мировые судьи должны непремѣнно обладать высшимъ юридическимъ образованіемъ, но мы не могли не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что при недостаткѣ образованныхъ людей можетъ встрѣтиться неотразимая надобность къ замѣщенію такихъ должностей лицами, не получившими высшаго образованія. Поэтому комиссія въ видѣ корректива допускаетъ замѣщеніе должностей лицами, получившими и среднее образованіе, но при условіи, чтобы они тогда были избраны квалифицированнымъ большинствомъ, такъ какъ это квалифицированное большинство, знаменуя особое довѣріе къ нимъ мѣстныхъ жителей, могло бы до нѣкоторой степени компенсировать недостатокъ высшаго юридическаго образованія.

„Но комиссія единодушно отвергла предлагаемый министерствомъ юстиціи имущественный цензъ“.

Серьезныя разногласія возбудитъ вопросъ объ апелляціонной инстанціи. „Она можетъ быть устроена двояко: два взгляда существуютъ на этотъ вопросъ. Съ одной стороны, говорятъ, что право должно быть еди-

нымъ, что нельзя допускать двухъ различныхъ правъ; одни защищаютъ организацію, въ силу которой мировые судьи подчинены общимъ судамъ и жалобы апеляціонныя на нихъ восходятъ въ окружные суды; другіе утверждаютъ, что если мы допускаемъ въ правилахъ судопроизводства для мирового суда отличія отъ тѣхъ началъ, которыми проникнуты правила для общихъ судовъ, то уничтожатъ это отступленіе для второй инстанціи, которая, точно также обсуждаетъ весь спорный вопросъ во всемъ его объемѣ по существу,—значитъ правой рукой уничтожать то, что сдѣлано лѣвой рукой. Съ своей стороны, министерство вздумало примирить эти два противоположныя начала и предлагаетъ, чтобы въ апелляціонной инстанціи участвовали тѣ же выборные мировые судьи, но подъ предсѣдательствомъ назначеннаго члена окружнаго суда, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ являться предсѣдателемъ съѣзда и тѣмъ, что прежде называлось непремѣннымъ членомъ, т. е. завѣдывать канцеляріей и распоряжаться всѣмъ дѣлопроизводствомъ.

„Комиссія на это не могла согласиться. Какъ это ни странно, изъ всѣхъ разногласій, которыя возникли между министерствомъ и думской комиссіей, именно по этому вопросу министерство особенно настаивало на своемъ взглядѣ. Мы не могли согласиться съ этимъ предложеніемъ, потому, что мы не желаемъ въ этой апелляціонной инстанціи столкновенія двухъ различныхъ началъ“.

Таковы наиболѣе существенныя различія во взглядахъ на основныя черты предстоящей реформы мѣстнаго суда, между думской комиссіей и—можно это

смѣло утверждать—большинствомъ второй думы, съ одной стороны, и министерствомъ юстиціи—съ другой.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, всѣ основанія утверждать, что вторая дума довела бы до конца, и при томъ въ близкомъ будущемъ, дѣло реформы мѣстнаго суда, переработавъ весьма существенно правительственный проектъ, въ только что указанномъ направленіи, если бы работа думы не была прервана.

XIV.
Запросы.

Тяжелое положеніе, въ которомъ находится страна, никогда не проявляется съ такой очевидностью, какъ во время обсужденія запросовъ. Они ярко освѣщаютъ весь ужасъ беззаконій, продолжающихъ царить въ странѣ, и въ то же время выясняютъ, какъ безконечно трудна борьба съ ними. Понятно, поэтому, что дума теряется въ этой борьбѣ съ министерствомъ помощью запросовъ, понятно поэтому, что она отдаетъ имъ больше времени, удѣляетъ больше вниманія, нежели они того заслуживаютъ.

Наученная опытомъ первой думы, вторая съ самаго начала по вопросу о порядкѣ предъявленія правительству запросовъ стала на вѣрную точку зрѣнія. Всѣмъ извѣстно и неоднократно отмѣчалось въ печати, что въ первой думѣ массовое внесеніе запросовъ, часто непровѣренныхъ, неумѣло и неправильно редактированныхъ, касавшихся и крупныхъ злоупотребленій власти, и всякихъ ничтожныхъ мелочей, постепенно дискредитировало эту форму думскаго надзора. Лишь съ учрежденіемъ особой комиссіи о запросахъ и принятіемъ ряда правилъ положеніе нѣсколько упорядочилось. Теперь вторая дума немедленно пошла по пра-

вильному пути. Для характеристики настроенія думы любопытно отмѣтить, что постановленіе объ образованіи комиссіи и о передачѣ въ нее несрочныхъ запросовъ было сдѣлано по такому поводу, какъ избіеніе депутата полиціей. Постановивъ, далѣе, отвести одинъ день въ недѣлю для разсмотрѣнія запросовъ, дума слѣдовала примѣру своей предшественницы. Опытъ первой думы показалъ, что предъявленіе запросовъ легко можетъ оказаться оружіемъ гораздо болѣе опаснымъ для самой думы, чѣмъ для тѣхъ, къ кому эти запросы предъявляются. Опасность состоитъ въ томъ, что запросы постепенно вытѣсняютъ прочую думскую дѣятельность, не менѣе важную теоретически и гораздо болѣе плодотворную практически. И опасность эта для второй думы была большая, чѣмъ для первой. Во второй думѣ гораздо многочисленнѣе тѣ элементы, для которыхъ законодательная дѣятельность и неинтересна, и непосильна, но которымъ вполнѣ доступно произнесеніе тѣхъ заурядныхъ рѣчей митинговаго характера, коими неизмѣнно сопровождается каждый запросъ. Съ другой стороны, министерство привыкло къ запросамъ и до сихъ поръ пользовалось отвѣтами на нихъ только для того, чтобы „всецѣло и всемѣрно“ оправдывать и санкціонировать теперешній порядокъ вещей, косвенно поощряя, такимъ образомъ, тѣ самыя явленія, противъ которыхъ борется дума Мы боимся, что, напримѣръ, объясненія министра юстиціи по поводу насилій, произведенныхъ въ алгачинской тюрьмѣ, только могутъ способствовать намѣреніямъ низшихъ властей „продолжать въ томъ же духѣ“. Можно думать, что то импонирующее значеніе, которое имѣли первые запросы, впервые поставившіе представителей

власти лицомъ къ лицу съ представителями народа, въ настоящее время совершенно утрачено. Г. Щегловитовъ „объясняется“ съ думой такъ же непринужденно, какъ онъ нѣкогда—въ столь близкое, но кажущееся столь безконечно далекимъ, время—полемизировалъ въ засѣданіяхъ юридическаго общества: пожалуй даже онъ тогда счелъ бы свой теперешній тонъ дурнымъ.

Разговоры о значеніи запросовъ съ точки зрѣнія поднятія авторитета думы—тоже пора бы оставить. Такое значеніе имѣетъ далеко не каждый запросъ. Опять таки, достаточно припомнить, что въ первой думѣ, наряду съ запросомъ о печатаніи погромныхъ воззваній въ департаментѣ полиціи или о бѣлостокскомъ погромѣ, предъявлялись запросы о тенденціозномъ направленіи такихъ то губернскихъ вѣдомостей, предъявлялись запросы, иной разъ редактированные совершенно неудачно, по телеграммамъ или письмамъ, никѣмъ не провѣреннымъ. Подобные случаи имѣли мѣсто и во второй думѣ. Они станутъ невозможны тогда, когда запросы не будутъ приниматься наспѣхъ, экспромптомъ, въ собраніи утомленныхъ и плохо слушающихъ депутатовъ. Для этого первое условіе—отнесеніе запросовъ къ опредѣленному дню. Само собою разумѣется, могутъ быть исключенія, могутъ быть случаи, когда необходимо немедленно заслушать запросъ: такіе случаи были и въ первой, и во второй думѣ. Мы полагаемъ, что эти исключенія только подтверждаютъ общее правило. Но, понятно, этотъ взглядъ на запросы, къ которому въ большинствѣ случаевъ удавалось склонять думу, проводился не безъ борьбы со стороны довольно значительной ея ча-

сти. Положеніе дѣла можетъ быть лучше всего иллюстрировано судьбой нѣсколькихъ запросовъ.

Въ какой мѣрѣ часть думы не желала считаться съ необходимостью экономнаго обращенія съ временемъ, свидѣтельствуетъ то требованіе срочнаго обсужденія запроса, которое часто защищалось этой частью думы.

Въ этомъ отношеніи засѣданіе 3 апрѣля можетъ служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать запросовъ. Цѣлое засѣданіе было посвящено спорамъ о томъ, являются ли три запроса срочными, или же они могутъ быть переданы въ комиссію для запросовъ, назначеніе которой въ томъ и заключается, чтобы ихъ обосновывать, придавать имъ такую форму, которая дѣлала бы ихъ не только явно пріемлемыми для думы, но и лишало бы министерство возможности уклониться отъ отвѣта по существу. Притомъ, какъ бы принципіально ни относиться къ такой предварительной фильтровкѣ запросовъ въ комиссіи, во всякомъ случаѣ, это порядокъ, уже принятый думой,—которому, слѣдовательно, необходимо подчиниться. Необходимо поэтому требовать признанія срочности запросовъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда отъ малѣйшаго промедленія можетъ произойти непоправимый вредъ. И именно потому, что случаи такіе возможны, необходимо не злоупотреблять этимъ совершенно экстреннымъ средствомъ тогда, когда нѣкоторое промедленіе никакой опасностью не грозитъ. Необходимо, притомъ, имѣть въ виду, что промедленіе, которое должно произойти вслѣдствіе передачи запроса въ комиссію, можетъ быть минимальнымъ, можетъ быть доведено до двухъ, а порой даже до одного дня, какъ это было, напри-

мѣръ, съ запросомъ объ избіеніяхъ, происходящихъ въ каторжныхъ тюрьмахъ нерчинскаго округа Обращаясь къ тому, что дѣлается въ думѣ по поводу запросовъ, мы видимъ тамъ порой полное пренебреженіе къ этому основному требованію, котораго слѣдовало бы по отношенію къ нимъ придерживаться. Лучшимъ образчикомъ того, какъ не слѣдуетъ ихъ дѣлать, можетъ служить запросъ о дѣйствіяхъ карательной экспедиціи въ селеніи Ланчхуты кутаисской губерніи. Мы останавливаемся, именно, на этомъ примѣрѣ, потому что защита его срочности была принята на себя однимъ изъ лучшихъ ораторовъ соціалъ-демократической фракціи (Церетели), такъ что къ защитѣ его срочности было приложено то умѣнье, которымъ отнюдь не отличались другія аналогичныя рѣчи. Картина порядковъ получилась ужасная, и самое ужасное въ этомъ то, что въ этой картинѣ нѣтъ никакого преувеличенія, нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ живетъ въ настоящее время Кавказъ, этотъ богатѣйшій и несчастнѣйшій край Россіи. Но если такъ, то причемъ же тутъ срочность запроса? Рѣчь идетъ о порядкахъ, твердо укоренившихся на Кавказѣ, съ этимъ надо бороться, но можно именно поэтому утверждать, что одинъ или даже нѣсколько дней въ этомъ вопросѣ никакой роли не играютъ. А между тѣмъ, неправильно поставленное требованіе увлекаетъ думу въ совершенно по существу безполезныя пренія.

Чрезвычайно любопытно съ точки зрѣнія вопроса о тѣхъ неправильностяхъ, которыя могутъ быть легко допущены при постановкѣ запросовъ, судьба запроса о пыткахъ, производившихся въ рижскихъ тюрьмахъ.

Запросъ этотъ, какъ извѣстно, чрезвычайно осложнился вопросомъ о политическомъ террорѣ. Въ сущности, самъ по себѣ запросъ не возбуждалъ особыхъ трудностей. Несмотря на всю энергію защиты, проявленной министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ (въ лицѣ его товарища Макарова), незаконныя дѣйствія администраціи выступали въ такой мѣрѣ рѣзко, что двухъ мнѣній по этому вопросу не могло быть.

Правительство попыталось облегчить свое положеніе по этому дѣлу. Оно стало на ту точку зрѣнія, что запросъ комиссіей не въ достаточной мѣрѣ подкрѣпленъ фактами, что многое ею не доказано. Совершенно правильно указалъ по этому поводу д. Аджемовъ, что вся эта постановка вопроса въ корнѣ невѣрная. Правительство полагаетъ, что запросъ—это нѣчто законченное, это обвинительный актъ, который составляется гос. думой и направляется по опредѣленной инстанціи для того, чтобы имѣть сужденіе по уже окончательно составленнымъ актамъ и планамъ. Но это совершенно не соотвѣтствуетъ самому значенію и сути той статьи положенія о гос. думѣ, которая говоритъ о запросахъ. Этой статьей предоставлено гос. думѣ обращаться съ запросами къ министрамъ для того, чтобы установить тотъ или иной фактъ, для того, чтобы черезъ нихъ собрать и удостовѣриться въ свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до гос. думы о тѣхъ или иныхъ незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ. Дума не имѣетъ своего исполнительнаго органа, для того чтобы имѣть возможность составить обоснованный обвинительный актъ, какъ это дѣлается на судѣ.

Дѣло вовсе не въ томъ, подтвердились ли въ точности всѣ тѣ факты, на которые было указано въ за-

просѣ. Совершенно достаточно, если, несмотря на отрицаніе одной части фактовъ, правительство все же вынуждено было признать, что другая часть указанныхъ неправомѣрныхъ фактовъ дѣйствительно имѣла мѣсто. И въ данномъ случаѣ такое признаніе было сдѣлано.

Резюмируя объясненія министровъ по поводу этого запроса. докладчикъ комиссіи совершенно правильно установилъ, что и сами министры, несмотря на категорическое отрицаніе правильности запроса, тѣмъ не менѣе, констатировали рядъ фактовъ, въ достаточной мѣрѣ устанавливающихъ безусловную основательность запроса, даже если и оставить въ сторонѣ, какъ опровергнутое, все то, что ими не было подтверждено. „Намъ говорятъ, замѣтилъ деп. Пергаментъ, что „всѣ указанія комиссіи, сдѣланныя ею по адресу прокурорскаго надзора, безусловно невѣрны, ибо прокуроръ, какъ это установлено актами дознаній, ни разу не былъ въ арестныхъ помѣщеніяхъ. Я не знаю, до какого извращенія юридическихъ отношеній нужно дойти, чтобы противопоставить полный индифферентизмъ лицъ прокурорскаго надзора тѣмъ дѣйствіямъ, о которыхъ мы здѣсь слышали. Намъ говорятъ, что ужасы, изложенные въ этомъ запросѣ, на самомъ дѣлѣ не имѣли мѣста. Правда, одну женщину застрѣлили, но эта женщина—ужасайтесь, господа члены гос. думы!—стоя у окна, разговаривала. Намъ говорятъ, что воздѣйствія на арестованныхъ дѣйствительно имѣли мѣсто, но это происходило потому, что были попытки къ побѣгамъ Простите меня, господа, но, чтобы имѣть право стрѣлять въ лицъ, которыя собираются бѣжать, нужно, несомнѣнно, установить, что тѣми или иными мѣрами побѣгъ нельзя предотвратить. Но мы знаемъ, что по-

пытка побѣга подавлена стрѣльбой еще въ предѣлахъ тюрьмы, въ стѣнахъ ея. Переходя къ тѣмъ объясненіямъ, которыя здѣсь были даны товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, я не могу, равнымъ образомъ, найти въ нихъ основаній, которыя поколебали бы увѣренность въ правильности предъявленнаго гос. думой запроса. Намъ заявляютъ, что въ участкахъ, дѣйствительно, били резинами; намъ говорятъ, что, дѣйствительно, сѣкли розгами одинъ, два раза. Господа, мы живемъ въ строго правовомъ государствѣ... У насъ только два раза сѣкутъ розгами, у насъ слѣды отъ побоевъ находять себѣ фактическое подтвержденіе только два раза! Медицинскимъ освидѣтельствованіемъ только однажды,—говорилъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ,—завидѣтельствованы тяжкіе побои. Въ остальныхъ случаяхъ слѣды говорятъ только о легкихъ побояхъ. Какъ же не радоваться, господа? Какъ не говорить, что мы живемъ въ правовомъ государствѣ?! Да, дѣйствительно, воцарилась правда и право на Руси, если только легко бьютъ въ участкахъ. На этомъ можно основать правомѣрность дѣйствія власти .. Намъ говорятъ, что уже 42 дѣла относительно преданія чиновъ суду имѣются. Я спрошу г. министра юстиціи и товарища министра внутреннихъ дѣлъ, отчего только сегодня мы услышали про эти 42 дѣла?“

Казалось бы, при такомъ положеніи запроса, выходъ для думы подсказывался самъ собой. Очевидно, дума могла лишь отмѣтить незаконномѣрный образъ дѣйствій органовъ правительственной власти и затѣмъ, съ тяжелымъ чувствомъ, перейти къ очереднымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, совершенно неожиданно, дѣло было осложнено правительствомъ постановкой на об-

сужденіе вопроса о политическомъ террорѣ. Мы говоримъ, что вопросъ былъ осложненъ на этотъ разъ не правыми, но правительствомъ, такъ какъ послѣ того односторонняго освѣщенія, которое далъ товарищъ министра, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи товарищъ предсѣдателя не могъ уже сдержать преній въ предѣлахъ обсуждавшагося вопроса, но допустилъ широкое обсужденіе вопроса о террорѣ даже и за предѣлами того края, къ которому относился запросъ. Въ результатѣ безконечныхъ преній по этому вопросу ни одна изъ 8 предложенныхъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ не была принята. Извѣстная часть печати страшно этому обрадовалась, она пожелала усмотрѣть въ этомъ пораженіе партіи народной свободы, ударъ, нанесенный ея тактикѣ. Мы думаемъ, однако,— безъ достаточныхъ основаній. Дѣло, именно, въ томъ, что тактика фракціи партіи народной свободы къ тому и сводилась, чтобы снять съ обсужденія думы вопросъ о политическомъ террорѣ. Партія исходила изъ того взгляда, что вопросъ о террорѣ не есть вопросъ думской дѣятельности, такъ какъ дума не должна заниматься теоретическими вопросами, какъ бы ни было велико ихъ практическое значеніе. Партія полагала, что обсужденіе такого остраго вопроса, отношеніе къ которому можетъ видоизмѣняться у людей даже и совершенно независимо отъ общихъ программныхъ вопросовъ, нисколько не можетъ содѣйствовать тому дѣлу объединенія политическихъ дѣятелей, которое должно составлять одну изъ задачъ парламентской дѣятельности. Когда рѣчь идетъ о какомъ либо практическомъ мѣропріятіи, мнѣнія о томъ, какъ его провести, могутъ тоже значительно расходиться между

собой, но тогда есть опредѣленная практическая задача, ради которой люди идутъ на взаимныя уступки. Когда рѣчь идетъ только о сужденіи, нѣтъ мѣста для такихъ уступокъ. И чѣмъ важнѣе вопросъ, тѣмъ болѣе естественно желаніе каждаго съ возможно большей полнотой выразить всѣ нюансы своего мнѣнія.

Опасенія, которыя побуждали партію народной свободы высказаться противъ обсужденія вопроса о политическомъ террорѣ, такимъ образомъ въ полной мѣрѣ оправдались при обсужденіи этого вопроса, такъ внезапно вызваннаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Казалось бы, на этомъ можно было покончить съ вопросомъ. Но лѣвыя партіи этимъ не удовлетворились. Послѣ перерыва, онѣ внесли проектъ новой формулы. Партія народной свободы рѣшительно отказалась принять участіе въ дальнѣйшей баллотировкѣ формулъ. Ея точку зрѣнія прекрасно формулировалъ д. Маклаковъ. Онъ указалъ, что предъ „думой вопросъ и практическій, и теоретическій—какъ быть съ этими двумя формулами и какъ, вообще, быть въ подобныхъ случаяхъ? Если бы предъ нами стоялъ только практическій вопросъ, то достаточно было бы указать, что обѣ эти формулы уже баллотированы и отвергнуты. Но передъ нами стоитъ, во всей важности, еще вопросъ теоретическій: какъ, вообще, быть думѣ, если всѣ формулы отвергнуты? Мы голосуемъ иногда за или противъ формулы не только по сочувствію или несочувствію къ ней, но также и по тому, какія формулы предстоитъ голосовать сперва. Я часто голосовалъ противъ формулы только потому, что зналъ, что послѣ нея есть другая, болѣе для меня пріятная.

До сихъ поръ мы придерживались порядка, что передъ голосованіемъ всѣ формулы оглашались, и мы голосовали, зная, что внѣ оглашенныхъ формулъ ничего нѣтъ. И вотъ, если случается то, что случилось сейчасъ, т. е., что ни одна группа не выражаетъ собой мнѣнія большинства думы и ни одна предложенная формула не встрѣчаетъ сочувствія, то нужно заявить, что никакая формула принята быть не могла. Это единственный выходъ изъ того положенія. То же, что мы сейчасъ дѣлаемъ здѣсь, совершенно недопустимо. Это сводится къ тому, что мы хотимъ взять это собраніе измором и заставить его принять то, чего оно не успѣло достаточно обсудить и выяснить. Вотъ почему мое практическое предположеніе, котораго слѣдуетъ держаться, сводится къ слѣдующему: пока наказъ не принятъ, вносите какія угодно формулы и предложенія, располагайте ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, но, когда они отвергнуты, не насилуйте нашей совѣсти, нашихъ убѣжденій. По этому вопросу больше ничего сказать нельзя, предсѣдатель долженъ поставить на очередь слѣдующій вопросъ.

Необходимость бережнаго отношенія къ парламентскому дѣлопроизводству, необходимость приложить всѣ старанія къ тому, чтобы выработать возможно болѣе раціональные парламентскіе техническіе пріемы, хотя бы для этого и приходилось жертвовать интересами данной минуты, все это—понятія, которыя совершенно чужды нашимъ крайнимъ лѣвымъ партіямъ. Извѣстная резолюція представлялась въ данный моментъ лѣвымъ безусловно желательной, они рѣшились ее провести, не сообразуясь съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ это представляется возможнымъ съ точки зрѣнія

правильнаго веденія парламентскаго обсужденія вопроса.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе преній имѣлся въ виду рядъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, внесенныхъ въ думу. Когда всѣ эти формулы были послѣдовательно отвергнуты думой, возобновленіе преній и внесеніе новыхъ формулъ явилось попыткой перерѣшенія уже принятаго думой рѣшенія, и притомъ принятаго въ томъ же засѣданіи. Конечно, наказъ можетъ и иначе разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ можетъ предоставить думѣ въ такомъ случаѣ вновь открыть пренія, проводя, такимъ образомъ, различіе между отклоненіями формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ и рѣшеніемъ думы по существу вопроса. Наказъ можетъ исходить изъ того соображенія, что, отвергая послѣдовательно всѣ формулы, дума еще не дѣлаетъ никакого волеизъявленія и что поэтому внесеніе новой формулы, конечно, при условіи открытія вновь преній, представляется допустимымъ. Но намъ кажется, что до тѣхъ поръ, пока наказъ не провелъ такого различія между голосованіями, каждое голосованіе въ результатѣ обсужденія вопроса и послѣ закрытія преній должно разсматривать какъ рѣшеніе вопроса, и, слѣдовательно, внесеніе новой формулы послѣ того, какъ всѣ предложенныя были уже отвергнуты, является недопустимой попыткой перерѣшенія уже рѣшеннаго вопроса. По существу это давало бы возможность значительнаго затягиванія преній, конечно, безъ всякой пользы для настоящей парламентской работы.

Понятно, такой ригоризмъ въ обсужденіи вопросовъ представляетъ порой нѣкоторыя неудобства. Такъ, въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, было весьма непріятно,

что пренія по запросу, обнаружившему всю незакономѣрность дѣйствій органовъ правительственной власти, должны были закончиться безъ слова осужденія со стороны думы. Но и въ этомъ была своя хорошая сторона. Думскія фракціи получили бы полезный урокъ болѣе осторожнаго обращенія съ формулами перехода къ очереднымъ дѣламъ. Онѣ поняли бы, что необходимо заранѣе столковаться путемъ взаимныхъ уступокъ о пріемлемой для большинства формулѣ, чтобы избѣжать—несомнѣнно, нежелательнаго для значительнаго большинства думы—провала всѣхъ формулъ. Возможность возобновленія преній и позднѣйшаго внесенія новыхъ формулъ побуждаетъ къ большему легкомыслію при ихъ голосованіи: остается надежда на то, что уступчивость можно будетъ проявить впослѣдствіи, когда всѣ внесенныя уже формулы будутъ забаллотированы. Эта возможность особенно опасна именно у насъ, гдѣ, благодаря тяжелымъ условіямъ думской работы, результаты которой представляются для многихъ въ такой мѣрѣ проблематичными, главная забота нѣкоторыхъ парламентскихъ фракцій заключается вовсе не въ томъ, чтобы достичь въ думѣ тѣхъ или иныхъ положительныхъ результатовъ, но въ томъ, чтобы проявить свои взгляды; мы поэтому признаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ рѣшеніе комиссіи по разработкѣ наказа, согласно которому, въ случаяхъ, когда ни одна формула не принята думой, президіумъ констатируетъ отверженіе всѣхъ формулъ,— и дума переходитъ къ слѣдующему вопросу.

Но если можно спорить по вопросу о томъ. имѣла ли право дума обсуждать и вновь баллотировать новую формулу послѣ того, какъ отвергнуты всѣ предложенныя и обсуждавшіяся въ предположеніи, что дру-

гихъ формулъ не будетъ предложено, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не осудить той настойчивости, съ которой лѣвыя партіи стремились въ этомъ вопросѣ провести чрезъ думу, какъ постановленіе думы, свою формулу, которая, очевидно, большинствомъ думы не раздѣлялась. Повторяемъ, это было бы понятно, если бы рѣчь шла о какомъ-либо практическомъ мѣропріятіи, отъ котораго партія ждала бы важныхъ для страны послѣдствій; но когда рѣчь идетъ о выраженіи мнѣній, нельзя брать думу измором.

Какъ это обыкновенно бываетъ, одна неправильность влечетъ за собою другія. Осложненіе запроса о злоупотребленіяхъ въ тюрьмѣ вопросомъ о политическомъ террорѣ запутало пренія и въ результатѣ не дало возможности составиться въ думѣ опредѣленному большинству по вопросу, по которому это, по существу запроса, было абсолютно возможно. Но, затѣмъ, и то постановленіе случайнаго большинства, которое получилось въ результатѣ допущенныхъ въ засѣданіи ошибокъ, вызвало новыя недоразумѣнія. Формула заканчивалась словами: „и признавая объясненія министровъ неудовлетворительными, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. Въ виду этого текста формулы въ печати возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли ее понимать въ томъ смыслѣ, что дѣло должно быть представлено въ порядкѣ ст. 60 учр. гос. думы на Высочайшее благоволзрѣніе, такъ какъ формула была принята требуемымъ этой статьей большинствомъ двухъ третей членовъ думы Нѣкоторые полагали, что для такого движенія дѣла требуется спеціальное постановленіе думы, котораго въ данномъ случаѣ не было. Это мнѣніе представляется, однако, неправильнымъ. Буквальн-

ный текстъ ст. 60-ой не оставляетъ, какъ намъ кажется, мѣста для какихъ-либо сомнѣній. Статья эта гласитъ: „если государственная дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью, то дѣло представляется предсѣдателемъ государственнаго совѣта на Высочайшее благоволеніе". Такимъ образомъ, условіе такого направленія дѣла указано совершенно точно, это—постановленіе квалифицированнымъ большинствомъ голосовъ, что оно не признаетъ возможнымъ удовлетвориться объясненіями министра. И дѣлать какія то различія между невозможностью удовлетвориться объясненіями и признаніемъ ихъ неудовлетворительными,—значитъ прикрывать буквой закона желаніе извратить его дѣйствительный смыслъ. Такое стремленіе мы еще можемъ понять у петербургскаго присутствія по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ, когда оно желаетъ per fas et nefas отказать въ легализаціи партіи народной свободы или другому нежелательному ему союзу, но онъ становится совершенно неумѣстнымъ, когда рѣчь идетъ о народномъ представительствѣ. И если въ данномъ случаѣ и можно было вполнѣ основательно усомниться въ томъ, желала ли дума воспользоваться ст. 60-ой, то только потому, что она, именно, отвергла это обращеніе въ теченіе того же засѣданія. Но мы должны все же признать, что, хотя и по ошибкѣ, но формально дума проголосовала формулу, которая сама по себѣ предполагаетъ обращеніе къ Высочайшей власти. Очевидно преимущественно этимъ эпизодомъ обусловливается рѣшеніе, согласно которому для

примѣненія ст. 60 требуется еще спеціальное постановленіе думы. Отвлеченно разсуждая, можно было бы признать, что это излишне, что если дума не желаетъ примѣненія ст. 60-ой, то она безъ труда найдетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, непредусмотрѣнную этой статьей. Но дѣйствительность опровергла эту презумпцію

Конечно, доказывая весь вредъ неправильной постановки запросовъ въ думѣ, мы очень далеки отъ мысли о безполезности запросовъ правительству даже и въ нашей думѣ, даже и при теоріи полной неотвѣтственности правительства предъ думой, которая, будто бы, не имѣетъ и права выражать свое недовѣріе министерству. Надо только умѣло использовать это орудіе, не преувеличивая и не преуменьшая его значенія. И лучшимъ образцомъ такого умѣлаго пользованія правомъ запроса можетъ служить запросъ, внесенный московскимъ депутатомъ, членомъ партіи народной свободы, Маклаковымъ о дѣйствіяхъ московскаго генералъ-губернатора Гершельмана.

Запросъ касался отмѣны властью генералъ-губернатора приговора военно-полевого суда, коимъ 4 подсудимыхъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Статья 5 положенія о военно-полевыхъ судахъ категорически объясняетъ, что ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ никакая отмѣна военно-полевого суда не допускается. „Приговоръ этотъ“, говорится въ § 5, „по объявленіи его на судѣ, немедленно вступаетъ въ законную силу и безотлагательно приводится въ исполненіе“. Черезъ два мѣсяца послѣ обнародованія этого закона министръ особымъ циркуляромъ рѣшительно и категорически подчеркнулъ значеніе этой

статьи и безъ того совершенно ясной. Въ этомъ циркулярѣ отъ 12 октября говорится: „приговоры военно-полевыхъ судовъ не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ отмѣнены, а потому передача на второе разсмотрѣніе военно полевого суда или другого суда недопустима. И несмотря на такой ясный законъ и такое ясное разъясненіе этого казалось бы ненуждавшагося въ разъясненіяхъ закона, московскій генералъ-губернаторъ своею властью отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суда, и смертный приговоръ былъ вынесенъ новымъ судомъ и приведенъ въ исполненіе.

Чувство ужаса, внушаемое этимъ нарушеніемъ закона, результатомъ котораго была казнь четырехъ человѣкъ, если можно назвать казнью лишеніе жизни, произведенное съ такими явными нарушеніями закона, и безъ того отнимающаго у подсудимыхъ элементарныя гарантіи правильнаго отправленія правосудія, еще усиливается, когда узнаешь, за какого рода преступленія была примѣнена при такихъ ужасныхъ условіяхъ смертная казнь. Все дѣло сводилось къ тому, что пятеро земляковъ, изъ которыхъ одинъ былъ городовой, послѣ дружественной попойки подрались и въ дракѣ былъ убитъ городовой... Можно было бы по поводу этого инцидента говорить очень и очень много о военно-полевыхъ судахъ, можно было бы требовать ихъ немедленнаго уничтоженія. Но д. Маклаковъ совершенно правильно пожелалъ остаться въ рамкахъ запроса, преслѣдуя тѣ, именно, задачи, которымъ запросы должны служить. Противъ военно-полевыхъ судовъ, какъ учрежденія, можетъ быть направленъ законопроектъ о его отмѣнѣ,—это и было въ свое время сдѣлано. Непосредственная задача запроса—раскрытіе злоупотребленій, и,

слѣдовательно, предметомъ запросовъ должны быть не порядки, основанные на законѣ, какъ бы ненормальны они ни были, но отступленія даже и отъ этихъ порядковъ. Извлечь дѣйствительную пользу изъ правового института можно въ томъ только случаѣ, если пользоваться имъ, не искажая дѣйствительной его природы. Было бы, притомъ, неправильно думать, что, пользуясь въ такихъ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ правомъ запросовъ, дума суживаетъ ихъ политическое значеніе. Наоборотъ, пока критика относится къ сферѣ общихъ порядковъ, возраженія сравнительно легки, можно отдѣлываться и общими фразами. Можно, напримѣръ, общими фразами возражать по поводу того состоянія, въ которомъ находится въ настоящее время Кавказъ. Но когда излагается эпизодъ съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, область общихъ фразъ оказывается закрытой для правительства, приходится признавать вопіющій, даже съ правительственной точки зрѣнія, фактъ.

Формулируя свой запросъ, деп. Маклаковъ, какъ настоящій и опытный юристъ, былъ чрезвычайно остороженъ. То, что дѣлается военно-полевыми судами, составляетъ тайну, и хотя то, что изложилъ предъ думой д. Маклаковъ, знала вся Москва, тѣмъ не менѣе, онъ призналъ возможность ошибки. „Молва ошибается, молва часто преувеличиваетъ. Можетъ быть, здѣсь что то не такъ, и я скажу предсѣдателю совѣта министровъ, что если онъ придетъ на эту трибуну и скажетъ, что это невѣрно, что это неточно, что если онъ принесетъ достовѣрныя свѣдѣнія, что эта молва—только продуктъ закрытыхъ дверей, что здѣсь не было такого вопіющаго злоупотребленія властью, то я первый буду счастливъ повѣрить этому. Но пока этого нѣтъ, и мы только

знаемъ, что отъ этого факта наши власти отмалчиваются".

Деп. Маклаковъ закончилъ свою рѣчь злой иронiей звучавшими словами: „я вспоминаю, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ сказалъ въ тотъ день, когда читалъ декларацію, что правительство будетъ привѣтствовать всякое разоблаченіе неправды, всякое открытое разоблаченіе преступленій и злоупотребленій. Дума свой долгъ исполнила: она сдѣлала эти разоблаченія, указала на то, что просили. И дума будетъ ждать, что и правительство исполнитъ свой долгъ".

И эти краснорѣчивыя по своей простотѣ слова сильнѣе пригвоздили къ столбу правительство, нежели самыя патетическія разсужденія на общія темы. Въ этомъ вся сила запросовъ

Министерство рѣшилось исполнить свою конституціонную обязанность и дать народнымъ представителямъ требуемое отъ него объясненіе. Выступилъ не одинъ военный министръ онъ былъ поддержанъ министромъ юстиціи и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ,—повидимому, для того, чтобы,какъ можно нагляднѣе, доказать, что все министерство совершенно солидарно по этому вопросу.

Обвиненіе, предъявленное въ запросѣ генералъ-губернатору Гершельману, вполнѣ подтвердилось отвѣтами министровъ. Осторожная оговорка, сдѣланная д. Маклаковымъ, оказалась совершенно лишней. Фактическія поправки, внесенныя ими, ничего не измѣняютъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, коими квалифицируется дѣятельность Гершельмана, и мы можемъ только удивляться той наивности, съ которой гг. министры настаивали на этихъ неточностяхъ. Такимъ образомъ,

эти объясненія только дополняютъ ту ужасную картину военно-полевого суда, о которой говорилось въ думѣ и по поводу отмѣны военно полевой юстиціи, и спеціально по поводу этого запроса. Послѣ перваго думскаго дня, посвященнаго дѣлу Гершельмана, могло казаться, что это дѣйствія мѣстныхъ властей, противъ которыхъ безсильна власть центральная, но которыхъ она все же не одобряетъ. Послѣ второго думскаго дня стало очевиднымъ, что это—такого рода дѣйствія, которыя центральная власть, во всякомъ случаѣ, съ удивительной готовностью покрываетъ. Это результатъ, ради котораго было цѣлесообразно сдѣлать запросъ.

Кое гдѣ въ печати было замѣчено, что засѣданіе 30 апрѣля напомнило лучшія засѣданія первой думы Это замѣчаніе совершенно правильно. Дѣйствительно, пренія по запросу о дѣйствіяхъ ген. Гершельмана отличались той цѣльностью, тѣмъ единствомъ настроенія, той согласованностью, которыя были такъ характерны въ первой думѣ. И мы полагаемъ, что отсутствіе безпокойныхъ лидеровъ крайней лѣвой и сидящихъ направо разнузданныхъ любителей сильныхъ парламентскихъ ощущеній (чтобы не говорить—скандаловъ) содѣйствовало въ значительной степени положительнымъ свойствамъ думскаго засѣданія.

Безпомощнѣе всѣхъ оказался военный министръ. Произнеся, словно заученный урокъ, свою монотонную и безцвѣтную рѣчь, онъ затѣмъ не раскрывалъ болѣе своихъ устъ, несмотря на то, что нѣкоторыя замѣчанія и вопросы (напр., вопросъ деп. Маклакова о резолюціи ген. Гершельмана, имѣющейся, по слухамъ, въ дѣлѣ) требовали отвѣта. Можно думать, что безпомощ-

ность ген. Редигера обусловливалась, между прочимъ, той „подмогой“, которую онъ получилъ отъ своего товарища по кабинету—г. Макарова.

Рѣчь ген. Редигера сводилась къ разбору тѣхъ формальныхъ дефектовъ приговора по дѣлу братьевъ Кобловыхъ и Тараканниковыхъ, которые, по мнѣнію ген. Гершельмана, поддерживаемому военнымъ министромъ, препятствовали этому приговору вступить въ законную силу. Вскользь ген. Редигеръ упомянулъ о томъ, что, по оплошности предсѣдателя очередного состава военно-полевого суда, приказъ по округу объ учрежденіи этого суда запоздалъ, такъ что судъ состоялся на основаніи одного только устнаго распоряженія генералъ-губернатора. Самая критика перваго приговора, указаніе на его формальные недостатки свидѣтельствовали о томъ, что въ глазахъ военнаго министра самъ по себѣ первый приговоръ имѣлъ юридическое существованіе. Если бы приговоръ былъ составленъ безъ формальныхъ недостатковъ, ген. Гершельманъ далъ бы ему вступить въ силу.

Эта точка зрѣнія сталкивались съ тѣмъ возраженіемъ, которое обстоятельнѣе всего было развито деп. Маклаковымъ. Отмѣна приговора по формальнымъ поводамъ предполагаетъ провѣряющую кассаціонную инстанцію. Между тѣмъ, возможность такой провѣрки категорически устранена самымъ текстомъ закона.

Само собою разумѣется, что дѣло нисколько не видоизмѣняется, если, вмѣсто „отмѣны приговора“, говорить, что ген. Гершельманъ постановилъ „резолюцію объ оставленіи приговора безъ исполненія“. Мало того: такое заявленіе еще болѣе запутываетъ дѣло, въ виду того, что юридическаго института „оставленія приго-

вора безъ исполненія“ совершенно не существуетъ. Между тѣмъ, такое положеніе рѣшился выставить министръ юстиціи. Его выступленіе представляется самымъ печальнымъ явленіемъ всего инцидента. Если генерала Гершельмана защищали министры военный и внутреннихъ дѣлъ, то для нихъ это были „вѣдомственные вопросы“, по которымъ они „должны“ защищать своихъ подчиненныхъ. Правда, предсѣдатель совѣта министровъ въ своей программной рѣчи приглашалъ думу разоблачать злоупотребленія и обѣщалъ съ этими злоупотребленіями бороться, но каждый при этомъ хорошо понималъ, что это была лишь красиваяфраза, ради которой нельзя пожертвовать вѣковой традиціей. Но даже и эта традиція отнюдь не требовала того, чтобы министръ юстиціи выступилъ въ защиту московскаго генералъ-губернатора. Это было дѣйствіе, которое могло обусловливаться только „внутреннимъ убѣжденіемъ“ министра юстиціи о справедливости того дѣла, въ защиту котораго онъ выступаетъ.

Когда министръ юстиціи повышеннымъ голосомъ и съ паѳосомъ „удостовѣрилъ передъ государственной думой“, что „резолюція ген. Гершельмана не заключаетъ въ себѣ словъ: „отмѣняю приговоръ военно-полевого суда“, въ отвѣтъ ему раздался вполнѣ заслуженный взрывъ хохота. Когда онъ заявилъ, съ совершенно несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла апломбомъ, что „отъ фактической стороны запроса не осталось ровно ничего“, раздались негодующіе возгласы.

Если мы обратимся къ существу аргументаціи министра юстиціи, то встрѣтимся съ такими аргументами, на которые какъ то даже неловко отвѣчать, особенно, когда имѣешь дѣло съ такимъ опытнымъ юристомъ,

какъ министръ юстиціи, относительно котораго нельзя предполагать наивнаго непониманія основныхъ началъ уголовнаго процесса. Министръ юстиціи старался доказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ отмѣной приговора, но съ неприведеніемъ его въ исполненіе. Совершенно правильно замѣтилъ по этому поводу д. І. Гессенъ: „что это за институтъ юридическій оставленіе безъ исполненія. Я этого не знаю и г. министръ юстиціи намъ этого не объяснилъ. Я говорю, что онъ и не можетъ объяснить, такъ какъ такого института не существуетъ". Конечно, положеніе, въ силу котораго приговоръ, и при томъ смертный, приводится въ исполненіе, какъ бы не только по существу, но и формально онъ ни былъ неправиленъ,— ужасное положеніе. Но вѣдь на это именно и указывала дума, требуя немедленной отмѣны военно-полевой юстиціи. Въ своей превосходной рѣчи д. Маклаковъ совершенно правильно отмѣтилъ эти стороны дѣла.

Если генералъ Гершельманъ не исполнилъ приговора оттого, что были формальныя нарушенія, при которыхъ онъ не считалъ этого приговора приговоромъ, „то я спрашиваю военнаго министра, какимъ образомъ съ такими объясненіями передъ государственной думой выходитъ членъ кабинета, который издалъ законъ, въ которомъ изложено, что приговоръ вступаетъ въ законную силу тотчасъ послѣ его объявленія? Членъ кабинета, который разсылалъ циркуляры генералъ-губернаторамъ о томъ, что приговоры военныхъ судовъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отмѣняемы? Я понимаю трагизмъ этого положенія, понимаю, что законъ, который говоритъ, что приговоръ ни подъ какимъ видомъ не отмѣняется, есть ужасный законъ. Но вѣдь вы при-

думали этотъ законъ, и я скажу, что именно авторамъ военно-полевого суда прибѣгать къ такимъ аргументамъ не слѣдуетъ. Я не сомнѣваюсь ни на минуту, что среди сотни приговоровъ, которое постановилъ военно-полевой судъ. 90% ничего не стоятъ съ точки зрѣнія юридической техники. Иначе быть и не можетъ. Судейское дѣло—очень трудное дѣло, и написаніе приговора не просто. Когда это поручается строевымъ офицерамъ, когда умышленно законъ устраняетъ отъ участія въ судахъ всѣхъ, кто имѣетъ юридическій цензъ, тогда сознательно идутъ на то, что приговоръ, съ точки зрѣнія формы, будетъ съ дефектами. Если бы когда нибудь юристъ подвергся приговору военно-полевого суда и былъ присужденъ къ смертной казни, и если бы этотъ юристъ увидѣлъ, что въ приговорѣ есть такія нарушенія, отъ которыхъ у юриста встанутъ волосы дыбомъ, и сталъ бы доказывать это со всей страстностью человѣка, который споритъ за жизнь, то что бы ему отвѣчали? Если бы сказали: жить вамъ осталось ровно столько, сколько нужно для того, чтобы окончить приготовленія къ казни, и употребите это время на то, чтобы писать письма къ роднымъ, а не на критику приговора. Жаловаться некому, и никто приговора о смертной казни отмѣнить не посмѣетъ. Вотъ что сказали бы осужденному на смертную казнь, и я дивлюсь, что сегодня выступаютъ съ другимъ аргументомъ. И намъ говорятъ дальше: не думайте, что здѣсь дѣло въ существѣ, а не въ нарушеніи формы. генералъ Гершельманъ отмѣнилъ бы этотъ приговоръ, даже если бы онъ былъ по существу совершенно съ нимъ согласенъ. Вотъ плоскость, на которой я спора не поведу... Есть вещи, въ которыхъ мы страну не увѣримъ...

Страна никогда не повѣритъ, что генералъ Гершельманъ явно нарушилъ законъ, отмѣнивъ приговоръ, вошедшій въ законную силу, поступилъ противъ циркуляра, который запрещалъ ему это, не потому, что по существу его возмутилъ приговоръ, а только изъ любви къ юридической формѣ; она никакъ не повѣритъ, что эти висѣлицы поставлены только во славу судебнаго педантизма, и если въ этомъ генералъ Гершельманъ убѣдилъ военнаго министра, то, если это даже и правда, страна этому не повѣритъ"...

Продолжая свою уничтожающую правительство критику, деп. Маклаковъ сказалъ далѣе. „Правительство заявило, что оно „привѣтствуетъ открытое разоблаченіе злоупотребленій". Такъ будьте послѣдовательны. Если вы привѣтствуете разоблаченіе преступленія только затѣмъ, чтобы потомъ выступать съ его апологіей, если у насъ введена гласность только для того, чтобы страна видѣла, что есть нѣчто сильнѣе закона, то это плохая политика, это не политика умиротворенія, это политика безсознательной провокаціи. Какое зрѣлище мы сейчасъ даемъ странѣ? Всѣмъ ясно, что законъ нарушенъ, преступленіе совершено. И, тѣмъ не менѣе, правительство выступаетъ съ тѣми аргументами, съ которыми я, какъ юристъ, не рѣшился бы выступить".

Но я скажу вамъ и другое. Въ тотъ день, когда читалась декларація 6 марта, г. предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ хорошее слово. Вы намъ сказали тогда, что правительство исполнено одной мыслью, одной идеей созданія правового государства. Если это искренно, я привѣтствую эту задачу, хотя

не всегда соглашаюсь съ ея выполненіемъ. Я скажу, что вы задачу поставили вѣрно, и если вы хотите служить законности,—вы правы Законность — это единственный принципъ, который можетъ остановить революцію, потому что онъ самъ—революція; потому что этимъ принципомъ вы создадите ту здоровую правовую атмосферу, которая, какъ политическая дезинфекція, убьетъ всѣ попытки насилія сверху и снизу. Я васъ привѣтствую. Но если вы избрали этотъ принципъ, если вы провозглашаете этотъ лозунгъ законности, то вы должны знать, что это одинъ изъ тѣхъ принциповъ, которыхъ измѣнять нельзя. Служить ему можетъ только тотъ, кто ему вѣритъ и кто отъ него не отступитъ. Тотъ, кто примѣняетъ законъ только тогда, когда онъ этого хочетъ, когда это не мѣшаетъ интересамъ сильнаго, авторитетнаго или даже просто имѣющаго большія заслуги лица, тотъ лучше пусть изорветъ свою декларацію. Я знаю, господа, на мѣстахъ очень много лицъ, которымъ ненавистенъ принципъ законности, которые вздыхаютъ о старомъ и съ балкона генералъ-губернаторскаго дома привѣтствуютъ сторонниковъ государственнаго переворота. Я знаю, что передъ ними правительство можетъ оказаться безсильнымъ, но я скажу вамъ: если вы не хотите, чтобы эти послѣдыши абсолютизма погубили и васъ съ вашими программами, то если вы даже не можете справиться съ ними, если вы предъ ними безсильны, то, по крайней мѣрѣ, не защищайте ихъ съ этой трибуны".

Какъ бы то ни было, министры, военный и юстиціи оба стояли на одной точкѣ зрѣнія. Оба они не возражали противъ того, что и первый приговоръ былъ приговоромъ. Оба они оспаривали возможность для

этого приговора вступить въ законную силу не потому, что самаго приговора не было, а потому, что онъ былъ формально пороченъ. Совершенно очевидно, что не было ни малѣйшаго смысла разбирать формальные недостатки приговора, который съ самаго начала признается несуществующимъ.

Конечно, постановка вопроса, данная въ изложеніи министра юстиціи, приводила къ вопіющей нелѣпости. Г. Щегловитовъ „удостовѣрялъ“, что первый приговоръ отмѣненъ не былъ. Онъ же удостовѣрялъ, что былъ постановленъ новый приговоръ. Такимъ образомъ, по одному и тому же дѣлу оказалось два приговора: одинъ—неправильный, не приведенный въ исполненіе, но, однако, и не отмѣненный, и рядомъ съ нимъ другой—исполненный. Съ точки зрѣнія юридической, такое положеніе, конечно, немыслимо. Нужно изумляться, что генералъ-прокуроръ, блюститель законности, могъ выставить и защищать подобную уродливую. совершенно недопустимую конструкцію.

. При такихъ условіяхъ, настоящимъ coup de tgeatre было выступленіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Макарова съ категорическимъ заявленіемъ, что „суда не было, а если не было суда, то то постановленіе, которое вечеромъ ген. Гершельману было принесено въ качествѣ приговора суда, составляло не приговоръ, такъ какъ исходило изъ учрежденія несуществующаго“. Совершенно правильно возразилъ деп. Маклаковъ, что „если приговора не было, то я спрошу товарища министра внутреннихъ дѣлъ: зачѣмъ же военный министръ, членъ того же кабинета, доказывалъ, что въ приговорѣ оказались дефекты: не упомянута

статья, не указанъ предметъ обвиненія? Вѣдь, господа, докажите, что приговора не было, и вопросъ былъ бы конченъ въ теченіе получаса. Я сошелъ бы съ этой трибуны, признавъ, что на этотъ запросъ я отвѣтъ получилъ, но завтра внесъ бы другой: о томъ, что вы сдѣлали съ этими судьями, начальниками тюрьмы и другими самозванными лицами? Но нынѣшній вопросъ былъ бы покончен. Но, выступивъ съ этимъ доводомъ, вы перешли къ другому, вы вступили на путь формалистики, въ которой вы говорили долго, но ничего не сказали, потому что правда противъ васъ. Одно для насъ осталось несомнѣннымъ, одно непоколебимымъ: былъ какой-то приговоръ, который вы измѣнили изъза соображеній, какъ вы говорите, формальныхъ, но который, по мнѣнію всѣхъ насъ, былъ отмѣненъ, потому что по существу вы съ нимъ несогласны. И когда я вижу ту защиту, съ которой вы пришли, когда я вижу, какъ вы въ концѣ рѣчи побиваете то, что говорили вначалѣ, какъ члены одного и того же правительства себѣ противорѣчатъ, я могу сказать только одно: такъ всегда бываетъ, когда защищаютъ неправое дѣло".

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ любой конституціонной странѣ засѣданіе, подобное тому, о которомъ идетъ рѣчь, было бы для министерства роковымъ. Ни одинъ политическій дѣятель не могъ бы сохранить своей общественной и политической репутаціи послѣ такого разгрома, какой имѣлъ мѣсто въ понедѣльникъ. И тамъ, гдѣ эта репутація—необходимое условіе для сохраненія власти, утрата ея, несомнѣнно и немедленно, должна вызвать отставку. Конечно, прошлогодній опытъ достаточно краснорѣчиво засвидѣтельствовалъ о томъ, что мнѣніе палаты для нашихъ минист-

ровъ совершенно безразлично. Мы совершенно увѣрены, что засѣданіе 30 апрѣля на гг. министровъ произвело впечатлѣніе просто крайне непріятной исторіи. Мы думаемъ, что они даже не оцѣнили того урона, который оно имъ причинило. Разъ они не могли даже замѣтить, что ихъ системы защиты другъ друга исключаютъ, то можно ли ожидать отъ нихъ такой оцѣнки, требующей уже не элементарной только сообразительности, но и нѣкоторой общественной чуткости?

XV.

Роспускъ думы.

Говоря объ актѣ 9 іюля, мы на страницахъ „Вѣстника“ писали: „То, что еще наканунѣ представлялось невозможнымъ, предъ чѣмъ останавливались со страхомъ самые уравновѣшенные и спокойные умы, то, къ чему призывали всей силой наемнаго краснорѣчія публицисты грингмутовскаго толка, и газеты типа „Русскаго Знамени“—то совершилось“.

Актъ 3 іюня 1907 г. отличается отъ своего первообраза прежде всего тѣмъ, что онъ никому не казался ни невозможнымъ, ни неожиданнымъ не только наканунѣ, но и, вообще, въ теченіе всего періода думской жизни. О роспускѣ говорили еще до открытія второй думы. Слухи и толки о роспускѣ все время висѣли въ воздухѣ, отравляя ту атмосферу, въ которой работали депутаты второго призыва, и можно только изумляться тому, что, живя со дня на день, волнуемые ежедневнымъ ожиданіемъ и постояннымъ предчувствіемъ крушенія, гибельнаго для ихъ трудовъ, эти депутаты сумѣли развить такую упорную и въ полномъ смыслѣ слова колоссальную энергію въ выполненіи

тѣхъ задачъ, ради которыхъ они считали себя посланными страной. Слухи о роспускѣ были съ самаго начала связаны съ составомъ второй думы, гораздо болѣе опредѣленно-лѣвымъ, нежели составъ первой. И, несмотря на этотъ составъ, сама по себѣ, вторая дума была несомнѣнно и значительно умѣреннѣе первой. Менѣе „работоспособная“ субъективно, благодаря своей пестротѣ и всѣмъ мѣрамъ, принятымъ для недопущенія въ нее цѣлаго ряда наиболѣе полезныхъ работниковъ, она въ объективномъ отношеніи не только не осталась позади первой думы, но даже опередила ее.

Официальная мотивировка перваго роспуска указывала на то, что „выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій... мѣстныхъ властей, къ указаніямъ... на несовершенства основныхъ законовъ... и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица думы къ населенію“. Это „обращеніе къ населенію“ и было, какъ извѣстно, ближайшимъ поводомъ роспуска.

Справедливость и основательность этихъ указаній были въ свое время оцѣнены. Они въ настоящую минуту снова вспоминаются для сопоставленія съ тѣми мотивами, которые теперь сопровождаютъ актъ роспуска. Въ этихъ мотивахъ отведено, прежде всего, мѣсто критикѣ внутреннихъ психологическихъ свойствъ депутатовъ второго призыва,—чистоты ихъ сердецъ и искренности ихъ желаній укрѣпить Россію и улучшить ея строй. За „значительной частью“ состава второй думы эти качества отрицаются. Дѣятельность

этой именно части внесла въ думу духъ вражды, благодаря которому не удалось сплотиться работоспособному большинству. А отсутствіе такого большинства привело къ тому, во-первыхъ, что плоды законодательной работы междудумья оказались неоцѣненными,— далѣе. роспись разсматривалась медлительно, наконецъ, право запросовъ было превращено въ способъ борьбы съ правительствомъ и возбужденія къ нему недовѣрія. Это, такъ сказать, общія, основныя прегрѣшенія думы. Рядомъ съ ними поставленъ упрекъ въ уклоненіи отъ осужденія убійствъ и насилія и неисполненіе немедленно требованія объ устраненіи пятидесяти пяти депутатовъ и о лишеніи свободы „наиболѣе уличаемыхъ“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что прежнее указаніе на „уклоненіе“ отъ работы законодательной замѣнено другимъ, болѣе конкретнымъ, относящимся къ области ст. 87 основн. законовъ и къ „медлительности“ думы. И насколько прежнимъ упрекамъ можно было противупоставить конкретные факты, настолько нынѣшніе опираются на такіе же безспорные факты Да, безспорно, дума дѣйствительно воспользовалась въ полной мѣрѣ принадлежащими ей правами по отношенію къ законодательству по ст. 87: иное не успѣла еще, за четыре съ половиной мѣсяца своего существованія, разсмотрѣть, иное разсматривала медленно (законопроектъ о мѣстномъ судѣ колоссальной важности и огромнаго объема), иное отвергла, въ виду того, что законопроекты были внесены въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были изданы въ періодъ междудумья, и по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ (напр., закону о восхваленіи преступленій), само

правительство заявило объ ихъ неудовлетворительности. Безспорно, что. отдавая массу силъ работѣ по бюджету,—работѣ новой, непривычной, требующей кропотливаго и неослабнаго вниманія, дума эту работу, сразу на нее свалившуюся, не успѣла закончить. Безспорно, что дума не усмотрѣла связи между указанными ей задачами законодательными и предлагаемой экскурсіей въ область нравственныхъ вопросовъ и оцѣнокъ. Безспорно, что въ ея глазахъ запросы о незаконом҃рныхъ дѣйствіяхъ правительства не были проникнуты ни довѣріемъ къ правительству, ни солидарностью съ нимъ. И, наконецъ, безспорно, что дума не нашла въ себѣ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы безъ разсужденій подчиниться ультиматуму и, уступивъ требованію, не провѣряя его основательности, выдать въ руки тюремщиковъ десятки своихъ членовъ. Все это, повторяемъ, безспорные факты, но дѣло не въ нихъ, а въ ихъ оцѣнкѣ: оцѣнка же эта напоминаетъ пословицу о собакѣ, которую объявляютъ бѣшеной, когда хотятъ ее убить.

Мы сказали, что самый роспускъ для думы не былъ неожиданнымъ. О томъ, ожидала ли его страна, мы не знаемъ. Но едва ли она ожидала тѣхъ, сопровождающихъ роспускъ, актовъ, которые отступаютъ отъ провозглашенныхъ въ основныхъ законахъ началъ, ссылаясь на „историческую власть“.

Какъ извѣстно, при роспускѣ первой думы въ указѣ сенату, вопреки требованію основныхъ законовъ, срокъ выборовъ указанъ не былъ, а былъ лишь назначенъ день созыва второй думы. Это отступленіе отъ основныхъ законовъ было отмѣчено и подчеркнуто печатью Но нельзя отрицать, что оно, съ одной стороны,—блѣд-

нѣло передъ самымъ фактомъ роспуска думы, подѣйствовавшимъ оглушительно на общественное сознаніе, а, съ другой стороны, смягчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ манифестѣ, ни въ послѣдующихъ актахъ не было рѣчи объ измѣненіи избирательнаго закона, не взирая на то, что въ этомъ смыслѣ велась въ части печати ожесточенная кампанія.

Въ настоящее время положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось. Актъ о роспускѣ возвѣстилъ перемѣну избирательнаго закона, опубликованіе котораго въ тотъ же день и послѣдовало. Совершенно очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ государственнымъ актомъ, который никоимъ образомъ не умѣщается въ предѣлахъ конституціонности и сознательно изъ нихъ выходитъ. Упоминая по этому поводу о государственномъ переворотѣ, „Нов. Время“ замѣчаетъ, что, если и можетъ о немъ идти рѣчь, то „развѣ въ томъ исключительно формальномъ смыслѣ, что новый избирательный законъ изданъ въ порядкѣ верховнаго управленія, а не въ законодательномъ порядкѣ, который ставилъ государство въ безвыходное положеніе“. „Безвыходность“ усматривается въ томъ, что нельзя же было ожидать проведенія усовершенствованнаго избирательнаго закона думою, составъ которой признанъ былъ неудовлетворительнымъ, именно, вслѣдствіе неудовлетворительности избирательнаго закона.

Эти соображенія газеты не выдерживаютъ, однако, ни малѣйшей критики. Прежде всего, нельзя проводить различія между формальнымъ и какимъ-либо инымъ смысломъ понятія coup d'état. Если конституція *фор-*

мально не связываетъ, то она не можетъ связывать и матеріально. И, само собою разумѣется, что всякое ея нарушеніе можетъ быть оправдываемо тѣми соображеніями „государственной необходимости“, „цѣлости и достоинства Россіи“, которая приводитъ газета. И, какъ извѣстно, всѣ государственные перевороты всегда находили такихъ именно апологетовъ.

Но если по данному вопросу и противопоставлять формальное нарушеніе какому либо другому нарушенію по существу, то вѣдь необходимо признать, что измѣненія новаго избирательнаго закона именно и идутъ въ разрѣзъ съ истиннымъ конституціонализмомъ.

Можно было бы понять распространеніе избирательныхъ правъ на всѣ классы населенія и приближеніе къ прямымъ выборамъ, дающимъ болѣе правильное представительство, нежели существующее Такая реформа, къ тому же, могла бы опираться не только на опредѣленно заявленныя мнѣнія первой и второй думы, но на очень широкіе слои, уже давно объединившіеся вокругъ лозунга всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права. И, въ концѣ концовъ, рѣшеніе вопроса отдавалось бы въ руки народа. Но первое же ознакомленіе съ основами новаго избарательнаго права показываетъ, что въ этомъ отношеніи сдѣланъ огромный шагъ назадъ, а не впередъ. Ограниченіе и даже частичная отмѣна окраиннаго представительства, дѣленіе избирателей на разряды, дальнѣйшее поднятіе значенія ценза, широчайшія права, предоставленныя министру внутреннихъ дѣлъ, могущему дѣлить съѣзды на отдѣленія и организовать пропорціональные выборы ad hoc, наконецъ,—что важнѣе всего,—полное оттѣсненіе крестьянъ и, вообще, менѣе обезпеченныхъ классовъ,

созданіе, по выраженію г. А. Столыпина, олигархіи— все это и многое другое направлено на обезпеченіе представительства болѣе безопаснаго для данной правительственной системы, но отнюдь не могущаго претендовать на то, чтобы лучше и вѣрнѣе выражать истинную волю или хотя бы истинныя нужды народа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отчетъ о дѣятельности парламентской фракціи партіи народной свободы во второй государственной думѣ.

Вступая во вторую государственную думу, члены партіи народной свободы принимали на себя обязательство руководиться тѣми тактическими постановленіями, которыя приняты были всей партіей и начало выполненію которыхъ уже было положено депутатами первой государственной думы. Но такъ какъ дѣятельность второй думы развивалась при условіяхъ, глубоко различныхъ отъ дѣятельности первой думы, то и примѣнять партійныя указанія приходилось фракціи самостоятельно. Въ итогѣ трехъ слишкомъ мѣсяцевъ парламентскаго опыта весьма многіе тактическіе вопросы представляются теперь въ несравненно болѣе ясномъ освѣщеніи, чѣмъ они представлялись прежде. Результаты этого практическаго примѣненія партійныхъ директивъ фракція и представляетъ на судъ партіи, своихъ избирателей и всей страны.

Въ основу парламентской тактики фракціи народной свободы легли постановленія III партійнаго съѣзда и московской избирательной платформы. Этими постановленіями опредѣлилось положеніе партіи на выбо-

рахъ во вторую государственную думу. По смыслу ихъ, партія должна была проводить въ государственной думѣ программу политическаго и соціальнаго преобразованія Россіи строго-конституціоннымъ путемъ. Уже ко времени этихъ выборовъ партія установила, что тактика ея парламентскихъ представителей должна быть основана на точной оцѣнкѣ наличныхъ общественныхъ силъ, безъ всякихъ преувеличеній ихъ теперешняго значенія. Не ожидая со стороны населенія иной поддержки, кромѣ моральной, партія хотѣла, наоборотъ, поддержать своей парламентской дѣятельностью живыя силы страны и съ этой цѣлью сдѣлала очередной задачей думскаго законодательства программу мѣстныхъ преобразованій. Лишь по мѣрѣ укрѣпленія вліянія думы партія расчитывала, мало-по-малу, овладѣть центральными позиціями своей политической платформы, т. е. установить правильное соотношеніе между дѣятельностью исполнительной и законодательной власти и, такимъ образомъ, обезпечить проведеніе законопроектовъ партіи черезъ всѣ ступени законодательства. Вся та парламентская борьба, которую партія считала возможнымъ предпринять, должна была вестись исключительно въ предѣлахъ средствъ, нынѣ находящихся въ распоряженіи думы. Пользоваться же думой для немедленнаго проведенія плановъ, не соотвѣтствующихъ ея теперешней силѣ, партія считала не только безполезнымъ, но и опаснымъ для самаго существованія думы.

При такой осторожной постановкѣ своей тактики, партіи пришлось уже во время избирательной кампаніи столкнуться на избирательныхъ собраніяхъ съ болѣе отвлеченной постановкой и съ болѣе заманчи

выми обѣщаніями лѣвыхъ партій, чрезвычайно преувеличившихъ и силу думы, и силу страны. Силу думы эти партіи хотѣли основать на организованной поддержкѣ страны, а организовать страну надѣялись при помощи совершенно неосуществимыхъ для нынѣшней думы постановленій. Ища своей силы въ самой широтѣ своихъ требованій, лѣвые противники партіи народной свободы, дѣйствительно, привлекли значительныя симпатіи избирателей на выборахъ, какъ рѣшительностью обѣщанной ими тактики, такъ и смѣлостью развернутыхъ ими преобразовательныхъ плановъ. Напрасно партія народной свободы доказывала, что единственная и возможная роль для крайнихъ лѣвыхъ въ этой думѣ есть роль „безотвѣтственнаго меньшинства“ и что, посылая въ думу депутатовъ этого направленія, населеніе только уменьшаетъ возможность созданія сплоченнаго большинства, безъ котораго невозможно ни сдѣлать думу сильной, ни развернуть въ ней всю намѣченную партіей народной свободы программу. Избирательная платформа партіи настойчиво призывала избирателей къ единодушію, доказывая имъ, какъ много зависитъ отъ того употребленія, которое они сдѣлаютъ изъ своихъ бюллетеней. Только при условіи сплоченнаго большинства въ думѣ, говорили ораторы партіи, возможно добиваться назначенія министерства, пользующагося довѣріемъ этого большинства, и только при такомъ министерствѣ возможно осуществленіе насущныхъ задачъ, общихъ партіи со всей русской оппозиціей.

Однако, убѣжденія не могли замѣнить недоставшаго тогда опыта Населеніе, впервые получившее возможность выбирать крайнихъ лѣвыхъ, широко вос-

пользовалась этой возможностью. Тогда города по большей части избрали депутатовъ изъ партіи народной свободы. Составъ крестьянскихъ представителей оказался, въ общемъ, болѣе лѣвый. Среди представителей землевладѣнія преобладали, напротивъ, болѣе правые элементы. Очевидно, политическая окраска крестьянъ и помѣщиковъ вызвана была постановкой на очередь аграрнаго вопроса. Помѣщики боялись партіи народной свободы, а крестьяне явились въ думу предубѣжденные противъ партіи своими идейными руководителями. Этимъ опредѣлилось отношеніе къ фракціи народной свободы ея ближайшихъ сосѣдей справа и слѣва: умѣренныхъ и трудовиковъ. Настроеніе, какъ видимъ, далеко не благопріятное для созданія сплоченной парламентской группы.

Еще опаснѣе для фракціи оказалось настроеніе двухъ болѣе далекихъ отъ нея флланговъ: крайняго праваго и крайняго лѣваго. Къ противорѣчіямъ соціальныхъ интересовъ здѣсь присоединилось еще и отрицательное отношеніе къ тактическимъ пріемамъ парламентской борьбы. Обѣ крайности сошлись на отрицаніи той строго-конституціонной тактики, которой фракція хотѣла держаться Обѣ отказывались стоять на почвѣ существующихъ законовъ; обѣ съ думской каѳедры взывали къ непосредственному вмѣшательству народа—одни для возстановленія самодержавія, другіе для осуществленія народовластія. Обѣ, для выполненія своихъ цѣлей, нуждались въ обращеніи къ реальной, физической силѣ. И своимъ отрицаніемъ конституціи обѣ крайности, взаимно поддерживая другъ друга, подкапывали даже и то значеніе, которое начиналъ, было, пріобрѣтать въ умахъ нашъ новорожденный

и далеко еще несовершенный конституціонализмъ. Опасность со стороны реставраторовъ самодержавія, несомнѣнно, усиливала революціонное настроеніе, а проявленія революціонизма давали пищу заговору противъ конституціи.

Со стороны заговорщиковъ справа—расчетъ на революціонность думы былъ давнишній и совершенно сознательный. На этомъ расчетѣ потревоженное въ своихъ интересахъ дворянство еще до выборовъ построило свой планъ разрушенія думы и измѣненія избирательнаго закона. Войдя въ думу съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій, крайніе правые поставили прямой задачей — систематически вызывать думу на такія дѣйствія, которыми можно было бы воспользоваться для доказательства ея революціонности. Въ то же время данъ былъ знакъ для посылки извѣстныхъ телеграммъ съ требованіями о роспускѣ „крамольной думы“.

Положеніе строго парламентской партіи въ борьбѣ съ такой тактикой не было бы затруднительно, если бы крайніе лѣвые не облегчили до чрезвычайности успѣха провокаціи правыхъ. Относясь принципіально враждебно къ „буржуазному конституціонализму“, они заразъ и боролись противъ него, и хотѣли его использовать въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Естественно, что правительство оказалось сильнѣе, а конституціонализмъ слабѣе, чѣмъ они ожидали, и, парализуя дѣятельность конституціоннаго центра, они только помогли сильнѣйшему своему врагу противъ слабѣйшаго. Весь характеръ борьбы былъ извращенъ при такомъ распредѣленіи силъ; жало борьбы было отвращено въ другую сторону. и, вмѣсто борьбы оппозиціи за власть, получилась

въ результатѣ борьба представительства за существованіе.

Такъ сложились, вслѣдствіе распредѣленія партій въ думѣ, условія дѣятельности фракціи народной свободы. Составляя едва одну пятую въ палатѣ, двѣ пятыхъ которой каждую минуту готовы были сойти съ почвы конституціи и закона, фракція должна была истратить значительную часть своихъ силъ на преодолѣніе внутреннихъ треній. Прежде чѣмъ приняться за свое настоящее дѣло и использовать для этого принадлежащія думѣ конституціонныя права, фракція должна была помѣшать использовать самое себя для цѣлей, ей чуждыхъ, убійственныхъ для существованія думы и недостижимыхъ для ея противниковъ. Для этого требовалось, кромѣ немалыхъ усилій, также и не мало времени.

Тѣмъ не менѣе, неблагопріятныя для всей думы и, въ частности, для партіи народной свободы условія дѣятельности не заставили фракцію свернуть партійное знамя. Принимая эти условія во вниманіе, фракція передъ самымъ началомъ дѣятельности думы, въ цѣломъ рядѣ фракціонныхъ засѣданій установила общія линіи своего поведенія въ думѣ и на нихъ основала тѣ отдѣльныя выступленія, которыя и придали дѣятельности второй думы опредѣленный характеръ единства и послѣдовательности. Исходя изъ того положенія, что задачи, преслѣдуемыя партіей народной свободы, не суть узко-партійныя задачи; что въ существѣ онѣ сливаются съ требованіями огромнаго большинства страны, единогласно формулированными первой думой въ ея отвѣтномъ адресѣ; что, слѣдовательно, по самой силѣ вещей и по характеру положенія, занимаемаго

партіей, ея роль, по необходимости, должна остаться руководящей во всякомъ русскомъ парламентѣ, выражающемъ желаніе страны,—фракція считала себя вправѣ заранѣе расчитывать, по крайней мѣрѣ, на молчаливую поддержку всѣхъ оппозиціонныхъ группъ въ ея усиліяхъ: 1) сохранить самое существованіе думы, для всѣхъ одинаково необходимое, и 2) осуществить тѣ обще-національныя задачи, къ которымъ по необходимости будутъ стремиться вмѣстѣ съ нею и всѣ остальныя оппозиціонныя фракціи.

Опираясь на этотъ расчетъ и принимая въ соображеніе существующее соотношеніе силъ въ странѣ, фракція рѣшилась слѣдующимъ образомъ опредѣлить свое будущее поведеніе въ думѣ:

1) Строго подчинить цѣли агитаціонныя цѣлямъ законодательнымъ и совершенно отказаться отъ содѣйствія тактикѣ, расчитанной на непосредственную „поддержку“ думы народомъ или на „организацію“ думой населенія на мѣстахъ, съ цѣлью ближайшихъ „активныхъ выступленій“.

2) Выработать и выполнить планъ ближайшей очереди законодательныхъ работъ имѣющихъ цѣлью реорганизацію государственнаго строя.

3) Использовать для этой цѣли, помимо парламентской законодательной инціативы, почти исключительно примѣнявшейся въ первой думѣ, также и матеріалъ министерскихъ законопроектовъ, поскольку они могутъ служить дополненіемъ къ думскимъ или, не противорѣча цѣлямъ оппозиціи, окажутся практически необходимы для населенія.

4) Воздержаться отъ прямого выраженія недовѣрія министерству и

5) Стремиться къ образованію по возможности прочнаго и постояннаго большинства для практическаго проведенія намѣченнаго фракціей законодательнаго плана.

Приступая къ осуществленію послѣдней задачи, фракція прежде всего предположила устроить постоянныя сношенія съ остальными оппозиціонными группами и для этой цѣли хотѣла образовать международное бюро, на первый разъ строго-информаціоннаго характера. Это намѣреніе совпало съ такимъ же намѣреніемъ самихъ лѣвыхъ группъ. Бюро было образовано и принесло нѣкоторую пользу думѣ, хотя, по самому существу дѣла, оно не могло имѣть никакой собственной власти или иниціативы,—и образованію большинства отнюдь не содѣйствовало. Стремленія фракціи народной свободы въ этомъ отношеніи разбились о противодѣйствіе крайнихъ лѣвыхъ. Попыткѣ составить думское оппозиціонное большинство была противопоставлена попытка создать въ думѣ „лѣвый блокъ". Однако, и эта попытка разбилась о сопротивленіе соціалъ-демократической фракціи, ревниво оберегавшей чистоту своего пролетарскаго сознанія и оказавшейся, вслѣдствіе этого, въ полномъ уединеніи. Знаменитый споръ большевиковъ съ меньшевиками о томъ, имѣли ли право соціалъ-демократы придти на междупартійное совѣщаніе на квартиру кн. Долгорукова, лучше всего характеризуетъ настроеніе соціалъ-демократической фракціи. Правда, позднѣе фракція нѣсколько втянулась въ общепарламентскую работу, заслуживъ этимъ жестокіе упреки большевиковъ. Но послѣдовательно и компромиссная точка зрѣнія меньшевиковъ проведена не была и пользу думѣ не

оказала. Такимъ образомъ, и на нихъ падаетъ большая часть тѣхъ обвиненій, которыми они осыпаютъ большевиковъ за неправильную оцѣнку силъ въ странѣ. Обвиненія эти формулированы самими меньшевиками на лондонскомъ съѣздѣ и составляютъ лучшую критику ихъ собственной тактики въ думѣ. „Скажите прямо“, спрашивали они большевиковъ, „хотите ли вы, чтобы наша фракція шла при всякихъ обстоятельствахъ напроломъ, чтобы она, не обращая вниманія на состояніе пролетарскаго движенія, ни на состояніе другихъ общественныхъ силъ, при всякомъ случаѣ переступала рамки основныхъ законовъ, рвала путы легальности, затѣвала конфликты въ думѣ, хотя нѣтъ соотвѣтственнаго подъема въ странѣ?.. Въ чемъ обвиняли вы ее?.. Именно въ томъ, что, ставя размахъ своей дѣятельности въ зависимость отъ состоянія рабочаго и общенароднаго движенія, она не ставила себя въ положеніе, способное только компрометтировать соціалъ-демократію, въ положеніе небольшой кучки людей, затѣявшихъ безнадежное столкновеніе, заранѣе обреченное на позорную неудачу“.

Къ сожалѣнію, именно въ такое положеніе поставила себя не только соціалъ демократія, но и образовавшійся, за ея выдѣленіемъ, блокъ „народническихъ“ фракцій: народныхъ соціалистовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, трудовиковъ и крестьянскаго союза. Въ составѣ это группы народные соціалисты выдѣлялись особеннымъ радикализмомъ тактическихъ выступленій, мало гармонировавшимъ съ сравнительной умѣренностью ихъ програмныхъ взглядовъ. Если прибавить, что и трудовики лишь въ очень условномъ смыслѣ примыкали не только къ „народническому блоку“, но

и къ своей собственной группѣ, которой постоянно измѣняли въ голосованіяхъ, то картина полной разрозненности лѣвыхъ элементовъ думы представится сама собою.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о стройномъ проведеніи какой либо общей тактики „лѣваго блока“. Но и соглашенію на какой либо общей тактикѣ оппозиціи этотъ блокъ поставилъ непреодолимую преграду. Съ этой стороны, отъ осуществленія плана фракціи народной свободы пришлось отказаться.

Оставалось искать соглашенія съ ближайшими къ партіи народной свободы думскими группами. Но и тутъ болѣе или менѣе прочное соединеніе оказалось возможнымъ только съ группами казачьей и мусульманской. Первая группа почти цѣликомъ, вторая въ части своихъ членовъ входила формально въ составъ фракціи народной свободы. Что касается ближайшихъ двухъ группъ, отъ соглашенія съ которыми зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ образованія прочнаго большинства, трудовиковъ и польскаго кола, каждая изъ этихъ группъ вела самостоятельную политику, дѣлавшую невозможнымъ прочное соглашеніе. Польское коло колебалось между демонстративной и дѣловой политикой, поочередно преувеличивая то слабость, то силу думы. Независимое положеніе, которое поляки стремились занять въ виду своихъ національныхъ стремленій, придало думскому центру характеръ особой неустойчивости, вслѣдствіе случайнаго распредѣленія численности другихъ партій почти поровну между центромъ и обоими неконституціонными флангами. Хотя послѣ нѣсколькихъ ошибочныхъ голосованій, поляки и вошли въ бо-

лѣе тѣсное соглашеніе съ фракціей народной свободы, но окончательная судьба вопроса о прочномъ думскомъ большинствѣ должна была рѣшиться не ими, а трудовиками. Къ сожалѣнію, и эта фракція, составленная изъ весьма разнородныхъ элементовъ и плохо руководимая, все время колебалась между настойчиво внушавшимся ей ея руководителями чувствомъ подозрительности къ кадетамъ и собственнымъ чувствомъ страха передъ „разгономъ“ думы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда трудовики понимали опасность, грозившую думѣ отъ выступленій лѣвыхъ, они обыкновенно склонялись къ лозунгу „беречь думу“ и подавали голоса вмѣстѣ съ кадетами Особенно ярко высказалось это настроеніе въ неожиданномъ голосованіи ихъ по поводу законопроекта объ амнистіи. Къ концу существованія думы противорѣчіе между интересами крестьянства и той ролью непримиримой оппозиціи, которую заставляли играть крестьянъ ихъ лидеры, стало ясно для трудовиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, разсѣивалось постепенно и предубѣжденіе противъ фракціи народной свободы, искусственно созданное въ ихъ средѣ. Въ цѣломъ рядѣ устроенныхъ фракціей совѣщаній, путемъ непосредственныхъ сношеній, крестьяне значительно сблизились съ фракціей, и въ самомъ ея составѣ число крестьянъ утроилось за время существованія думы. Въ началѣ крестьянъ—членовъ фракціи было только 12-ть, въ концѣ число ихъ поднялось до 34-хъ. Въ моментъ роспуска думы сама фракція трудовиковъ находилась въ процессѣ разложенія, и нѣкоторая часть фракціи могла бы, если не войти въ составъ фракціи народной свободы, то примкнуть къ ней въ парламентскихъ выступленіяхъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти перемѣны въ положеніи наступили слишкомъ поздно, чтобы спасти думу. Руководство лѣвыхъ сыграло свою роковую роль въ судьбѣ думы, и съ ея роспускомъ былъ пропущенъ благопріятный моментъ для крестьянъ — провести въ думѣ земельную реформу въ духѣ проекта, предложеннаго партіей народной свободы.

Несмотря на то, что, по изложеннымъ причинамъ, созданіе прочнаго большинства въ думѣ не удалось фракціи народной свободы, фракція, тѣмъ не менѣе, почти всегда имѣла за собою фактическое большинство. Составъ его мѣнялся, но оно обезпечило за фракціей и во второй думѣ руководящую роль. Помимо обще-національныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ фракціей, помимо объединявшаго ее съ лѣвыми группами оппозиціоннаго настроенія, въ основѣ молчаливаго согласія, устанавливавшагося въ рѣшительныя минуты между думскими фракціями, лежало несомнѣнное стремленіе „беречь думу“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность для дальнѣйшаго существованія думы становилась особенно очевидною, мѣры предосторожности, принимавшіяся фракціей народной свободы, обыкновенно сосредоточивали около себя большинство. Первый яркій случай такого согласія представляетъ воздержаніе отъ выраженія недовѣрія, которымъ была встрѣчена декларація министерства. Во второй разъ подобное же согласіе установилось по поводу передачи бюджета въ комиссію. Очень значительную роль въ томъ и другомъ случаѣ сыграли трудовики, заставившіе подчиниться своему настроенію и своихъ лѣвыхъ товарищей. Однако, по мѣрѣ того, какъ угрозы роспускомъ становились все болѣе привычными, ослабѣвала и ихъ предостерегающая

сила. Лѣвымъ группамъ, плохо освѣдомленнымъ объ истинномъ положеніи дѣла, положеніе думы казалось болѣе прочнымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности; и въ опасности, угрожавшей избирательному закону въ случаѣ роспуска, не удалось убѣдить ихъ, несмотря на всѣ предостереженія. Опасность положенія, вообще, маскировалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ случаяхъ антиконституціонныхъ выступленій лѣвыхъ на помощь центру являлась значительная часть правыхъ. Только крайняя правая, выполняя свой планъ нападенія, пользовалась неосторожностью лѣвыхъ и поддерживала ихъ по временамъ, чтобы изобличить „революціонность“ думы и подчеркнуть безсиліе центра въ борьбѣ съ „революціей“. Напротивъ, болѣе умѣренная часть правыхъ искренно поддерживала конституціонный центръ и тѣмъ, несомнѣнно, парализовала послѣдствія неосторожныхъ выступленій лѣвыхъ. На основаніи цѣлаго ряда такихъ голосованій правыхъ съ центромъ создалась даже надежда, поддерживавшаяся нѣкоторыми органами печати, на образованіе „конституціоннаго центра“ путемъ союза кадетовъ съ октябристами и безпартійными правыми на основѣ сокращенной программы очередныхъ, главнымъ образомъ, политическихъ преобразованій. Однако же, созданіе такого центра было бы равносильно отказу отъ проведенія аграрной программы партіи народной свободы, о чемъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, фактическое большинство, на которое опиралась фракція народной свободы, осталось до самаго конца измѣнчивымъ по составу и непрочнымъ. Несмотря на это, фракція употребила всѣ усилія, чтобы дать работѣ думы желательное для дѣла

направленіе. Усилія фракціи увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, и производительность думской работы очень сильно возрасла къ концу существованія думы.

Въ этомъ отношеніи можно различить два періода въ короткой исторіи второй государственной думы: до и послѣ пасхальныхъ каникулъ. Періодъ до каникулъ характеризуется отсутствіемъ строгихъ правилъ для дѣлового веденія работы въ думѣ и, въ связи съ этимъ, чрезвычайной расточительностью въ тратѣ времени на занятія, не обѣщавшія никакого практическаго результата. Отвѣтственность за такое употребленіе времени падаетъ, однако, не на фракцію народной свободы, а на крайнюю лѣвую и крайнюю правую думы. Очень долго никакія убѣжденія не могли заставить отказаться отъ безконечныхъ и безполезныхъ аграрныхъ преній, ставшихъ и совершенно безпредметными послѣ выбора аграрной комиссіи. Запросы также отнимали не мало времени, хотя надо признать, что въ этой думѣ они, вообще, были несравненно менѣе многочисленны, чѣмъ въ первой. Единственный запросъ фракціи народной свободы, по поводу ген.-губ. Гершельмана, оказался во второй думѣ, какъ и въ первой, наилучше мотивированнымъ, защищался наиболѣе ярко и произвелъ наиболѣе неотразимое политическое дѣйствіе. Нельзя, къ сожалѣнію, сказать этого о запросахъ, вносившихся, безъ достаточной разборчивости, лѣвыми фракціями думы.

Послѣ пасхальныхъ каникулъ, подъ давленіемъ постоянной угрозы роспуска, висѣвшей надъ думой, значительная часть думы оцѣнила опасность непроизводительной траты времени въ общихъ засѣданіяхъ думы, и,

опираясь на это настроеніе, фракціи удалось провести цѣлый рядъ постановленій, обезпечившихъ думѣ на будущее время несравненно большую производительность работы. Сюда относятся строгія мѣры, принятыя новымъ наказомъ относительно ограниченія и сокращенія преній; ограниченіе преній о запросахъ однимъ днемъ въ недѣлю; прекращеніе аграрныхъ преній; наконецъ, назначеніе двухъ вечернихъ засѣданій для проведенія мелкихъ законопроектовъ, не имѣвшихъ принципіальнаго значенія, но важныхъ для населенія той или другой мѣстности. Въ этихъ вечернихъ засѣданіяхъ сразу установился дѣловой тонъ обсужденія. Освободившееся, благодаря всѣмъ этимъ энергичнымъ мѣрамъ, время фракція рѣшила употребить на проведеніе, въ первой очереди, законопроектовъ, имѣвшихъ непосредственное значеніе для мѣстнаго населенія. Для этого оставалось измѣнить порядокъ программы занятій, составленной при участіи всѣхъ фракцій въ думѣ и ставившей на первую очередь законопроекты о смертной казни, объ амнистіи и т. д. Въ виду необходимости спѣшить съ законодательной работой и избѣжать провокаціонныхъ выходокъ со стороны крайнихъ правыхъ, фракція настояла, чтобы порядокъ былъ измѣненъ и на ближайшую очередь поставлены законопроекты дѣлового характера. Цѣль эта была достигнута, и въ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ дума приступила къ обсужденію одного изъ основныхъ проектовъ государственнаго переустройства—къ реформѣ мѣстнаго суда. Такимъ образомъ, къ моменту роспуска дѣловая тактика фракціи народной свободы успѣла уже принести вполнѣ осязательные плоды. Въ готовности думы—продуктивно работать въ области законо-

дательства—не могло болѣе оставаться никакихъ сомнѣній.

Къ усиленію работоспособности думы и къ образованію постояннаго думскаго большинства стремилась фракція народной свободы: „работоспособность“ и существованіе большинства считались и министерствомъ необходимыми условіями существованія думы. Это внѣшнее совпаденіе, совершенно неизбѣжное по существу, сообщило отношеніямъ между министерствомъ и конституціоннымъ центромъ нѣкоторую видимость соглашенія, на которой одни основывали всѣ надежды, другіе сосредоточивали всѣ нападенія. Самый краткій обзоръ отношеній министерства и думы покажетъ, однако, что дѣйствительность не давала ни для надеждъ, ни для нападеній никакихъ основаній.

Выполняя свою директиву, намѣченную при самомъ открытіи думы, фракція народной свободы рѣшила уклониться отъ выраженія съ самаго начала недовѣрія министерству, не желая создавать конфликтъ, выходомъ изъ котораго была бы, конечно, не отставка министерства, а роспускъ думы. Этимъ рѣшеніемъ, къ которому примкнули и всѣ другія думскія фракціи, за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, объясняется та тактика молчанія, которая была проведена при первой встрѣчѣ думы съ министерствомъ. Со стороны министерства, приготовившагося, очевидно, къ иной встрѣчѣ, была при этомъ случаѣ развита цѣлая теорія, въ силу которой министрамъ, какъ отвѣтственнымъ только передъ государемъ, нельзя выражать недовѣрія, хотя и возможно проводить въ думѣ несогласные съ программой министерства законодательные акты. По этому своеобразному пониманію, „совмѣстная работа“ думы

и министерства могла ограничиться фактическимъ совпаденіемъ очередныхъ темъ законодательной работы думы съ темами министерскихъ законопроектовъ. По адресу лѣвыхъ тактика министерства была опредѣлена въ той же рѣчи извѣстнымъ афоризмомъ: „не запугаете“. Этимъ дѣлалась попытка оттѣнить отношеніе къ лѣвымъ отъ отношенія къ центру Другой шагъ въ томъ же направленіи видѣли въ „присоединеніи“ министра къ формулѣ депутата Родичева. Но этимъ и ограничилась попытка министра-предсѣдателя говорить „на одномъ языкѣ“ съ депутатами. При первомъ приступѣ думскихъ комиссій къ практической работѣ началось систематическое противодѣйствіе министерства думѣ. Всѣ дѣйствія министерства относительно народныхъ представителей были проникнуты оскорбительнымъ духомъ мелочного недовѣрія, тормозившимъ работу и дѣлавшимъ невозможными даже правильныя дѣловыя сношенія. Принявшая совершенно неприличныя формы, борьба противъ приглашенныхъ думой экспертовъ тѣмъ ярче подчеркнула сразу тенденціозность министерской оппозиціи думѣ, что первой жертвой этой борьбы сдѣлался всѣми уважаемый членъ первой думы кн. Львовъ, о спеціальныхъ свѣдѣніяхъ котораго по продовольственному дѣлу министерство не могло не быть освѣдомлено. Вслѣдъ за продовольственной комиссіей и комиссія по исполненію росписи, и бюджетная испытали министерскую обструкцію, не получивъ отчета государственнаго контролера и встрѣтивъ отказъ въ сообщеніи журналовъ междувѣдомственныхъ совѣщаній о бюджетѣ. Еще хуже было отношеніе министерства къ комиссіямъ, непріятнымъ для него по самому предмету ихъ занятій: аграрную комиссію

представители министерства избѣгали посѣщать, а за комиссіей о безработныхъ, въ концѣ концовъ, отрицали даже право на существованіе. Такими эпизодами нарушалась „совмѣстная работа“ въ комиссіяхъ. Но этимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ тактика министерства не ограничилась. По поводу законопроекта о военно-полевыхъ судахъ предсѣдатель совѣта министровъ поставилъ думѣ опредѣленное требованіе — осудить политическія убійства; а крайніе правые тотчасъ же объяснили это, какъ способъ оправдаться отъ обвиненій, наличность которыхъ мѣшаетъ правительству работать вмѣстѣ съ думой. Этимъ впервые официально начатъ былъ противъ думы походъ, задуманный крайними правыми, и намѣченъ тотъ мотивъ — „революціонность“ думы, который затѣмъ при всякомъ случаѣ и подчеркивался систематически крайними правыми, въ союзѣ съ министерствомъ, какъ всегда готовое основаніе для будущаго роспуска думы.

Принужденное считаться съ закулисными вліяніями этого рода, министерство, естественно, уже не могло особенно настойчиво стараться объ установленіи какого либо modus vivendi съ думой. Для министерства, которое хотѣло бы быть солидарнымъ съ народными представителями, предметомъ соглашенія могло бы явиться совмѣстное проведеніе извѣстнаго плана реформъ. Но именно тутъ и начинались трудности, которыя чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе становились непреодолимыми. Ни малѣйшей попытки сговориться, ни относительно содержанія реформъ, ни относительно ихъ послѣдовательности, со стороны министерства предпринято не было. Его „совмѣстная работа“ ограничилась внесеніемъ проектовъ и разъясненіями по ихъ содержанію.

Охарактеризовавъ, такимъ образомъ, общія условія дѣятельности думы, фракція считаетъ долгомъ доложить съѣзду и общіе результаты предпринятой по ея почину положительной работы. Въ самомъ преддверіи этой работы думу встрѣтилъ рядъ вопросовъ, занимающихъ среднее положеніе между вопросами демонстративнаго и чисто-дѣлового характера. Сюда относятся всѣ тѣ вопросы, возбужденіе которыхъ въ думѣ было необходимо, въ виду того огромнаго значенія, какое они имѣли въ общественномъ мнѣніи,—но практическое разрѣшеніе которыхъ при данныхъ условіяхъ представлялось безнадежной задачей. Цѣлый рядъ такихъ вопросовъ былъ полученъ второй думой въ наслѣдіе отъ первой; другіе—подобные же—возникли и получили большое значеніе въ виду правительственной политики междудумья. Сюда относятся вопросы объ амнистіи, отмѣнѣ смертной казни, военно-полевыхъ судовъ, вопросы о голодѣ и безработицѣ, объ исключительныхъ законахъ. Сюда же отнесенъ и встрѣчный вопросъ, поставленный министерствомъ и правыми въ отвѣтъ на обвиненіе власти въ административномъ произволѣ: вопросъ объ осужденіи террора.

Необходимо признать, что именно этого рода вопросы, ставши на первую очередь, и отодвинули продуктивную работу думы къ третьему мѣсяцу ея существованія. Тактика фракціи по отношенію къ возбужденію этихъ вопросовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно яркихъ, какъ, напр., вопросъ о военно-полевыхъ судахъ, была положительная: и въ такихъ случаяхъ фракція становилась выразительницей настроенія всей думской оппозиціи, выдвигая своихъ лучшихъ ораторовъ. Но главныя усилія фракціи были направлены противъ исполь-

зованія данныхъ вопросовъ крайними правыми и лѣвыми въ цѣляхъ провокаціонныхъ и революціонныхъ, а также противъ излишней траты времени на эти, не обѣщавшіе удовлетворительнаго разрѣшенія вопросы. Первая цѣль была достигнута вполнѣ, и всѣ антиконституціонныя предложенія справа и слѣва были отброшены, что не помѣшало принять сущность сдѣланныхъ предложеній. Вторая цѣль была достигнута только отчасти.

Къ коренному вопросу въ этой серіи—объ отношеніи думы къ политическимъ убійствамъ—фракція отнеслась особенно внимательно. Въ цѣломъ рядѣ фракціонныхъ засѣданій, послѣ долгихъ и оживленныхъ преній, выработана была слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, которую фракція должна была внести, въ случаѣ если бы дѣло дошло до обсужденія вопроса въ думѣ.

„Сознавая весь ужасъ и глубокій общественный вредъ отъ стихійно развившихся въ современныхъ политическихъ условіяхъ убійствъ и другихъ насильственныхъ актовъ, совершаемыхъ нерѣдко во имя политическихъ цѣлей; признавая, что система административнаго произвола съ его жестокими и неправосудными репрессіями питаетъ это зло и усиливаетъ его; усматривая, что дѣятельность реакціонныхъ организацій, стремящихся къ уничтоженію конституціонныхъ началъ, включенныхъ въ торжественно объявленные верховною властью основные законы, и совершающихъ убійства и погромы, позорящіе Россію,—представляетъ серьезную государственную опасность, повергаетъ въ безпокойство всю страну и препятствуетъ общественному умиротворенію,—государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Полная очевидность провокаціонной цѣли, съ которой внесено было предложеніе, оскорбительность для думы той мотивировки, которой оно сопровождалось, явная невозможность для думы дать одинъ отвѣтъ, который раздѣлялся бы всѣми партіями, неизбѣжность рѣзкаго столкновенія мнѣній двухъ крайнихъ фланговъ, на которое и расчитывали вносившіе предложеніе, наконецъ, морально-этическій характеръ рѣшенія, которое предлагали вынести высшему законодательному учрежденію,—всѣ эти обстоятельства дѣлали желательнымъ отклонить самое обсужденіе внесеннаго правыми предложенія и тѣмъ избѣжать безконечныхъ и нежелательныхъ по остротѣ преній, легко могшихъ принять характеръ скандала. Въ виду этихъ соображеній, фракція присоединилась къ предложенію нѣсколькихъ членовъ лѣвыхъ партій снять обсужденіе вопроса съ очереди.

Что касается собственно-законодательныхъ работъ фракціи, то онѣ выразились, преждевсего, во внесеніи ряда законопроектовъ, преимущественно по тѣмъ отдѣламъ намѣченнаго партіей плана реформъ, по которымъ не имѣлось проектовъ другихъ партій и министерскихъ. Сюда относятся особенно: проектъ аграрной реформы, законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, о неприкосновенности личности, законъ о выборахъ въ государственную думу и земскія собранія, о нормальномъ отдыхѣ торговопромышленныхъ служащихъ, объ измѣненіи правилъ разсмотрѣнія бюджета, о вѣроисповѣдномъ и національномъ равенствѣ, объ ассигнованіи средствъ на организацію общественныхъ работъ для безработныхъ, объ отмѣнѣ установленныхъ въ законѣ послѣдствій

исключенія ихъ духовнаго вѣдомства, изъ дворянскихъ собраній, сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ—членовъ этихъ обществъ и т. д. Затѣмъ, фракція употребила всѣ усилія для того, чтобы ускорить и наилучше обставить обсужденіе проектовъ въ комиссіяхъ, съ цѣлью, прежде всего, дать государственной думѣ возможность непрерывно работать въ ея дѣловыхъ засѣданіяхъ.

Несмотря на значительное сопротивленіе со стороны крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ, усилія фракціи въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ. Къ концу мая энергично работали 15 комиссій по законопроектамъ, не считая комиссій по запросамъ, по выработкѣ наказа, по разсмотрѣнію отчета о государственной росписи и т. д. Главную тяжесть во всѣхъ этихъ комиссіяхъ, въ качествѣ предсѣдателей, секретарей и докладчиковъ, несли на себѣ члены фракціи партіи народной свободы. Къ концу мая положеніе работъ въ комиссіяхъ было слѣдующее. Комиссія о мѣстномъ судѣ разсмотрѣла въ первомъ чтеніи обширный законопроектъ о преобразованіи мѣстныхъ судебныхъ органовъ, и докладъ комиссіи обсуждался въ послѣднихъ засѣданіяхъ думы.

Законопроектъ о неприкосновенности личности былъ вполнѣ законченъ и 2 іюня внесенъ комиссіей для доклада въ государственную думу.

Въ той же комиссіи были подготовлены и доложены думѣ 5 законопроектовъ. изданныхъ по 87 статьѣ; кромѣ того, разсматривалось законодательство объ исключительныхъ положеніяхъ, готовились для доклада проекты, направленные къ реформѣ судопроизводства, о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, объ отвѣт-

ственности должностныхъ лицъ и др. Въ комиссіи по рабочему законодательству разсматривались законопроекты о нормальномъ отдыхѣ служащихъ въ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ и т. д. Комиссія о свободѣ совѣсти закончила выработку обширнаго законопроекта объ устраненіи всѣхъ ограниченій въ правахъ, связанныхъ съ принадлежностью къ вѣроисповѣданію и отчасти къ національности (католиковъ, поляковъ, мусульманъ, евреевъ, армянъ и т. д.). Та же комиссія закончила въ первомъ чтеніи законопроектъ объ организаціи обществъ сектантовъ и старообрядцевъ. Комиссія по вопросамъ продовольственнымъ разсмотрѣла нѣсколько представленій объ ассигнованіи средствъ въ помощь голодающимъ, которыя были приняты думою. Комиссія по народному образованію приступила къ обсужденію законопроекта о введеніи всеобщаго обученія и работала, кромѣ того, надъ большимъ количествомъ мелкихъ законопроектовъ объ ассигновкѣ на открытіе новыхъ школъ. Церковная комиссія разсматривала законопроекты, касающіеся православной церкви О дѣятельности аграрной, бюджетной и финансовой комиссій будетъ сказано ниже.

Въ ближайшіе дни предстояло организовать еще нѣсколько комиссій: по вопросамъ гражданскаго права, по военному законодательству, по вопросамъ желѣзнодорожнымъ и т. д. Доклады изъ комиссій поступали непрерывно и съ середины мая дума назначила два раза въ недѣлю вечернія засѣданія, упоминавшіяся выше, для разсмотрѣнія мелкихъ законопроектовъ, преимущественно финансоваго характера. Такимъ образомъ, непрерывная законодательная работа была обезпечена думѣ надолго работой ея комиссій, и работа

эта освѣтила всѣ важнѣйшія политическія и соціальныя преобразованія, намѣченныя программой фракціи народной свободы. Въ ближайшіе мѣсяцы многія изъ нихъ получили бы уже форму закона, принятаго государственной думой. Однимъ словомъ, къ концу мая передъ глазами правительства была не бездѣятельная, терзаемая внутренними раздорами, истощаемая безпредметными демонстраціями, „гніющая на корню“ дума, а дума, въ которой кипѣла энергичная работа. Для правительства, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ, насколько направленіе этой работы и взгляды руководящаго большинства думы на реформы соотвѣтствовали его собственнымъ взглядамъ. А для вліятельной дворянской группы, которая вела кампанію за роспускъ думы, наступалъ случай, который предусматривался еще во время преній на ноябрьскомъ дворянскомъ съѣздѣ 1906 года. „Наученная опытомъ прошлаго, дума чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе „вела себя такъ корректно, что не къ чему становилось придраться“; „вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ защитой завоеваннаго внѣшнюю законностью авторитета“, она готова была „провести законопроекты, гибельные“ для интересовъ вліятельной группы. Дворяне начинали опасаться,—какъ признавалъ и одинъ изъ видныхъ членовъ крайней правой,—что „государственный совѣтъ не будетъ имѣть достаточной смѣлости идти противъ думы и эти законы подтвердитъ“.

Въ частности, тотчасъ послѣ 2 іюня предполагалось приступить къ разсмотрѣнію законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи, внесеніе котораго отъ министерства дворянская группа затормозила, предполагая разсмотрѣть его предварительно на московскомъ земскомъ

съѣздѣ, для передачи затѣмъ на предварительное же обсужденіе въ земскія собранія. Въ то же время аграрная комиссія, противъ ожиданія, работала успѣшно и начала приходить къ соглашенію относительно основныхъ принциповъ реформы, въ духѣ проекта партіи народной свободы. Словомъ, медлить далѣе для закулисныхъ враговъ думы становилось опаснымъ; строго-законная дѣятельность думы была для нихъ наиболѣе нестерпимой, и достигнутая ею степень „работоспособности“ особенно угрожающей. Надо думать, что этимъ объясняется и ихъ усиленный натискъ на министерство, кончившійся на этотъ разъ ихъ побѣдой. Руководящей фракціи не оставалось ничего другого, какъ сообщить послѣднимъ часамъ жизни второй думы тотъ же строго „корректный“ характеръ, котораго такъ опасались ея противники и которымъ отличалась вся дѣятельность думскаго большинства. Это послужило лучшимъ отвѣтомъ на обвиненіе въ „революціонности“ и въ „неработоспособности“ второй государственной думы.

Остановимся теперь подробнѣе на нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отрасляхъ думской законодательной работы, общій очеркъ которой мы только что представили. Первое по важности мѣсто принадлежитъ, конечно, земельной реформѣ, на которой уже вторично обрывается дѣятельность народнаго представительства.

По земельному вопросу фракція внесла въ думу два проекта: „главныхъ основаній земельной реформы“ и закона „о подготовительныхъ учрежденіяхъ по земельнымъ дѣламъ“. Первый проектъ былъ разработанъ аграрной комиссіей партіи народной свободы еще въ періодъ междудумья и существенно отличается отъ

проекта, внесеннаго въ первую думу отъ имени 42-хъ членовъ партіи. Вмѣсто общихъ положеній, большею частью только воспроизводящихъ программу партіи теперь ввесенъ былъ отъ имени партіи законченный проектъ, дающій вполнѣ опредѣленные отвѣты на всѣ важнѣйшіе вопросы земельной реформы, поскольку можно было рѣшить ихъ безъ дополнительныхъ изслѣдованій на мѣстахъ: о потребительной нормѣ надѣловъ и о способахъ ея установленія; о трудовой нормѣ не подлежащихъ принудительному отчужденію участковъ; о томъ, кого именно надлежало обезпечить землей; объ основаніяхъ отвода надѣловъ, о порядкѣ установленія справедливой оцѣнки земель, о платѣ за отводимые надѣлы и т д. Возможно подробная разработка всѣхъ этихъ вопросовъ была необходима, чтобы доказать осуществимость на дѣлѣ проекта партіи народной свободы.

Существенное различіе новаго проекта отъ проекта 42-хъ заключается въ томъ, что въ немъ допускается накопленіе лишь в р е м е н н а г о земельнаго запаса въ рукахъ государства для передачи нуждающимся земледѣльцамъ въ п о с т о я н н о е п о л ь з о в а н і е. Такое опредѣленіе точнѣе отграничиваетъ задачу земельной реформы по программѣ партіи народной свободы отъ задачъ лѣвыхъ партій. Проектъ партіи народной свободы сводитъ реформу къ единовременному расширенію площади землепользованія, съ цѣлью утоленія, посредствомъ чрезвычайной мѣры, остраго земельнаго голода. Напротивъ, лѣвыя партіи смотрятъ на принудительное отчужденіе въ п о с т о я н н ы й фондъ, какъ на первый шагъ къ преобразованію всего соціальнаго строя, поскольку онъ соприкосается съ землей, къ установленію новыхъ формъ земельныхъ отношеній.

*

Несмотря на подробное изложеніе, земельный проектъ, внесенный фракціей, не есть еще окончательный законъ, который остается только привести въ исполненіе, а лишь проектъ главныхъ положеній закона. Въ проектѣ можно было опредѣлить понятіе потребительной нормы надѣловъ, указать способы ея исчисленія, но безъ дополнительныхъ изслѣдованій на мѣстахъ невозможно было установить цифровое выраженіе этой нормы. Можно было указать, какъ выводится справедливая оцѣнка принудительно отчуждаемыхъ земель. но нельзя было опредѣлить самые размѣры оцѣнки для отдѣльныхъ мѣстностей и для различныхъ разрядовъ земель. Наконецъ, общими для всей Россіи могутъ быть далеко не всѣ правила земельнаго закона; по мѣстнымъ условіямъ нѣкоторые частные вопросы должны быть разрѣшаемы закономъ различно. Въ виду этого, партія полагала, что вскорѣ за утвержденіемъ закона въ законодательномъ порядкѣ долженъ наступить періодъ подготовительныхъ работъ на мѣстахъ, гдѣ и будутъ выработаны, въ развитіе главныхъ основаній земельной реформы, окончательные проекты закона или законовъ о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія. Руководясь этимъ планомъ, фракція и внесла въ думу второй упомянутый выше проектъ, имѣвшій цѣлью установить, какія учрежденія, въ какомъ составѣ и въ какомъ порядкѣ должны подготовить на мѣстахъ всѣ матеріалы дли выработки, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, окончательныхъ законоположеній. Лѣвыя партіи, подъ именемъ мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, хотѣли устроить учрежденія законодательнаго характера, которыя дѣлили бы власть съ государственной

думой. Партія же народной свободы предлагала сдѣлать мѣстные комитеты учрежденіями подготовительными, предназначенными только для собиранія и разработки нужныхъ матеріаловъ и для вывода вытекающихъ изъ нихъ заключеній. По этой причинѣ партія рѣшительно отказалась отъ мысли составить эти комитеты на основѣ всеобщаго избирательнаго права, какъ предполагали всѣ лѣвыя партіи, начиная отъ трудовиковъ. По проекту партіи предполагается образовать особыя должности земельныхъ комиссаровъ для работъ подготовительнаго и исполнительнаго характера, а для надзора за ними и для представительства мѣстныхъ интересовъ составить губернскіе комитеты, съ преобладаніемъ въ нихъ выборныхъ, и особенно крестьянскихъ, элементовъ,—и мѣстныя районныя совѣщанія.

Въ предварительныхъ преніяхъ по аграрному вопросу, до сдачи его въ комиссію, фракція приняла участіе лишь постольку, поскольку это было нужно для точнаго выясненія главныхъ основаній ея проекта и для защиты его отъ нападеній со стороны предсѣдателя совѣта министровъ, крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ ораторовъ. Говоря объ аграрныхъ преніяхъ, нельзя не отмѣтить того единодушія, съ которымъ всѣ думскія фракціи, кромѣ правыхъ, умѣренныхъ и польскаго кола, отнеслись къ междудумскому земельному законодательству. Всѣ остальныя фракціи, хотя и по разнымъ побужденіямъ, одинаково требовали скорѣйшей отмѣны этихъ узаконеній, какъ препятствующихъ земельной реформѣ, согласной съ интересами народа.

Занятія аграрной комиссіи, избранной въ составѣ

94-хъ членовъ, начались около половины апрѣля. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній при выборахъ, отъ партіи народной свободы попали въ эту комиссію только 11 членовъ вмѣсто 18-ти, какъ бы слѣдовало по расчету. Это значительно затруднило правильную работу комиссіи.

Приступивъ немедленно къ пересмотру земельныхъ законовъ, изданныхъ послѣ роспуска думы въ порядкѣ статьи 87-й „основныхъ законовъ“, комиссія образовала для этой цѣли подкомиссію. Но въ составѣ подкомиссіи партія народной свободы была представлена слабо, и притомъ лицами, обремененными работой въ другихъ комиссіяхъ; рѣшительное же преобладаніе получили лѣвые. Въ итогѣ, комиссія работала очень медленно и не успѣла окончить своей работы до роспуска думы. Лишь о законѣ 15 ноября (о ссудахъ изъ крестьянскаго банка подъ надѣльныя земли) былъ отпечатанъ краткій докладъ, почти наканунѣ роспуска думы, остальные доклады не были составлены, и такимъ образомъ вопросы о земельныхъ законахъ, изданныхъ по 87-й статьѣ, не могли быть осуждены по существу въ аграрной комиссіи.

Другая подкомиссія для разработки вопроса о мѣстныхъ земельныхъ комитетахъ, выдѣленная по настоянію лѣвыхъ еще до представленія второго проекта фракціи народной свободы, тоже не успѣла придти къ опредѣленнымъ выводамъ. Проектъ же фракціи былъ внесенъ въ подкомиссію всего за нѣсколько дней до роспуска думы.

Въ самой аграрной комиссіи работа шла успѣшнѣе. Основные вопросы земельной реформы были поставлены на основаніи всѣхъ внесенныхъ въ государственную

думу законопроектовъ, и комиссія успѣла разрѣшить два первые изъ нихъ, имѣющіе наиболѣе важное значеніе: нужно ли принудительное отчужденіе земель и нужно ли образованіе земельнаго фонда и въ какой формѣ? Первый вопросъ былъ рѣшенъ комиссіею единогласно (за уходомъ правыхъ и части поляковъ) въ томъ смыслѣ, что для расширенія землепользованія населенія, обрабатывающаго землю собственнымъ трудомъ, принудительное отчужденіе земель необходимо. Второй вопросъ вызвалъ весьма продолжительныя пренія. Трудовики и народные соціалисты доказывали необходимость націонализаціи земли; соціалъ-революціонеры отстаивали идею соціализаціи, а соціалъ-демократы— муниципализаціи земли. Всѣмъ этимъ планамъ представители партіи народной свободы противопоставляли свою задачу реформы — ограничиться расширеніемъ землепользованія земледѣльческаго населенія и, скопивъ въ распоряженіи государства нужныя для этого земли, передать ихъ въ постоянное пользованіе тѣмъ обществамъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ, которые будутъ признаны нуждающимися въ землѣ. Не отрицая необходимости мѣръ къ расширенію землепользованія земледѣльческаго населенія (если не будетъ принудительнаго отчужденія), поляки и часть правыхъ поддержали предложеніе партіи народной свободы, и оно было принято большинствомъ комиссіи.

Такимъ образомъ, два важнѣйшихъ вопроса земельной реформы были рѣшены комиссіей въ духѣ партіи народной свободы, и съ этого момента дальнѣйшее направленіе разработки вопроса стало, болѣе или менѣе, ясно. Министерство, которое въ началѣ дѣятельности думы высказалось, въ лицѣ кн. Васильчикова, весьма

уклончиво, тотчасъ послѣ принятія комиссіей принципа принудительнаго отчужденія, выступило съ категорическимъ заявленіемъ, что принципъ принудительнаго отчужденія не можетъ быть признанъ главной основой реформы. Однако, и П. А. Столыпинъ призналъ одной изъ основныхъ задачъ реформы — расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія за счетъ казенныхъ, удѣльныхъ, купленныхъ банкомъ, а въ необходимыхъ случаяхъ и находящихся въ частномъ владѣніи земель. Въ концѣ прошлаго года въ главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія составлена была записка, въ которой начало принудительнаго отчужденія проводилось еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Составители записки справедливо находили, что задача современной реформы должна быть понимаема, какъ продолженіе и завершеніе реформы 1861 г. По ихъ убѣжденію, „землеустроительный вопросъ, во всей своей полнотѣ, пріобрѣтаетъ значеніе общегосударственнаго вопроса первостепенной важности, и въ такомъ его значеніи долженъ быть трактованъ, привлекая къ себѣ государственныя средства и подчиняя себѣ частные интересы, включительно до обязательнаго отчужденія частной собственности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того потребуетъ естественное развитіе землеустроительныхъ задачъ. „Вопросъ ставится такъ, говорится въ другомъ мѣстѣ той же записки: грозитъ ли и нынѣ (какъ въ 1861 г.) положеніе крестьянскаго земельнаго строя опасностями и бѣдствіями государству? Отвѣтъ едва ли можетъ быть отрицательный. Въ такомъ случаѣ, государство, которому принадлежитъ исключительное право принужденія, которое, по прекрасному выраженію Коркунова, есть „монопо-

листъ отчужденія", — должно выступить во всеоружіи этого права... Слѣдуетъ къ этому порядку отнести и вознагражденіе за экспропріацію... Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ, чтобы крестьяне получали экспропріируемую землю по цѣнѣ, меньшей того вознагражденія, которое будетъ уплачено прежнему владѣльцу, и чтобы эта разность упадала на обще-государственныя средства". Наконецъ, относительно единовременности радикальной земельной реформы записка говоритъ: „если въ періодѣ реформы государственная власть расширяетъ всю полноту своихъ правъ, включительно до нарушенія одного изъ основныхъ институтовъ государства—права частной собственности, то она не можетъ допускать, чтобы въ самой реформѣ заключался зародышъ необходимости новой перестройки всего дѣла, новаго обращенія къ исключительнымъ мѣрамъ, сила и значеніе которыхъ утрачиваются отъ повторяемости, дискредитируя и самую государственную власть. Какъ хирургическая операція, такъ и политическая реформа не допускаютъ повторенія и требуютъ, чтобы зло было искоренено съ корнемъ".

Поскольку послѣднее разсужденіе направлено противъ идеи постояннаго фонда, оно совпадаетъ по выводу съ проектомъ фракціи; поскольку же оно направлено противъ всякаго рода „постояннаго пользованія" и клонится къ защитѣ идеи о передачѣ въ частную собственность,—съ нимъ можно спорить. Во всякомъ случаѣ, авторъ оффиціальной записки совершенно правъ, утверждая, что „принудительное отчужденіе частной собственности при разрѣшеніи крестьянскаго земельнаго вопроса... едва ли правильно... окрашивается въ цвѣтъ соціализма". Мы и привели всѣ эти разсужденія

оффиціальной записки, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать, что, вопреки утвержденію П. А. Столыпина, проектъ партіи народной свободы неправильно было бы ставить на одну доску съ утопическими проектами другихъ лѣвыхъ группъ и что, при нѣкоторой дозѣ доброй воли, и само правительство могло бы найти пріемлемыми всѣ его основныя черты. Къ сожалѣнію, политическое положеніе оказалось на этотъ разъ не благопріятнымъ для созданія такой „доброй воли“,— дворянская группа одержала верхъ и надъ самой думой, и надъ избирательнымъ закономъ, дававшимъ силу крестьянамъ. Исходъ, который казался уже такимъ близкимъ, снова отодвинулся въ неопредѣленное будущее, наступленіе котораго постараются всячески предотвратить при помощи новаго междудумскаго законодательства.

Другимъ вопросомъ первостепенной важности, поставленнымъ на рѣшеніе думы, былъ вопросъ о бюджетѣ. Государственная дума чрезвычайно стѣснена въ распоряженіи бюджетомъ правилами 8 марта 1906 г. о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи, выработанными еще въ то время, когда предполагалось учредить думу законосовѣщательнаго характера. Если бы государственная дума отказала правительству въ утвержденіи бюджета, правительство все-же не было бы лишено права взыскивать съ населенія налога и подати въ размѣрахъ прошлогодней смѣты, т. е. даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ пришлось бы по бюджету текущаго года. Оставить же бюджетъ безъ разсмотрѣнія значило бы не исполнить главнѣйшей обязанности народнаго представительства и подать основательный поводъ для нареканій на думу. Въ виду

этого, фракція рѣшила передать бюджетъ для подробнаго разсмотрѣнія въ комиссію, которая бы могла обстоятельно изучить всѣ недостатки росписи и, сдѣлавъ немедленно сокращенія, какія по закону возможно было сдѣлать, намѣтила бы также и дальнѣйшія измѣненія въ той части росписи, которая ограждена законами и не могла бы быть передѣлана безъ предварительной отмѣны отдѣльныхъ законоположеній, на которыхъ основанъ каждый расходъ. И относительно части бюджета, вовсе не подлежащей сужденію народныхъ представителей, комиссія могла бы выяснить передъ думой и передъ страной, какъ эта часть значительна и какъ отражаются на ней старые бюрократическіе пріемы государственнаго хозяйничанья. Въ то же время фракція внесла въ комиссію законопроектъ о разсмотрѣніи бюджетныхъ правъ государственной думы.

Вмѣстѣ съ фракціей народной свободы подали голосъ за передачу бюджета въ комиссію и другія оппозиціонныя группы, за исключеніемъ соціалистическихъ, которыя воспользовались этимъ случаемъ для политической демонстраціи или, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ партіи народной свободы, для „красиваго жеста“, не могшаго имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій.

Дѣятельность отдѣльныхъ комиссій, соприкасающихся съ бюджетомъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Бюджетная комиссія, въ составѣ 33 членовъ, приступила съ 27 марта къ разсмотрѣнію переданныхъ ей на обсужденіе росписи и смѣтъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. На первыхъ же порахъ она натолкнулась на рядъ затрудненій.

Ей пришлось, прежде всего, произвести долгую и

неблагодарную работу по свёркѣ отдѣльныхъ ассигнованій съ безчисленными законами и высочайшими повелѣніями, на которыхъ они были основаны. Только такимъ путемъ комиссія могла выяснить себѣ предѣлы своихъ правъ по измѣненію смѣтныхъ предположеній.

Далѣе, смѣты были представлены безъ достаточныхъ поясненій, и потребовался рядъ засѣданій съ представителями вѣдомствъ и рядъ сношеній съ ними по присылкѣ тѣхъ или иныхъ недостающихъ матеріаловъ и данныхъ. Формальныя препятствія, которыя правительство ставило и въ видѣ протеста противъ приглашенія экспертовъ, и въ видѣ отказа—сообщить журналъ междувѣдомственныхъ смѣтныхъ обсужденій, заставили членовъ комиссіи произвести отдѣльно рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій различныхъ отраслей государственнаго хозяйства въ связи со смѣтными ассигнованіями разныхъ вѣдомствъ. Такому обслѣдованію пришлось подвергнуть хозяйство винной монополіи, добычи нефти, желѣзныхъ, водныхъ и шоссейныхъ путей, управленія торговыхъ портовъ и т. д. По всѣмъ этимъ предметамъ удалось подготовить доклады, съ заключеніемъ по соотвѣтствующимъ смѣтамъ, къ серединѣ мая. Во второй его половинѣ начались окончательныя обсужденія докладовъ въ общихъ собраніяхъ бюджетной комиссіи, въ присутствіи министровъ, ихъ товарищей и особо командированныхъ представителей спеціальныхъ вѣдомствъ. Къ концу мая были окончательно разсмотрѣны смѣты министерства финансовъ, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ должно было послѣдовать окончательное, съ представителями вѣдомствъ, обсужденіе заготовленныхъ докладовъ по смѣтамъ: министерства путей сообщенія (желѣзнодорожныхъ,

водныхъ и шоссейныхъ сообщеній), департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, министерства торговли и промышленности (по управленію торговаго мореплаванія и портовъ и по горному департаменту), министерства народнаго просвѣщенія и отчасти внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и землеустройства. Наиболѣе затрудненій, по недостатку свободныхъ силъ, вызвала подготовка докладовъ по военному и морскому вѣдомству, но и по нимъ дѣло подъ конецъ наладилось. Въ самый разгаръ работы дума была распущена.

Въ комиссіи по исполненію росписи всѣ сношенія съ государственнымъ контролемъ заключались въ рядѣ просьбъ о сообщеніи необходимыхъ данныхъ, безъ которыхъ нельзя было вести никакой работы по контролю росписи, и въ рядѣ отказовъ со стороны государственнаго контроля дать какія-либо иныя свѣдѣнія, кромѣ уже сообщенныхъ, т. е. кромѣ провѣреннаго контролемъ кассоваго отчета. Нужна была особая энергія членовъ комиссія для того, чтобы даже при такихъ условіяхъ разработать полученный путемъ значительныхъ усилій цифровой матеріалъ, необходимый для доклада думѣ.

Въ финансовой комиссіи, при томъ же почти составѣ членовъ, какъ и въ предыдущей, занятіе шло значительно успѣшнѣе, благодаря большой корректности представителей вѣдомства. Несмотря на то, что внесенный министерствомъ матеріалъ требовалъ дополненій, что объяснительныя записки страдали одностороннимъ бюрократическимъ освѣщеніемъ, что литература вопроса не всегда была приведена съ исчерпывающей полнотой, оказалась возможной планомѣрная и продуктивная работа, въ результатѣ которой были

проведены черезъ думу нѣкоторые законопроекты (объ обложеніи туркестанскаго края, о повышеніи земельнаго налога, о распредѣленіи обложенія городской недвижимости) и изготовленъ цѣлый рядъ другихъ, стоявшихъ на очереди для ближайшихъ засѣданій и касавшихся, главнымъ образомъ, реформы косвеннаго обложенія.

По тѣмъ же, приведеннымъ выше, соображеніямъ, по которымъ фракція голосовала за передачу бюджета въ комиссію, она подала свой голосъ также и за утвержденіе законопроекта о новобранцахъ на 1907 годъ. Законопроектъ этотъ былъ внесенъ въ думу всего за нѣсколько дней до узаконеннаго срока. Тѣмъ не менѣе, фракція не рѣшилась ни отвергнуть его, ни оставить безъ разсмотрѣнія, такъ какъ дѣло здѣсь шло о государственной оборонѣ, т. е. о вопросѣ, имѣющемъ связь съ международнымъ положеніемъ государства и долженствующемъ стоять выше партійной борьбы. Притомъ же законопроектъ опредѣлялъ количество новобранцевъ на 6 тысячъ человѣкъ менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и отказъ повелъ бы только къ тому, что правительство получило бы право взять съ населенія прошлогоднюю цифру на шесть тысячъ больше, чѣмъ слѣдовало. По данному вопросу за отказъ стояло большее количество думскихъ группъ, нежели по вопросу о бюджетѣ, и фракціи пришлось, вмѣсто обсужденія практическаго вопроса о возможности сокращенія контингента, сосредоточить всѣ усилія на доказательствахъ, что утвердить контингентъ—не значитъ взять на себя отвѣтственность передъ народомъ за громадные размѣры нашей арміи, что отказъ поставилъ бы населеніе въ недоумѣніе, слѣдуетъ ли давать рекрутъ,—

и недоумѣніе это могло бы привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, что, наконецъ, дума не вправѣ была отказаться отъ провѣрки, правильно ли получена цифра рекрутъ.

Первой созидательной реформой, поставленной на обсужденіе государственной думы, былъ вопросъ о преобразованіи мѣстнаго суда. Законопроектъ, представленный по этому поводу министерствомъ юстиціи, былъ существенно переработанъ въ комиссіи подъ руководствомъ юристовъ партіи народной свободы: самостоятельно разработанъ вопросъ о примѣненіи обычнаго права, уничтоженъ имущественный цензъ, систематически проведено начало выборности судей.

Въ ближайшіе дни предстояло внесеніе на предварительное обсужденіе думы другого, еще болѣ важнаго для населенія законопроекта—о выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія. Внесеніе проектовъ о мѣстномъ самоуправленіи, къ сожалѣнію, замедлилось, и этимъ руководители крестьянъ-трудовиковъ старались воспользоваться, чтобы внушить крестьянамъ подозрѣніе, будто фракція народной свободы о нихъ не заботится и не хочетъ выполнять своихъ обѣщаній. На самомъ же дѣлѣ, еще задолго до созыва думы партіей было образовано въ Москвѣ особое совѣщаніе, которое выработало общія основанія реформы самоуправленія, а также и текстъ законопроекта о выборахъ въ уѣздныя и губернскія земскія учрежденія,—послѣдній на основѣ фракціоннаго проекта первой думы. Новая комиссія изъ членовъ фракціи второй думы еще разъ переработала, статью за статьей, законопроектъ о выборахъ и внесла въ него существенныя измѣненія, хотя и не отступая отъ основныхъ началъ. Этотъ пе-

реработанный проектъ, принятый фракціей, былъ внесенъ въ думу 17 апрѣля во время пасхальнаго перерыва. Однако же, министерскій проектъ о земскихъ выборахъ, хотя и сообщенный земскимъ управамъ, въ думу не поступалъ,—вѣроятно, во исполненіе ходатайства дворянскаго съѣзда. Такимъ образомъ, приходилось ждать установленнаго мѣсячнаго срока со времени посылки думскаго проекта министру (2 мая), и первое обсужденіе основныхъ положеній проекта могло послѣдовать - и предполагалось - въ одно изъ ближайшихъ засѣданій послѣ 2 іюня. Въ началѣ іюня долженъ былъ поступить въ думу и законопроектъ о выборахъ въ городскія думы, одобренный въ окончательномъ видѣ фракціей.

Министерство, съ своей стороны, внесло три законопроекта, касающихся реформы мѣстнаго управленія: 1) о губернскомъ управленіи; 2) объ уѣздномъ управленіи и 3) о поселковомъ и волостномъ управленіи и участковыхъ комиссарахъ. Къ послѣднему законопроекту фракція рѣшила пріурочить проведеніе черезъ думу закона о мелкой единицѣ. Ко времени начала работъ избранной думой (22 мая) комиссіи о мѣстномъ управленіи фракція составила основныя положенія своего проекта о волостномъ земствѣ, а ко времени роспуска думы и законченный проектъ его устройства.

Почва для принятія думой основаній этого проекта была значительно подготовлена путемъ групповыхъ собесѣдованій съ многими членами думы, преимущественно изъ крестьянъ.

Министерскій проектъ могъ быть легко измѣненъ послѣ этихъ совѣщаній сообразно предположеніямъ

комиссій, но на случай, если бы измѣненный такимъ путемъ проектъ былъ взятъ министерствомъ обратно, предполагалось внести въ думу законопроектъ о волостномъ земствѣ отъ фракціи.

Далѣе, стояли на очереди законопроекты объ измѣненіи другихъ частей положенія о земскихъ учрежденіяхъ и о повсемѣстномъ введеніи послѣднихъ. По первому изъ нихъ работа была значительно подготовлена еще фракціонной комиссіей первой государственной думы, по вопросу же о введеніи земства въ неземскихъ губерніяхъ образована была особая подкомиссія, съ участіемъ представителей окраинъ, которая собрала интересный матеріалъ и выяснила своеобразныя особенности различныхъ мѣстностей.

Вся эта живая и плодотворная работа, обѣщавшая, наконецъ, объединить около себя сочувствіе всего народа и дать исходъ его справедливымъ желаніямъ, была прервана событіями 3 іюня. Въ числѣ причинъ, поведшихъ къ роспуску думы, мы не находимъ офиціальныхъ указаній на самое содержаніе ея законодательной дѣятельности. Указывается лишь на медлительное разсмотрѣніе росписи, вызванное отчасти, какъ мы указывали раньше, сложностью и трудностью дѣла, отчасти же прямыми препятствіями со стороны представителей вѣдомствъ. Едва ли также можетъ быть поставлено въ вину думѣ, что она различно относилась къ министерскимъ законопроектамъ, отвергая одни, задерживая другіе и не обсуждая вовсе третьи. Принципіальнаго намѣренія во что бы то ни стало отвергать или затягивать обсужденіе министерскихъ проектовъ—во всякомъ случаѣ, не могло быть у руководителей фракціи думы, какъ видно изъ на-

стоящаго доклада. Но, конечно, пока правительство не работаетъ въ согласіи съ большинствомъ думы, это большинство считаетъ вправѣ распоряжаться своимъ правомъ законодательства сообразно своей собственной а не министерской программѣ, которой къ тому же и не существовало вовсе. Едва ли также можно отрицать у народныхъ представителей право использовать запросы такъ, какъ они обыкновенно дѣлаются во всякомъ конституціонномъ государствѣ, т. е. съ цѣлью показать отношеніе страны къ правительству. Этого отношенія дума, конечно, не могла измѣнить и не имѣла права скрывать.

Настоящій докладъ не можетъ входить подробно въ разсмотрѣніе обвиненій чисто политическаго характера, предъявленныхъ государственной думѣ. Обвиненія эти зиждутся на различномъ пониманіи способовъ водворенія порядка и нравственнаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ правительству. Расходясь въ этомъ пониманіи, большинство думы не могло, дѣйствительно, согласиться съ министерствомъ и относительно примѣненія указанныхъ способовъ. Впрочемъ, что касается послѣдняго изъ этихъ указаній, сдѣлавшагося, по несчастью, непосредственнымъ поводомъ роспуска, фракція считаетъ долгомъ констатировать, что въ этомъ случаѣ согласіе или несогласіе думы съ министерствомъ, вообще, не могло быть установлено, такъ какъ назначенная думой комиссія для разсмотрѣнія правительственнаго требованія не успѣла окончить своихъ занятій. Самое назначеніе комиссіи, во всякомъ случаѣ, уже показывало, что дума не откажется войти въ разсмотрѣніе требованія по существу, и фракція народной свободы, не предрѣшая выводовъ своихъ юри-

стовъ, членовъ комиссіи, дала имъ формальное порученіе выяснить добросовѣстность обвиненія по отношенію къ каждому отдѣльному члену государственной думы.

Не считая, такимъ образомъ, правильными обвиненія, поведшія къ роспуску думы, фракція, однако, разумѣется, не можетъ отрицать у власти права распустить палату, какъ скоро верховная власть находитъ, что по своему составу члены палаты не являются правильными выразителями нуждъ и желаній народныхъ. Но, по установившемуся въ наукѣ государственнаго права взгляду, въ случаѣ серьезныхъ основаній предполагать между страной и палатой значительное разногласіе въ мнѣніяхъ, приглашеніе высказаться вновь должно быть обращено къ прежнему составу избирателей. Относительно Россіи этотъ порядокъ гарантированъ былъ статьями 86 и 87 нашихъ „основныхъ законовъ“, по которымъ измѣненіе избирательнаго закона могло быть произведено исключительно въ обычномъ законодательномъ порядкѣ. Этотъ обычный путь не былъ соблюденъ. Въ результатѣ, народные представители, имѣющіе явиться въ третью государственную думу, могутъ оказаться въ ней выразителями нуждъ и желаній иного общественнаго слоя, чѣмъ тотъ, который представленъ былъ первыми двумя думами. Предоставляя партіи, въ лицѣ ея съѣзда, опредѣлить тѣ послѣдствіи, которыя вытекаютъ изъ новаго политическаго положенія для партійной тактики, фракція, съ своей стороны, лишь считаетъ нужнымъ констатировать, что совершившаяся перемѣна находится въ полномъ согласіи съ тѣми стремленіями, представителями которыхъ во второй думѣ явились

крайніе правые. Въ этомъ отношеніи актъ 3 іюня является лишь завершеніемъ той кампаніи, которая велась въ теченіе почти двухъ лѣтъ полусекретной дворянской организаціей, дѣятельность которой была своевременно обнаружена печатью. Такимъ образомъ, относительно юридическаго и политическаго смысла совершившейся перемѣны не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній.